

Главный редактор

Л. В. Шкваря, д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: destard@rambler.ru

Заместитель главного редактора

С. Ю. Муртузалиева, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Председатель редакционного совета

А. В. Шишкин, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры маркетинга Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Редакционный совет

Л. Гринберг, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Москва, Россия
E-mail: grinberg@inecon.ru

М. В. Кулаков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

Н. Н. Неновски, д-р экон. наук, профессор Университета Пикардии имени Жюль Верна, член Правления Болгарского национального банка, Амьен, Франция,
E-mail: nenovsky@gmail.com

А. А. Праневич, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе Белорусского Государственного экономического университета, Минск, Беларусь
E-mail: pranevich@bseu.by

В. А. Шлямин, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института североамериканских исследований Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия
E-mail: shlyamin@petrsu.ru

Б. Д. Хусайнов, д-р экон. наук, профессор, академик Казахской национальной академии естественных наук, Алматы, Казахстан
E-mail: bkhusainov@gmail.com

Хэ Минцзюнь, канд. экон. наук, старший преподаватель Куньминского университета науки и техники, Куньмин, КНР
E-mail: sldj2005@163.com

О. А. Ястребов, д-р экон. наук, профессор, ректор Российского университета дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: rector@rudn.ru

Chief Editor

L. V. Shkvaryay, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: destard@rambler.ru

Deputy Editor-in-Chief

S. V. Murtuzalieva, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Chairman of the Council

A. V. Shishkin, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Marketing Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Editorial Council

R. S. Grinberg, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: grinberg@inecon.ru

M. V. Kulakov, D. Sc. (Economics), Professor, Head of the Laboratory Studying Social and Economic Problems of Developing Countries, of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

N. N. Nenovsky, D. Sc. (Economics), Professor of the University of Picardie Jules Verne, Member of the Board of the Bulgarian National Bank, Amiens, France
E-mail: nenovsky@gmail.com

A. A. Pranevich, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus
E-mail: pranevich@bseu.by

V. A. Shlyamin, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Nordic Studies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
E-mail: shlyamin@petrsu.ru

B. D. Khusainov, D. Sc. (Economics), Professor, Academician of the Kazakhstan National Academy of Natural Sciences, Almaty, Kazakhstan
E-mail: bkhusainov@gmail.com

He Mingjun, PhD (Economics), Senior Lecturer of the Kunming University of Science and Technology, Kunming, China
E-mail: sldj2005@163.com

O. A. Yastrebov, D. Sc. (Law, Economics), Rector of the RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: rector@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Р. Бышарова, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: byasharova.ar@rea.ru

Т. В. Воронина, д-р экон. наук, доцент,
заведующая кафедрой «Мировая экономика
и международные отношения» Южного
федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: tvoronina@sfedu.ru

Н. В. Захарова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: zakharova.nv@rea.ru

С. В. Иванова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ivanova.sv@rea.ru

Л. Констанци, д-р экон. наук, профессор,
Американский университет
в Центральной Азии, Бишкек, Киргизия
E-mail: konstants_l@auca.kg

Т. И. Кузьмина, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

Л. Ф. Лебедева, д-р экон. наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, руководитель центра социально-
экономических исследований Института США
и Канады РАН, Москва, Россия
E-mail: liudran@mail.ru

Д. В. Муха, канд. экон. наук, доцент,
директор ГНУ «Институт экономики НАН
Беларуси», Минск, Беларусь
E-mail: mukha@economics.basnet.by

Г. В. Подбиралина, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

И. А. Родионова, д-р геогр. наук, профессор,
главный научный сотрудник АО ЦНИИ
«Электроника», Москва, Россия
E-mail: iarodionova@mail.ru

А. В. Рыжаклова, д-р техн. наук, профессор,
профессор кафедры товароведения
и товарной экспертизы Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

Е. Д. Фролова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры международной экономики
и менеджмента Уральского федерального
университета, Екатеринбург, Россия
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

EDITORIAL BOARD

A. R. Byasharova, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: byasharova.ar@rea.ru

T. V. Voronina, D. Sc. (Economics), Associate
Professor, Head of the World Economy
and International Economic Relations Department
of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tvoronina@sfedu.ru

N. V. Zakharova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: zakharova.nv@rea.ru

S. V. Ivanova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: ivanova.sv@rea.ru

L. Konstants, D. Sc. (Economics), Professor
of the American University of Central Asia,
Bishkek, Kyrgyz Republic
E-mail: konstants_l@auca.kg

T. I. Kuzmina, D. Sc. (Economics),
Professor, Professor of the World Economy
Department of the Plekhanov Russian University
of Economics, Moscow, Russia
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

L. F. Lebedeva, D. Sc. (Economics), Professor, Honored
Worker of Science of the Russian Federation,
Head of the Social and Economic Research Center
of the Institute for US and Canadian Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: liudran@mail.ru

D. V. Mukha, PhD (Economics), Associate Professor,
Director of the Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: mukha@economics.basnet.by

G. V. Podbiralina, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

I. A. Rodionova, D. Sc. (Geography), Professor,
Chief Researcher of JSC Central Research Institute
"Electronics", Moscow, Russia
E-mail: iarodionova@mail.ru

A. V. Ryzhakova, D. Sc. (Technology), Professor,
Professor of the Commodity Science and commodity
Examination Department of the Plekhanov Russian
University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

E. D. Frolova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the Department of International
Economics and Management
of the Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

Содержание

Инновационное развитие

<i>Авдокушин Е. Ф., Ван Жуй, Фролов А. В.</i> Стратегия государства в управлении инновациями и технологическим развитием Китая.....	5
<i>Чжан Чэнпей.</i> Креативные отрасли Китая: тенденции и структурные преобразования в производстве и торговле.....	28
<i>Карагулян Е. А., Жан-Нозль Моссо.</i> Политика кибербезопасности в Западной Африке: пример Ганы.....	44

Мировая экономика и международные экономические отношения

<i>Асмятуллин Р. Р., Бяшарова А. Р.</i> Стратегии жесткой и мягкой силы современной России на Ближнем Востоке.....	62
<i>Забазнова Н. М., Мурадова И. Ю., Соколова Е. И.</i> Демография vs иммиграция в Германии: анализ современной ситуации	76
<i>Речкин М. К.</i> Перспективы развития российско-китайских отношений в сфере транспортной логистики	86
<i>Шарова А. Ю.</i> Электроэнергетика Африки: современное состояние, проблемы и перспективы развития.....	101

Международная торговля

<i>Гирич М. Г., Левашенко А. Д.</i> Перспективы выхода российского бизнеса на рынки электронной коммерции стран АСЕАН: ключевые барьеры для экспорта.....	117
<i>Гутникова О. Н.</i> Экспортный потенциал Республики Крым в направлении производства и сбыта эфирных масел.....	133
<i>Агибалова Е. Л., Каржанова Н. В.</i> Внутрорегиональная торговля: сущность и основные цели на примере ЕАЭС.....	145
<i>Андреева Е. Л., Антоненко В. М.</i> Разработка системы мер развития и поддержки экспорта в Удмуртской Республике.....	155
<i>Селамовски Ф., Воронова Т. А.</i> Оценка последствий торговых соглашений: на примере Северной Македонии.....	167
<i>Рытова Н. С.</i> Смартизация международной торговли как современная и долгосрочная тенденция ее развития: характеристики, факторы, возможные последствия.....	178

Мировая валютно-финансовая система

<i>Федоров А. В.</i> Роль Африки в реформировании мировой валютно-финансовой системы.....	189
<i>Замесина С. Н., Сапунцов А. Л.</i> Особенности формирования и механизмы регулирования внешнего долга Эфиопии	201

Contents

Innovative Development

<i>Avdokushin E. F., Wang Zui, Frolov A. V.</i> China's National Strategy in Managing Innovation and Technological Development.....	5
<i>Zhang Chengpei.</i> Creative Industries of China: Tendencies and Structural Transformation in Production and Trade.....	28
<i>Karagulyan E. A., Jean-Noel Mosso.</i> Cybersecurity Policy in West Africa: the Case of Ghana.....	44

World Economy and International Economic Relations

<i>Asmyatullin R. R., Byasharova A. R.</i> Contemporary Russia's Hard and Soft Power Strategies in the Middle East.....	62
<i>Zabaznova N. M., Muradova I. Y., Sokolova E. I.</i> Demography vs Immigration in Germany: an Analysis of the Current Situation.....	76
<i>Rechkin M. K.</i> Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations in the Field of Transport Logistics.....	86
<i>Sharova A. Yu.</i> Electricity Sector in Africa: Current State, Problems and Prospects	101

International Trade

<i>Girich M. G., Levashenko A. D.</i> Prospects for Russian Businesses Entering the ASEAN Countries' e-Commerce Markets: Key Export Barriers	117
<i>Gutnikova O. N.</i> Export Potential of the Republic of Crimea in the Direction of Production and Sales of Essential Oils.....	133
<i>Agibalova E. L., Karzhanova N. V.</i> Intraregional Trade: the Essence and Main Objectives on the Example of the EAEU.....	145
<i>Andreeva E. L., Antonenko V. M.</i> Working Out the System of Measures for Export Development and Support in Udmurt Republic.....	155
<i>Selamovski Ph., Voronova T. A.</i> Evaluating the Effects of Trade Agreements: the Case of North Macedonia.....	167
<i>Rytova N. S.</i> Smartization of International Trade as a Modern and Long-Term Trend of its Development: Characteristics, Factors, Possible Consequences.....	178

The Global Monetary and Financial System

<i>Fedorov A. V.</i> The Role of Africa in Reforming the Global Monetary and Financial System.....	189
<i>Zamesina S. N., Sapuntsov A. L.</i> Features of the Formation and Mechanisms For Regulating Ethiopia's External Debt.....	201

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА Т. 11, № 4 (44) 2025

Ответственный
секретарь **Е. В. Золотова**

Редактор **Т. Л. Савельева**
Оформление обложки
Ю. С. Жигалова

Адрес редакции:
109992, Москва,

Стремянный пер., 36.

Тел. **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mttp@rea.ru**

Подписано в печать 24.11.2025.

Формат 70 x 108 1/16.

Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 18,9.

Уч.-изд. л. 15,32.

Тираж 1 000 экз.

Заказ

Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г. В. Плеханова».
115054, Москва,

Стремянный пер., 36.

INTERNATIONAL TRADE AND TRADE POLICY Vol. 11, № 4 (44) 2025

Executive Secretary
E. V. Zolotova

Editor **T. L. Savel'eva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

Tel.: **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mttp@rea.ru**

Signed for print: 24.11.2025.

Format 70 x 108 1/16.

Printed sheets 13,5.

Conv. sheets 18,9.

Publ. sheets 15,32.

Circulation 1,000.

Order

Free price.

Printed in Plekhanov
Russian University
of Economics.
36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-5-27>

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВА В УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИЯМИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ КИТАЯ

Е. Ф. Авдокушин

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

Ван Жуй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

А. В. Фролов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Статья посвящена особенностям процесса создания нормативно-правовой базы государственного управления инновационного и научно-технического развития за годы экономической реформы в Китае. Выделены этапы этого процесса и даны их характеристики с позиций становления и совершенствования государственной стратегии в отношении развития научно-технического сектора китайской экономики. Особое внимание уделено процессу внедрения рыночных отношений в структуру научных исследований и опытно-конструкторских разработок и их последующей коммерциализации и трансфера. Показано нарастающее внимание к развитию фундаментальных научных исследований. Дан анализ положительных и отрицательных результатов процесса реализации концепции государственного управления научно-техническим развитием в Китае.

Ключевые слова: государственное управление, инновации, научно-техническое развитие, законодательство, коммерциализация, научно-технические программы, новая концепция развития, Стратегия производительных сил нового качества.

CHINA'S NATIONAL STRATEGY IN MANAGING INNOVATION AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Evgeny F. Avdokushin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Wang Zui

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Andrey V. Frolov

Lomonosov Moscow State University;
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article is devoted to the specifics of the process of creating a regulatory framework for public administration of innovative and scientific and technological development during the

years of economic reform in China. The stages of this process are highlighted and their characteristics are given from the standpoint of the formation and improvement of the state strategy for the development of the scientific and technical sector of the Chinese economy. Special attention is paid to the process of introducing market relations into the structure of scientific research and development and their subsequent commercialization and transfer. The increasing attention to the development of fundamental scientific research is shown. The analysis of positive and negative results in the process of implementing the concept of public administration of scientific and technological development in China is given.

Keywords: public administration, innovation, scientific and technical development, legislation, commercialization, scientific and technical programs, new development concept, Strategy of productive forces of new.

Введение

В настоящее время инновации стали приоритетом экономической политики во многих странах, поддерживаемым национальными стратегиями и значительными бюджетами. Многие правительства учредили специализированные министерства, ведомства и управления для содействия изучению, внедрению и реализации инновационной политики. Страны, уже создавшие такие государственные органы поддержки инноваций, раньше иных стали лидерами мирового экономического роста¹.

За прошедшие 75 с лишним лет с момента основания КНР страна прошла путь поступательного развития и укрепления в процессе экономической реформы. Развитие движется за счет инноваций, но сами инновации требуют реформаторской движущей силы. Современная теория и практика научно-технических инноваций в Китае неразрывно связаны с реформированием системы управления наукой и техникой. Именно постепенное реформирование и совершенствование научно-технической системы способствовали ускорению темпов научно-технических инноваций и создали условия технологического рывка, который совершил Китай за последние 10 лет.

Исследования развития и процесса управления инновациями Китая позволяют глубже понять структуру и механизмы его национальной инновационной системы и имеют практическое значение для формирования эффективного инструментария сотрудничества России и КНР в высокотехнологичных областях.

Эволюция управления инновационной деятельностью

Процесс развития системы научно-технических инноваций Китая проходил в несколько этапов, отражающих общую линию реформы научно-технической системы, ее тесную связь с социально-экономичес-

¹ The Global Flourishing of National Innovation Foundations. – URL: <https://itif.org/publications/2015/04/13/global-flourishing-national-innovation-foundations/>

ким развитием и реформой государственного аппарата, а также эволюцию инструментария государственного регулирования.

Первый этап (1978–2000 гг.) – всесторонняя модернизация китайской экономики и адаптация ее к рынку. Переход к реформе научно-технической системы начался после культурной революции, ключевым событием этого периода стало принятие «Набросков национального плана развития науки и техники на 1978–1985 гг.» (1978 г.).

Главной задачей китайских реформаторов со времени проведения третьего пленума ЦК КПК 11 созыва в конце декабря 1978 г. стала тотальная модернизация китайской экономики. Решение этой задачи было принято посредством проведения временной политики урегулирования, упорядочения народного хозяйства, реализации стратегического курса под названием «Четыре модернизации», который включал реформу в таких отраслях, как сельское хозяйство, промышленность, оборона, наука и техника.

Реализация стратегии «Четыре модернизации» в начале 1980-х гг. осуществлялась с упором на первые две ее составляющие: сельское хозяйство и промышленность. Именно в этих областях развернулись широко-масштабные реформы, подкрепляемые общегосударственной политикой открытости внешнему миру. Одновременно китайское руководство создавало первичные условия для научно-технической модернизации страны, опираясь на проведение реформ и по другим направлениям, акцентируя внимание на их постепенность и точечность.

В 1980 г. Правительство КНР сформулировало стратегию «Экономическое строительство должно опираться на науку и технику, научно-техническая работа должна быть ориентирована на реальную экономику». Начались эксперименты по объединению производства, науки и исследований (производственно-научно-исследовательские объединения – ПНИО). На основании Постановления Госсовета КНР «О Временных правилах по развертыванию и защите социалистической конкуренции» (1980 г.) в целях поощрения новаторства в технике, изобретательства и защиты законных экономических интересов соответствующих организаций и лиц в отношении важных научно-технических достижений, являющихся изобретениями и открытиями, должна осуществляться их платная передача. С этого официально начался процесс коммодификации научно-технических достижений в Китае, а также зарождение технологического рынка.

В 1985 г. ЦК КПК принял «Решение о реформе системы управления наукой и техникой», ознаменовавшее всесторонний запуск реформы научно-технической системы. В Решении указывалось, что основное содержание реформы включает преобразование механизма функционирования научно-технической работы, реструктуризацию организационной

системы научно-технической сферы и реформирование системы управления научными кадрами. В качестве прорывных направлений реформы были выбраны изменение системы финансирования научно-исследовательских учреждений и формирование технологического рынка. Эти действия побуждали НИИ к саморазвитию, а их активность в обслуживании экономики стимулировала научно-технических работников к созданию предприятий и руководству предприятиями. Под воздействием этих мер научное сообщество постепенно включалось в процесс обслуживания реальной экономики, становясь ее необходимой частью.

В 1986 г. в соответствии с Единым планом Государственного совета КНР официально был обнародован План развития науки и техники на 1986–2000 гг., который дополнял и развивал план 1980 г. Этот План стал наиболее масштабным по привлеченным человеческим ресурсам (включая известных специалистов и инженерно-технических экспертов из ФРГ, Японии, Европейского экономического сообщества (ЕЭС), США и других стран) и оказал глубокое влияние на развитие науки и техники. В рамках Плана была поставлена задача неукоснительного выполнения решений ЦК КПК о реформе научно-технической системы. План требовал создания сквозной интеграции научных исследований, проектирования, производства и сбыта (идущей по единой цепи), осуществления различных форм кооперации, содействия интеграции науки и техники с производством и активизации научно-исследовательской деятельности.

В разработке этого Плана на протяжении 5 лет участвовали ведущие правительственные организации, включая Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), Государственный плановый комитет (Госплан) и Государственный комитет по экономике и торговле (Госкомэкономики).

Данный План можно охарактеризовать двумя ключевыми аспектами:

1. Акцент на интеграцию науки и техники с экономикой. На основе базового курса наука и техника должны служить народному хозяйству, а народное хозяйство должно опираться на науку и технику. С учетом этого была дополнительно продвинута реформа научно-технической системы.

2. Внедрение научно-технической политики. Опубликование и реализация политики в области техники и технологий стали базовой политической основой для руководства, надзора и проверки направлений технологического развития Китая, что способствовало быстрому и широкому внедрению научно-технических достижений в производство.

Для реализации Плана правительство запустило ключевые научно-технические программы: Программа 863 (исследования в области высоких технологий), программа «Факел» (содействие индустриализации высоких технологий), программа «Искра» (для сельских районов), Национальный фонд естественных наук Китая (НФЕК) (поддержка фундамен-

тальных исследований) и т. д. Эти программы помогли активизировать поиск полезных методов государственного управления научно-технической деятельностью и научно-технических ресурсов для реализации Плана.

В 1986 г. Госсовет опубликовал «Временное положение об управлении ассигнованиями на науку и технику» и учредил Государственный фонд естественных наук Китая. В 1987 г. был опубликован и введен в действие Закон о договорах в сфере техники. Впоследствии бывшая Государственная научно-техническая комиссия совместно с Верховным народным судом выпустила разъяснения по рассмотрению дел, связанных с техническими договорами, а Верховная народная прокуратура издала «Некоторые мнения по рассмотрению споров в научно-технической сфере»¹, что способствовало стимулированию развития технологического обмена и рынка технологий, а также защищало законные права и интересы научно-технических работников. В том же году Госсовет принял «Некоторые положения о дальнейшем продвижении реформы системы науки и техники»², предложив конкретные меры по повышению автономии научно-исследовательских учреждений, либерализации кадровой политики в отношении научных работников и содействию интеграции науки и техники с экономикой. В 1988 г. Госсовет издал «Решение по вопросам углубления реформы системы науки и техники»³, в котором поощрялось преобразование научно-исследовательских учреждений в новые научно-исследовательские, производственные и хозяйственные субъекты; активная разработка и организация производства высокотехнологичной продукции; создание зон развития новых высоких технологий (ЗРНВТ) в районах с высокой концентрацией интеллектуальных ресурсов для развития высокотехнологичных отраслей; всемерное содействие научно-техническому прогрессу на предприятиях и в сельских районах; поддержка развития научно-технических учреждений различных форм собственности, включая коллективные и частные; активное внедрение различных форм системы ответственности подрядного хозяйствования. Это стало значительным шагом в проведении работ по реформе системы науки и техники.

1980-е гг. можно охарактеризовать как начальный период подготовки нормативных экономико-правовых тактических и стратегических государственных решений по модернизации развития науки и техники. В этих документах государство нацеливало научные изыскания на тесную связь с практикой, делая осторожные шаги по маркетингизации этого

¹ URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/fa0a757/eafaba1f12da55b44b26666e.html>

² URL: http://www.gd.gov.cn/zwgk/gongbao/1987/3/content/post_3354832.html

³ URL: http://www.gov.cn/zhouce/zhengceku/2016-10-19/content_5121808.html

процесса в условиях активной дискуссии в руководстве Китая и СМИ по вопросам соотношения плана и рынка при социализме. Особо следует отметить, что в конце 1980-х гг. государством предлагалось включить в общий процесс модернизации науки и техники учреждения различных форм собственности (коллективные и частные предприятия), которые должны дополнять деятельность государственных научно-технических организаций. По мере внедрения в китайскую экономику рыночных отношений включение научно-технических предприятий негосударственных форм собственности было закреплено в ряде других нормативных документов. Однако их участие в процессе модернизации науки и техники рассматривалось по-прежнему как полезное дополнение к деятельности государственных научно-технических организаций.

После выдвижения руководством КНР (инициатива группы во главе с Дэн Сяопином) цели построения в стране рыночной экономики (1992 г.) Государственная комиссия по науке и технике (ГКНТ) продолжила законодательные реформы. Так, принятие Закона о научно-техническом прогрессе (ЗНТП) в 1993 г.¹ стало знаковым событием. Это был первый базовый Закон Китая в области науки и техники, заложивший правовые основы деятельности. Закон о содействии преобразованию научно-технических достижений (вступил в силу 1 октября 1996 г.)² дополнил ЗНТП, разъяснив принципы трансформации, гарантии, порядок распределения прав и интересов. Местные власти приняли соответствующие нормативные акты и сформулировали стратегии самостоятельных инноваций в рамках общегосударственного Закона.

Начиная с 1992 г. в реформе экономической системы Китая был достигнут определенный прогресс как в теоретическом, так и практическом плане (образование СЭЗ и использование в этих зонах рыночных инструментов). Прежде всего был совершен кардинальный отход от развития на основе инструментария командной плановой экономики. Хотя формально был принят ряд законов, иных решений государства по развитию науки и техники с использованием рыночного инструментария, существовало достаточно сильное сопротивление влиятельной группы «леваков», отстаивавших прежние методы хозяйствования. Только после XV съезда КПК, провозгласившего тезис об использовании и построении в стране «социалистической рыночной экономики с китайской спецификой» сопротивление «леваков» удалось сломить [2]. Государственная по-

¹ URL: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/flfg/200811/t20081129_65693.html

² URL: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/flfg/200811/t20081119_65694.html

литика в отношении модернизации и развития науки и техники в целом становится более действенной.

«Решение об ускорении научно-технического прогресса» (1995 г.) четко обозначило начало этапа всестороннего рыночного обслуживания задач и целей экономического строительства и индустриализации. Реализация АНК проекта «Инновации знаний» (1998 г.) и углубление реформы НИИ министерств и ведомств под лозунгом «Инновации и индустриализация» (1999 г.) стали важными шагами в реализации реформ научно-технической системы Китая.

На начальном этапе реформ инновационный режим научно-технической системы представлял собой комбинированную модель перехода от плана к рынку. Внедрение свободной конкуренции и рыночных механизмов в плановую систему ускорило трансформацию НТП. По мере усиления роли рынка в распределении ресурсов инновационная деятельность получила заметный толчок к развитию. Высокотехнологичные госпредприятия, частные, волостные/сельские предприятия воспользовались преимуществами рыночного хозяйствования. Однако они все еще не обладали операционной автономией и статусом основного субъекта инноваций. Инструментарий государства в макроконтроле за продвижением внедрения науки и техники в экономику требовал дальнейшего совершенствования на основе укрепления рыночных отношений.

Реформа научно-технической системы Китая продолжала углубляться, а степень коммерциализации технологий постепенно повышаться. Правительство реализовало комплекс мер, направленных на повышение способности к независимым инновациям. Основным средством поддержки научных исследований и технологического прогресса оставались прямые государственные инвестиции. Несмотря на достижения в содействии инновациям и развитию, сохранялись проблемы, такие как недостаточное признание статуса и роли предприятий как главного субъекта инноваций, слабый инновационный потенциал предприятий, институциональные и организационные барьеры.

Второй этап – 2001 – середина 2010-х гг. – характеризуется подготовкой условий для перехода к стратегии самостоятельных инноваций и совершенствования управления.

Углубление экономической глобализации ускорило глобализацию науки и техники. С 90-х гг. XX в. от приоритетов борьбы за природные ресурсы акцент международной конкуренции переносится к конкуренции в сфере знаний (в том числе к конкуренции за привлечение в свою страну талантов). Китай остро нуждался в прорывах в области самостоятельных инноваций на основе освоения передовых зарубежных достижений.

Помимо необходимости развития творческого потенциала, в области новых технологий выявились системные проблемы, сдерживающие инновации, особенно в вузах:

- низкий уровень коммерциализации прав интеллектуальной собственности (ПИС), неудачные сделки;
- неравномерность прав собственности и сделок из-за распределения научно-технических ресурсов;
- высокие системные издержки, вызванные законами, подзаконными актами как запретительные, «красные документы»;
- значительный объем НИОКР в вузах при их низкой коммерциализации, сдерживание рыночных трансакций. Причины такой ситуации в том, что большинство НИОКР вузов финансировались государством, результаты считались служебными изобретениями, ПИС – государственными активами, доходы от которых должны были поступать в бюджет («два дохода – два расхода»);
- сложность и многоэтапность процесса трансформации, высокая стоимость трансакций;
- противоречия между правовыми нормами и социальной реальностью.

К этим проблемам можно добавить неоднозначные последствия узкоэкономической ориентации науки (загрязнение среды, дисбаланс социальной структуры, исследования индекса счастья и др.). Разработка инновационной политики в новую эпоху требовала решения этих и ряда других вопросов.

XVI съезд КПК (2002 г.) выдвинул цели построения всестороннего умеренно процветающего общества «Сяокан» к 2020 г. Реализация стратегии самостоятельных инноваций и всестороннее построение национальной инновационной системы стали главной задачей государственной политики. Ключевая цель – создание рыночно ориентированной, предприятиецентричной системы технологических инноваций, объединяющей промышленность, науку и исследования.

Национальный среднесрочный и долгосрочный план развития науки и техники (2006–2020 гг.) определил национальную инновационную систему как «социальную систему под руководством правительства, в которой в полной мере учитывается фундаментальная роль рынка в распределении ресурсов, и в которой все виды субъектов инноваций (с особой ролью частных предприятий) тесно связаны и эффективно взаимодействуют»¹. Реализация плана знаменует этап, когда государственное управление инновациями опирается на законы рынка, уделяет внимание совместному участию общества в индустриализации науки и тех-

¹ URL: http://www.gov.cn/jrzg2006-02/09/content_183787.htm

ники. Среди важных задач плана следует отметить увеличение расходов на НИОКР до 2,5% от ВВП к 2020 г., требование 60%-ного роста экономики за счет НТП. При этом зависимость роста от зарубежных инноваций должна снизиться до 30%.

Модернизация Закона о научно-техническом прогрессе (2007 г.) (ЗНТП) усилила акцент на статусе предприятий, защите прав интеллектуальной собственности (ПИС), ускорении трансформации научно-технических разработок, создании диверсифицированных механизмов инвестирования в НИОКР, государственной поддержке (финансы, налоги, финансирование, госзакупки). Закон дополнялся координацией между государством и рынком, наукой и экономикой. Цель – служение социально-экономическому развитию, своевременная трансформация результатов инноваций в реальные производительные силы¹.

Можно констатировать, что в 1990-е гг. и в нулевых годах были определены направления развития китайской экономики на основе достижений науки и техники с декларациями об опоре на собственные технологические инновации. Однако вплоть до начала 2010-х гг. продолжался процесс массового заимствования зарубежных технологий с той или иной степенью адаптации к китайским условиям. В конце нулевых годов в Китае произошел всплеск в пропаганде «модели Шаньчжая», «духа Шаньчжая». Появилось множество статей в китайских СМИ, выпущен ряд монографий, посвященных анализу этой модели и необходимости использования ее на практике в Китае [3; 5]. Суть «модели Шаньчжая» состояла в отказе от слепого заимствования передовых зарубежных технологий и образцов в пользу их инновационной переработки. После добавления собственных идей и наработок в зарубежные образцы, они выдавались за новые разработки и технологии. Такой подход стал для ряда китайских компаний определяющим, в особенности для тех, которые участвовали в схемах международного производственного аутсорсинга [15]. Несмотря на критику в китайской и зарубежной экономической печати «модели Шаньчжая» как тупикового развития, консервации отставания от технологического прогресса, следования в фарватере западных разработок и технологий (причем в основном их кражи), элементы этой модели не исчезли из практики Китая. Вплоть до середины 2020-х гг. «Шаньчжайский подход» использовался многими крупными компаниями Китая. Правда, «модель Шаньчжая» в основном использовалась в конкурентной борьбе между самими китайскими компаниями посредством заимствования передовых, прорывных технологий у конкурентов и их творческой переработки и совершенствования.

¹ URL: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/flfg/200811/t20081129_65697.html

Третий этап экономической политики государства в отношении углубленной модернизации науки и техники и перехода на инновационный путь развития на основе собственных инноваций начался с середины 2010-х гг. после XIX съезда КПК и 3 пленума ЦК КПК (2013 г.).

К этому времени Китай добился существенных успехов в своем экономическом развитии, став «мировой фабрикой» по производству ряда промтоваров, вышел на позиции лидера в мировом экспорте товаров, в том числе по наращиванию экспорта высокотехнологичных товаров (бытовой и строительной техники, деталей для автомобилей, разного рода гаджетов и др.), регистрации патентов, количеству научных публикаций в высокорейтинговых научных технических журналах, постепенно продвигался вверх в Глобальном индексе инноваций и др. Поэтому переход на новый качественный этап развития для Китая определялся не просто амбициями руководства страны, а базировался на успехах экономики предшествующего периода в соответствии с требованиями новой четвертой промышленной революции, включая создание ряда высокотехнологичных отраслей (например, робототехники), бум технологических стартапов, накопление рекордных золотовалютных резервов, устойчивые темпы роста ВВП. Немаловажную роль играли и частные наукоёмкие предприятия, создаваемые на базе НИИ и вузов [17].

Углубленный подход к инновационной политике государства происходил также в условиях усиления технологической конкуренции на внутреннем и внешнем рынке, в особенности в области конкуренции национальных инновационных систем. Внутренней причиной перехода на преимущественно инновационный рост можно считать и острое идеологическое противостояние между странами капитализма и исповедующим принципы социализма Китаем. Эта вялотекущая борьба заставляла китайское руководство планировать свое будущее на основе достижения полноценного технологического суверенитета.

В середине 10-х гг. XXI в. китайские правительственные учреждения последовательно выпустили три средне- и долгосрочных плана (научно-технический, кадровый, образовательный) и более 60 поддерживающих стратегий. Соответствующие ведомства (Миннауки, Минфин и др.) разработали 78 правил реализации, охватывающих инвестиции, налоговые льготы, финансовую поддержку, госзакупки, создание и защиту прав интеллектуальной собственности, кадры, популяризацию науки.

Очередной пересмотр Закона о содействии преобразованию научно-технических достижений (ЗСПНТД) (август 2015 г.) обогатил концепцию права на научные исследования, трансформировал ответственность государства из виртуальной в реальную, обеспечил решение дилеммы научно-технических прав. Внесенные поправки были важны для ускорения трансформации научно-технических разработок в реальные произ-

водительные силы, содействия интеграции науки и экономики, стимулирования инновационной активности, создания благоприятной инновационной среды, реализации стратегии инновационного развития. В свою очередь пересмотр Закона о научно-техническом прогрессе (ЗНТП), Закона о трансформации научно-технических достижений, Закона КНР «О трансферте и трансформации научно-технических результатов» отразил изменения в государственном управлении инновациями [12].

Таким образом, на основе этих планов и законов были приняты следующие решения:

1. *Акцент на свободе исследований.* Децентрализация гарантирует свободу НИОКР, поощряет исследования и инновации, защищает права научно-технических работников. Закон о трансформации способствовал разрушению барьеров, сковывающих коммерциализацию НТР и использование ПИС в вузах и НИИ, обеспечивал субъектам инноваций реальные права на использование, распоряжение и получение дохода от научно-технических разработок (НТР). Это отражало стремление государства к сокращению избыточного вмешательства, соблюдению рыночных законов, уважению субъектов инноваций.

2. *Рыночная ориентация и регулирование.* Раньше тематика исследований, финансируемых из бюджета, не соответствовала реальным потребностям предприятий, что приводило к их низкой коммерциализации. Статья 24 пересмотренного Закона о трансформации требовала, чтобы в научно-технических проектах с рыночными перспективами и четкими промышленными целями, финансируемых из бюджета, учитывались ведущая роль предприятий в выборе направления НИОКР, реализации проектов и применении результатов, поощрялось совместное выполнение проектов предприятиями, НИИ, вузами. Статья 32 ЗНТП поощряла предприятия создавать внутренние НИОКР подразделения, совместно с вузами/НИИ готовить кадры. Была запущена базовая модель инфраструктуры создания рынка технологий (политика, законы, система управления, сервис). Поправки к Закону о трансформации впервые закрепили положения о развитии рынка технологий (статья 30 о поощрении услуг по технологическим сделкам), отражая роль государства (вмешательство, участие, поддержка, руководство), нацелили на совершенствование механизмов компенсации рисков и финансирования.

3. *Диверсификация поддержки НИОКР.* Процессы НИОКР и трансформации НТР – высокорискованные и ресурсоемкие. Новые законы предусматривали диверсифицированную поддержку (финансы, инвестиции, налоги, кадры, промышленность, финансирование, госзакупки). Например:

- средства Государственного фонда венчурного инвестирования должны направляться на поддержку венчурных институтов, инвестирующих в начинающие наукоемкие МСП;
- поощрение создания фондов трансформации научно-технических разработок в реальную экономику или фондов риска с уточнением источников;
- поощрение финансовых институтов к залоговому финансированию (под ПИС, долевое участие);
- совершенствование многоуровневого рынка капитала, поддержка финансирования трансформации через листинг.

4. *Диверсификация режимов управления.* Решение проблемы информационной асимметрии через систему научно-технической отчетности. Ранее информация хранилась разрозненно в разных ведомствах (Миннауки, Патентное ведомство, Минсельхоз и др.), что мешало обмену и своевременной трансформации. Новый Закон требовал передачи информации о научно-технических разработках в единую информационную систему.

5. *Расширение тезиса: «Наука и техника служат не только экономике, но и обществу».* Трансформация научно-технического развития должна способствовать не только экономике, но и приумножению качественных социально-экономических благ, охране окружающей среды, рациональному использованию ресурсов, социальному развитию, поддержанию национальной безопасности. Пересмотренный Закон о трансформации предусматривал специальную поддержку (госзакупки, финансирование НИОКР) проектов, направленных на ресурсосбережение, экологию, улучшение условий жизни и здоровья, развитие сельских, отдаленных, бедных районов.

Вслед за этим Государственный совет и местные органы власти выпустили серию сопутствующих документов для этого Закона. Государственным советом КНР 21 апреля 2016 г. была опубликована Программа действий по содействию трансферу и трансформации научно-технических достижений (План мероприятий по содействию передаче и трансформации научно-технических результатов¹. Данный документ имел важное значение для продвижения структурных реформ, особенно реформ со стороны предложения (структурных преобразований), поддержки трансформации и модернизации экономики и корректировки отраслевой структуры, стимулирования массового предпринимательства и инноваций (массового предпринимательства и новаторства) (в соответствии с инициативой бывшего премьера Госсовета Ли Кэцзяна), а также формирования новых драйверов экономического развития.

¹ URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-05/09/c_128971333.htm

Программа определила базовые принципы – ориентация на рынок, руководство со стороны государства, вертикально-горизонтальное взаимодействие, инновационность механизмов, а также общие цели, ключевые задачи и гарантирующие меры¹.

В 2016 г. Госсовет КНР утвердил Государственную программу научно-технических инноваций на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.), представлявшую развитие долгосрочной программы 2006 г. с учетом реалий разворачивающейся четвертой промышленной революции и насущных потребностей и планов китайской экономики. В эту Программу были включены 5 крупных направлений развития научных знаний, включая электронику, информатику, энергоресурсы и экологию; биологию и здравоохранение, исследование Мирового океана, а также космоса. При этом особое внимание уделялось реализации междисциплинарных проектов в области квантовой связи, квантовых компонентов, науки о мозге и др. По оценке китайских экономистов, Программа 2006 символизировала вступление Китая в эпоху научно-технических инноваций 1.0, а Программа 2016 означала движение вперед в эпоху научно-технических инноваций 2.0 [7].

В ноябре 2016 г. Канцелярия Центрального комитета КПК и Канцелярия Государственного совета КНР опубликовали ряд мнений о реализации политики распределения, ориентированной на повышение ценности объектов интеллектуальной собственности², направленных на формирование механизма распределения доходов, отражающего повышение ценности интеллектуальной собственности, усиление долгосрочного стимулирующего эффекта прав на научно-технические достижения для научных сотрудников и активизацию их инновационной и предпринимательской инициативы. В документе особо указывалось на необходимость совершенствования механизмов долгосрочного стимулирования научных сотрудников на государственных предприятиях. Уважая право предприятий как субъектов рыночной экономики на самостоятельность в вопросах распределения доходов, документ предусматривал совершенствование системы вознаграждения сотрудников государственных пред-

¹ Ведомства, ответственные за выполнение задач: Министерство науки и техники КНР, Министерство финансов КНР, Главное управление по контролю качества, инспекции и карантину КНР (Государственное управление по контролю за качеством), Академия наук Китая, Государственное управление оборонной науки, техники и промышленности КНР, Министерство промышленности и информатизации КНР, Министерство сельского хозяйства и сельских дел КНР, Государственное управление по интеллектуальной собственности КНР, Государственный комитет по делам государственных активов при Госсовете КНР (Госкомитет по управлению госимуществом при Госсовете КНР) и ряд других управляющих органов, большинство из которых относится к экономическим ведомствам.

² URL: https://www.gov.cn/zhengce/202203/content_3635235.htm

приятий, увязанной с научно-техническими достижениями и показателями инновационной деятельности.

Ранее в начале 2016 г. Министерство финансов КНР, Министерство науки и техники КНР и Государственный комитет по делам государственных активов при Госсовете КНР совместно издали «Временные меры по стимулированию акционерного участия и распределения прибыли на государственных научно-технических предприятиях»¹. В сентябре того же года Министерство финансов КНР и Главное государственное налоговое управление КНР опубликовали «Уведомление о совершенствовании политики подоходного налога в отношении опционов и технологических вкладов в уставный капитал»². Массовый выход вышеуказанных политических документов еще больше повысил практическую применимость и эффективность реализации Закона КНР «О трансформации научно-технических достижений» (Закона КНР «О трансферте и трансформации научно-технических результатов»)³.

Отмечая обилие разного рода законов, решений, рекомендаций относительно государственного регулирования процесса модернизации и развития науки и техники, можно констатировать, что с конца 10-х гг. XXI в. последовательно формировалась основа для технологического рывка Китая. Нормативные государственные установки и успешная реализация ряда технологических проектов («Факел», «Искра», «863» и др.) стали существенным фактором для выдвижения в 2015 г. амбициозной программы «Сделано в Китае – 2025», выполнение которой объективно ставило Китай в один ряд с мировыми лидерами технологического развития.

По словам американского исследователя С. Кеннеди, «Сделано в Китае – 2025» стала первой комплексной национальной программой, демонстрирующей целенаправленные усилия по разработке и поддержке новых производственных технологий в китайской обрабатывающей промышленности [18]. В содержании этой программы были использованы многие императивы четвертой промышленной революции с заимствованием ряда уже разработанных и используемых в западных странах технологий, что обеспечивало снижение рисков в их применении. При этом ставилась цель в течение 10 лет максимально ускорить развитие собственных технологий, обеспечивающих модернизацию экономики и достижение технологического суверенитета [13].

Основные пункты программы «Сделано в Китае – 2025» вошли в материалы 13 и 14-го пятилетних планов социально-экономического развития КНР. Эти планы определяли пространство государственной полити-

¹ URL: https://www.gov.cn/gonbao/content2016/content_5082994.htm

² URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-09/23/content_5110888.htm #1

³ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-08/30/content_2922111.htm

ки в области развития передовых технологий, вписывающихся в процесс модернизации китайской экономики. При этом подчеркивалось, что источником развития этого процесса, его драйвером должны стать национальные инновации.

Со второй половины 2010-х гг. китайское руководство акцентирует внимание на необходимости существенного стимулирования фундаментальных исследований. Если до этого периода в основном провозглашались призывы к развитию научных фундаментальных исследований (при этом часто купировавшихся требованиями отвечать непосредственным нуждам практики), то теперь значительный упор стал делаться на их материальную поддержку, включая возросшее финансирование, кредитные и налоговые льготы и др. и послабления. В мае 2016 г. в дополнение к Государственной программе научно-технических инноваций на 13-ю пятилетку¹ был разработан Специальный план по национальным фундаментальным исследованиям в годы 13-й пятилетки, в котором были определены 16 проектов, отражающих основные тенденции современного научно-технического развития, в частности, информатики, цифровизации и других стратегических областей. План включал меры по масштабному проектному финансированию наиболее значимых перспективных тем с концентрацией усилий ведущих научно-исследовательских центров Китая.

В январе 2018 г. Госсовет КНР, учитывая недостаточный объем финансирования фундаментальных научных исследований и, как следствие, малое количество оригинальных, прорывных разработок, выпустил «Руководство по всестороннему укреплению фундаментальных научных исследований», включавшее 20 задач, таких как создание высококласных исследовательских центров, расширение кадрового состава исследователей и оптимизация институциональной среды и т. п. При этом государство увеличило объем ассигнований на стимулирование разного рода НИОКР для инновационных предприятий всех форм собственности². Реализация принципов Руководства способствовала усилению внимания различных научно-технических структур к активизации своих НИОКР с возрастанием доли фундаментальных исследований.

В 2021 г. на Центральной экономической конференции (ежегодной) научно-техническая политика была включена в состав 7 ключевых макрополитик наряду с финансами³. В том же году была детализирована Десятилетняя программа фундаментальных научных исследований, в

¹ URL: https://www.gov.cn/zhengce/2016-05/19/content_5074812.htm

² URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2018/content_5266238.htm

³ URL: <https://www./baijiahao.baidu.com/S?id=1721495161920245759&wfr=spider&for=pc>

которой содержались требования существенного финансирования фундаментальных исследований в области науки и техники. В пересмотренный Закон о НТП были добавлены разделы о фундаментальных исследованиях, региональных инновациях, международном научно-техническом сотрудничестве. Указывалось на необходимость упрощения регистрации бюрократических процедур при выдвижении научных инициатив, создании новых научных учреждений¹.

В 2025 г. 7 государственных ведомств по инициативе Миннауки КНР выпустили совместный документ под названием «Политика ускорения формирования системы научно-технических финансов», призванный способствовать созданию специальных банковских и страховых структур для поддержания технологических компаний, включая инновационные предприятия малого и среднего бизнеса негосударственных форм собственности через кредитование и рынок капитала².

Многие российские и зарубежные исследователи задаются вопросом, как при отсутствии существенной базы фундаментальных научных исследований Китаю удалось добиться заметного прорыва в освоении и развитии ряда передовых и прорывных технологий. Не претендуя на исчерпывающее объяснение этого феномена, назовем две основные причины достижения такого состояния. Во-первых, Китай изначально опирался на использование накопленного багажа зарубежных научно-технологических разработок и технологий посредством участия в многочисленных СП с западными партнерами. При этом китайское руководство ставило условие западному партнеру о необходимости передачи технологий китайскому предприятию и обучения по овладению этими технологиями китайского персонала. В этот период с 80-х гг. XX в. до середины 10-х гг. XXI в. китайские предприятия не гнушались тотально заимствовать зарубежную интеллектуальную собственность посредством ее откровенной кражи, на что не раз указывали зарубежные исследователи. Однако по мере осознания китайским руководством того, что этот путь не приведет ни к технологическому лидерству, ни тем более к технологическому суверенитету, он был скорректирован. При этом в балансе взаимоотношений НИОКР с реальной экономикой все больший упор стал делаться на фундаментальных научных исследованиях как базе для будущих технологических прорывов.

Во-вторых, сугубо прагматический подход к развитию науки и техники во многом обуславливается требованиями ускоренного прорыва в когорту технологически развитых стран. Но для этого не хватало ни фи-

¹ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/25/content_5664471.htm

² Миннауки КНР, НБК, ГУФПК, CSRC, Госкомитет по развитию и реформам, Минфин КНР, SASAC. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2025/content_7023765.htm

нансовых средств, ни компетентных кадров. По мере накопления финансовых ресурсов, подготовки квалифицированных кадров с привлечением высококлассных зарубежных специалистов Китай наращивает усилия по развитию фундаментальных научных исследований, демонстрируя существенный прогресс по освоению новых и высоких технологий.

Стабильный рост освоения и генерации новых и высоких технологий на основе развивающихся фундаментальных научных исследований, поддерживаемый устойчивым ростом ВВП страны, несмотря на эпидемию COVID-19 и зарубежные санкции, способствовал выдвижению концепции развития экономики нового качества, которая основывалась на высокотехнологичных производительных силах. В середине 2023 г. была обнародована новая инициатива Си Цзиньпина, превратившаяся в последующем в достаточно стройную стратегию развития на основе производительных сил нового качества (ПСНК) [1]. В результате новая концепция развития, провозглашенная на XX съезде КПК в отчетном докладе Си Цзиньпина, получила свой третий определяющий элемент (рисунок).

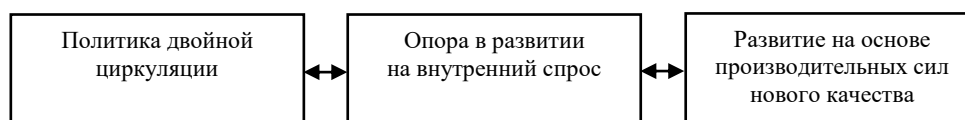

Рис. Новая концепция развития (НКР)

Следует отметить, что осуществление НКР, как в отношении опоры в развитии на внутренний спрос, так и в реализации стратегии развития на основе производительных сил нового качества, проходит достаточно сложно. Си Цзиньпин в своей речи накануне юбилея образования КПК в июле 2025 г. отметил, что пока развитие на основе ПСНК реализуется не без проблем и существенных трудностей¹.

Заключение

Постоянное совершенствование методов управления инновациями и технологическим развитием является результатом трансформации государственного управления и отражением концепции публичного администрирования. В условиях гибкой политики инновационного менеджмента научно-технический потенциал Китая получил существенное развитие.

В процессе экономических реформ происходит повышение стратегического статуса развития экономики – инновационная политика приобретает решающее значение как в общем экономическом развитии, так

¹ URL: <https://russian.news.cn/20250915/fdeac2e37666433085bec5104447a3c4/c.html>

и в достижении национального суверенитета. Растет уважение к научным изысканиям в том числе фундаментального характера, предоставляется все больше творческой свободы для научных учреждений как государственных, так и частных организаций. Происходит укрепление правовых гарантий посредством активной законотворческой деятельности и расширения, углубления рыночно ориентированной коммерциализации инноваций.

Китай ускоренно формирует архитектуру управления научно-техническим развитием с целевой установкой достижения технологического суверенитета. Можно сказать, что в Китае происходит управленческая революция, в которой важным механизмом является конкуренция управленческих структур на региональном уровне. Так, например, реализация Закона КНР о содействии трансферу и трансформации научно-технических достижений и других подобных актов локализуется на провинциальном уровне посредством выработки собственных механизмов с учетом местной специфики в рамках ключевых установок центральных властей.

Конкуренция провинциальных властей за наиболее успешную реализацию государственных циркуляров становится важной движущей силой преобразований. Государство контролирует процесс адаптации посредством выпуска уточняющих решений, мнений, рекомендаций, способствуя в случае необходимости их корректировке.

Фактически Китай в дополнение к экономическому и технологическому чуду создает основы для управленческого чуда, в основе которого лежит жесткое государственное регулирование развивающихся рыночных отношений, коммерциализации интеллектуальной собственности, реализует в той или иной степени модель соотношения плана и рынка, проблема которого в Китае остается актуальной с 80-х гг. прошлого века.

В условиях высокой значимости, придаваемой государством научно-техническим инновациям, и активного продвижения стратегии инновационного развития, рынок коммерциализации научно-технических достижений в Китае сталкивается с новыми реалиями и требованиями к трансформации экономической структуры и формированию новой экономической реальности.

С одной стороны, в стране происходит совершенствование рыночных механизмов. На рынке наблюдается динамичное развитие субъектов, основу которых составляют государственные организации, негосударственные инновационные предприятия, организации научно-технических услуг, финансовые институты и другие участники. Значительный рост демонстрируют рынки технологических сделок и управления интеллектуальной собственностью, а также платформы публичных научно-технических услуг, технопарки и бизнес-инкубаторы. Формируемая

нормативно-правовая база и сопутствующие меры государственной поддержки коммерциализации научно-технических результатов становятся все более совершенными.

С другой стороны, в процессе коммерциализации научно-технических достижений в Китае возник ряд новых проблем. Сохраняется достаточно высокая доля бюрократизации этого процесса. Государство стремится контролировать все процессы рыночных отношений. Имеются случаи имитации инноваций, пустых экспериментов, хотя и без саботажа. Сохраняется и такая проблема, как приписанные достижения, рисованные показатели. В результате постоянный рост уровня коммерциализации все еще остается относительно низким по сравнению с развитыми странами. Вследствие ограничений в качестве инноваций Китай, будучи лидером по количеству подаваемых и выдаваемых патентных заявок, демонстрирует превосходство по их объему при недостаточном качестве и эффективности («велик, но не силен, велик, но не превосходит»). Доля изобретений в общем числе патентов небольшая, значительную часть составляют полезные модели и промышленные образцы. Тем не менее преодолевая временные трудности и решая застарелые проблемы, Китай твердо нацелен на реализацию поставленной генеральной цели – стать к середине XXI в. мировой научно-технологической державой.

Историческая логика исследованных процессов государственного управления наукой и развитием технологий в целом показывает итоговую результативность большинства принятых в этой области решений для развития КНР. Опыт КНР может показать, как этим процессом нужно управлять, развивая национальный инновационный потенциал.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф., Ван Жуй. Разработка концепции производительных сил нового качества и практика ее реализации в Китае // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – № 2. – С. 5–23.
2. Делюсин Л. П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. – М. : Муравей, 2003. – С. 157–180.
3. Ду Юйпин. Интернационализация китайских предприятий – перспектива от интернационализации НИОКР. Чжун го цзинцзи чубаньшэ, 2010. – С. 93–98. (на китайском языке). 杜玉平《中国企业国际化——基于研发国际化的视角》// 中国经济出版社2010 : 93–98.
4. Ли Го. Классификационное каскадирование: объяснительная концепция реформы государственных институтов Китая — на основе аналитической框架 «структура-история» // Административный Трибунал. – 2024. – № 3. – С. 95–104. (на китайском языке). 李过《分类层叠:中国

政府机构改革的解释性概念 ——基于“结构-历史”的分析框架》// 行政论坛 - 2024 (3) : 95–104.

5. Ли Гуанчжоу. Три состояния Шаньчжая // Новые финансы. – 2009. – № 1. (на китайском языке). 李光斗 《山寨的三种境界》// 新财经 – 2009 (1) .

6. Ли Юнгуй. Логическая архитектура трансформации модели экономического развития // Исследование экономических проблем. – 2011. – № 2. (на китайском языке). 李永贵 《转变经济发展方式的逻辑架构》// 经济问题探索. – 2011 (2).

7. Лю Цзе. Самое важное в ходе научно-технического развития // Китай. – 2018. – № 3. – С. 29-31 (на китайском языке). 刘杰 《科技发展进程重要事项》// 中国. – 2018 (3) : 29–31.

8. Си Цзиньпин. Последовательно продвигать строительство единого общенационального рынка // Цюйши. – 2025. – № 18. 习近平 《推进全国统一大市场建设》// 求是 2025 (18) .

9. Сюй Ликий. Анализ пути трансформации модели экономического развития, способствующей трансформации правительства // Китайские и зарубежные предприниматели. – 2018. – № 14. – С. 38–39. (на китайском языке). 徐丽凯 《经济发展方式的转变推动政府转型的路径分析》// 中外企业家 2018 (14): 38–39.

10. Сюэ Тяньсян. О сущности, особенностях и закономерностях управления научно-технической деятельностью в вузах // Исследования и управление развитием. – 1996. – № 04. – С. 1–5. (на китайском языке). 薛天祥 . 《论高校科技管理的本质、特性和规律 》// 研究与发展管理 , 1996 (04) : 1–5.

11. Цзян Ян, Хао Бинъюй, Вэй Ипин. Исследование оценки эффективности управления научно-технической деятельностью и стратегий оптимизации на основе метода множественной регрессии // Хэйлуцзянская наука. – 2025. – № 15. – С. 39–42. (на китайском языке). 姜洋 , 郝冰玉, 尉一平 《基于多元回归方法的科技管理效能评估与优化策略研究》// 黑龙江科学 2025 (15): 39–42.

12. Чжоу Хайюань. От правительственных обязательств к научным правам: причины и пути решения проблемы декларативности законодательства о науке и технологиях // Журнал Вестник университета Хуачжун: Наука и технологии (социальные науки). – 2016. – № 11. (на китайском языке). 周海源 《从政府职责到科研权利: 科技法虚置化的成因及出路》// 华中科技大学学报: 社会科学版, 2016 (11) : 68–75.

13. Чжунго чжицзао 2025, (лань пишу) 2017. Сделано в Китае 2025 // Голубая книга : ежегодник, 2017. Пекин, Дяньчунге чубаньшэ, 2017. (на китайском языке). 《中国制造2025 蓝皮书: 年度报告, 2017》北京: 电子工业出版社, 2017 年.

14. Чэнь Цзянь. Трансформация правительства в условиях экономической трансформации // Журнал Шанхайского административного института. – 2010. – № 3. (на китайском языке). 陈建《经济转型中的政府转型》// 上海行政学院学报, 2010 (3).

15. Шаньчжай пришел – «Чжунго цайцзин baodao – «Цзиньюэ гунъе чубаньшэ». – Пекин, 2009.

16. Шэнь Чжиюань. Исследование сдерживающих факторов и стратегий повышения эффективности управления научно-технической деятельностью в вузах в новую эпоху // *Высокие технологии и индустриализация*. – 2024. – № 11. – С. 121–124. (на китайском языке). 陈建《经济转型中的政府转型》// 上海行政学院学报, 2010 (3).

17. Hong W. Decline of the Center. The Decentralizing Process of Knowledge Transfer of Chinese University from 1985 to 2004 // *Research Policy*. – 2008. – Vol. 37. – P. 580–595.

18. Kennedy S. Made in China 2025. – URL: <http://www.csis.org/analysis/made-in-china-2025>

References

1. Avdokushin E. F., Van Zhuy. Razrabotka kontseptsii proizvoditelnykh sil novogo kachestva i praktika ee realizatsii v Kitae [Formulating the Concept of New Quality Productive Forces and Its Implementation in China]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2025, No. 2, pp. 5–23. (In Russ.).

2. Delyusin L. P. Den Syaopin i reformatsiya kitayskogo sotsializma [Deng Xiaoping and the Reform of Chinese Socialism]. Moscow, Muravey, 2003, pp. 157–180. (In Russ.).

3. Du Yuypin. Internatsionalizatsiya kitayskikh predpriyatiy – perspektiva ot internatsionalizatsii NIOKR [The Internationalization of Chinese Enterprises – A Perspective from R & D Internationalization] *Zhongguo Jingji Chubanshe*, 2010, pp. 93–98. (In Chinese).

4. Li Go. Klassifikatsionnoe kaskadirovaniye: obyasnitel'naya kontseptsiya reformy gosudarstvennykh institutov Kitaya – na osnove analiticheskoy 框架 «struktura-istoriya» [Classification Cascading: An Explanatory Concept for Chinese State Institutional Reform – Based on the "Structure- History" Analytical Framework]. *Administrationnyy Tribunal* [Administrative Tribune], 2024, No. 3, pp 95–104. (In Chinese).

5. Li Guanchzhou. Tri sostoyaniya Shchanchzhaya [The Three States of Shanzhai]. *Novye finansy* [New Finance], 2009, No. 1. (In Chinese).

6. Li Yunguy. Logicheskaya arkhitektura transformatsii modeli ekonomicheskogo razvitiya [The Logical Architecture of Economic

Development Model Transformation]. *Issledovanie ekonomicheskikh problem*. [Research on Economic Problems], 2011, No. 2. (In Chinese).

7. Lyu Tsze. Samoe vazhnoe v khode nauchno-tekhnicheskogo razvitiya [The Most Important Aspect in the Process of Scitech Development]. *Kitay* [China], 2018. No. 3, pp. 29–31. (In Chinese).

8. Si Tszinpin. Posledovatelno prodvigat stroitelstvo edinogo obshchenatsionalnogo rynka [Consistently Promote the Construction of a Single National Market]. *Tsyuyshi*, 2025, No. 18.

9. Syue Likay. Analiz puti transformatsii modeli ekonomicheskogo razvitiya, sposobstvuyushchey transformatsii pravitelstva [Analysis of the Path of Economic Development Model Transformation Facilitated by Government Transformation]. *Kitayskie i zarubezhnye predprinimateli* [Chinese and Foreign Entrepreneurs], 2018, No 14, pp. 38–39. (In Chinese).

10. Syue Tyansyan. O sushchnosti, osobennostyakh i zakonomernostyakh upravleniya nauchno-tekhnicheskoy deyatel'nostyu v vuzakh [On the Essence, Characteristics, and Patterns of University Scitech Activity Management]. *Issledovaniya i upravlenie razvitiem* [R & D Management], 1996, No. 04, pp. 1–5 (In Chinese).

11. Tszyan Yan, Khao Binyuy, Vey Ipin. Issledovanie otsenki effektivnosti upravleniya nauchno-tekhnicheskoy deyatel'nostyu i strategiy optimizatsii na osnove metoda mnozhestvennoy regressii [Research on the Performance Evaluation and Optimization Strategies of Scitech Management Based on the Multiple Regression Method]. *Kheyluntszyanskaya nauka*. [Heilongjiang Science], 2025, No. 15, pp. 39–42 (In Chinese).

12. Chzhou Khayyuan. Ot pravitelstvennykh obyazatelstv k nauchnym pravam: prichiny i puti resheniya problemy deklarativnosti zakonodatelstva o nauke i tekhnologiyakh [From Government Obligations to Scientific Rights: Causes and Solutions for the Declarative Nature of Sci-tech Legislation]. *Zhurnal Vestnik universiteta Khuachzhun: Nauka i tekhnologii (sotsialnye nauki)*. [Journal of Huazhong University of Science and Technology (Social Sciences)], 2016, No. 11. (In Chinese).

13. Chzhungo chzhitszao 2025, (lan pishu) 2017. Sdelano v Kitae 2025 [Zhongguo Zhizao 2025, (Lan Pishu) 2017 = Made in China 2025]. *Golubaya kniga* [Blue Book], *ezhegodnik*, 2017. Pekin, Dyanchunge chubanshe, 2017. (In Chinese).

14. Chen Tszyan. Transformatsiya pravitelstva v usloviyakh ekonomicheskoy transformatsii [Government Transformation in the Context of Economic Transformation]. *Zhurnal Shankhayskogo administrativnogo instituta*. [Journal of the Shanghai Administration Institute], 2010, No. 3. (In Chinese).

15. Shanchzhay prishel – «Chzhungo tsaytszin baodao – «Tszinyue gunе chubanshe». Pekin, 2009. (In Chinese).

16. Shen Chzhiyuan. Issledovanie sderzhivayushchikh faktorov i strategiy povysheniya effektivnosti upravleniya nauchno-tekhnicheskoy deyatel'nostyu v vuzakh v novuyu epokhu [Research on Constraints and Strategies for Enhancing the Efficiency of University Sci-tech Management in the New Era]. *Vysokie tekhnologii i industrializatsiya* [High-Technology and Industrialization], 2024, No. 11, pp. 121–124. (In Chinese).

17. Hong W. Decline of the Center. The Decentralizing Process of Knowledge Transfer of Chinese University from 1985 to 2004. *Research Policy*, 2008, Vol. 37, pp. 580–595.

18. Kennedy S. Made in China 2025. Available at: <http://www.csis.org/analysis/made-in-china-2025>

Поступила: 09.10.2025

Принята к печати: 10.10.2025

Сведения об авторах

Евгений Федорович Авдокушин
доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической
теории и менеджмента МПГУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный
университет», 127006, Москва,
ул. Каретный Ряд, д. 2
E-mail: aef2005@yandex.ru

Ван Жуй
аспирантка экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени
М. В. Ломоносова», 119991, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 46.
ORCID: 0000-0003-0568-503X
E-mail: zuiwang1991020@gmail.com

Андрей Викторович Фролов
доктор экономических наук,
доцент экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова;
профессор кафедры политической
экономики и истории экономической
науки РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени
М. В. Ломоносова», 119991, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 46;
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
ORCID: 0009-0002-1808-4620
E-mail: Frolov.AV@rea.ru

Information about the authors

Evgeny F. Avdokushin
Doctor of Economics, Professor
of the Department of Economic Theory
and Management of Moscow Pedagogical
State University.
Address: Moscow Pedagogical State
University, 2 Karetny Ryad Street, Moscow,
127006, Russian Federation.
E-mail: aef2005@yandex.ru

Wang Zui
PhD Student at the Faculty of Economics
of the Lomonosov Moscow State
University.
Address: Lomonosov Moscow State
University, 46 building, 1 Leninskie gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-0568-503X
E-mail: zuiwang1991020@gmail.com

Andrey V. Frolov
Doctor of Economics,
Associate Professor at the Faculty
of Economics of the Lomonosov Moscow
State University;
Professor of the Department of Political
Economy and History of Economics
of the PRUE.
Address: Lomonosov Moscow State
University, 46 building, 1 Leninskie gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
ORCID: 0009-0002-1808-4620
E-mail: Frolov.AV@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-28-43>

КРЕАТИВНЫЕ ОТРАСЛИ КИТАЯ: ТЕНДЕНЦИИ И СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ И ТОРГОВЛЕ ¹

Чжан Чэнпей

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

В данном исследовании анализируются развитие и структурная трансформация крупнейших креативных отраслей Китая с 2004 по 2023 г. Несмотря на то что Китай стал мировым экспортером продукции креативных отраслей с общим объемом торговли в 166,36 млрд долларов и устойчивым профицитом торгового баланса, в отрасли сохраняются структурные противоречия. Исследование показало, что креативные отрасли Китая демонстрируют динамику сильного производственного сектора и слабого контента, при этом основные продукты контента, такие как публикации, составляют всего 3,1% от общего объема экспорта и испытывают устойчивый дефицит торгового баланса. Инициатива «Один пояс – один путь» дает возможности снизить зависимость от рынков развитых стран. Для достижения устойчивого роста Китаю важно трансформировать креативные отрасли, отказавшись от акцента на масштаб и производство в пользу инноваций и качества контента. Исследование может стать основой разработки экономической политики для стран с развивающейся экономикой, стремящихся решить структурные проблемы креативных отраслей посредством регионального сотрудничества.

Ключевые слова: торговля креативных отраслей, культурная индустрия, торговля товарами культурного назначения, структурный дисбаланс, инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), Китай.

CREATIVE INDUSTRIES OF CHINA: TENDENCIES AND STRUCTURAL TRANSFORMATION IN PRODUCTION AND TRADE ²

Zhang Chengpei

Ural Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

This study analyzes the development and structural transformation of China's cultural industries from 2004 to 2023. Although China has become the world's largest exporter of

¹ Исследование было поддержано грантом Российского научного фонда № 22-18-00679, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00679/>

² The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation N 22-18-00679, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00679/>

cultural products, with a total trade volume of US\$166.36 billion and a sustained trade surplus, structural contradictions persist within the industry. The study found that China's cultural industry exhibits a "strong manufacturing sector and weak content" dynamic, with core content products such as publications accounting for only 3.1% of total exports and experiencing a persistent trade deficit. The Belt and Road Initiative provides a crucial path to reducing reliance on developed countries' markets. China urgently needs to transform its industry from a scale-driven, manufacturing-dependent model to one centered on content innovation and quality to achieve sustainable growth. This study offers valuable insights for emerging economies seeking to address the structural challenges of cultural trade through regional cooperation.

Keywords: Trade in creative industries, Cultural industry, Cultural trade, Structural imbalance, Belt and Road Initiative (BRI), China.

Introduction

With the globalization of the knowledge economy, the cultural industry has become a key driver of global economic transformation [17]. The cultural industry is a knowledge-intensive industry based on individual creativity, skills, and intellectual property creation. Over the past two decades, the cultural industry has expanded rapidly around the world, with its growth rate exceeding that of many traditional industries [8]. The cultural economy can also enhance a country's image and influence, promote innovation in other industries, create high-quality employment opportunities, and stimulate economic growth and urban development transformation [7; 13; 25]. The cultural industry faces the market in the form of cultural products to achieve value exchange. Therefore, cultural products are a key bridge connecting creative supply and consumer demand.

Cultural products refer to goods and services such as artwork, heritage preservation, cultural industries, and art festivals. According to UNESCO, the cultural industry currently accounts for approximately 3.1% of global GDP, contributes to 6.2% of global employment, and creates approximately 50 million jobs worldwide. The cultural industry's economic contribution is estimated to be between \$2.3 trillion and \$4.3 trillion annually, and is projected to account for approximately 10% of global GDP by 2030. Consequently, many governments have established the cultural industry as a new pillar of national economic development.

The Chinese government has issued the "Several Economic Policies on Promoting High-Quality Cultural Development", which clearly puts forward the goal of developing the cultural industry into a pillar industry of the national economy. In 2023, the added value of China's cultural and related industries reached US\$843.7 billion, accounting for 4.59% of GDP, an increase of 7.1% over the previous year. According to statistics from the General Administration of Customs, in 2023, the total import and export volume of China's cultural products reached US\$166.363 billion, and China has become the world's largest exporter of cultural products [16]. A country's cultural

output can influence the cognition of the international community and eliminate diplomatic and trade barriers. The popularization of cultural products can enhance the national brand and make other products and services more attractive [5; 17].

Looking back at the history of China's rapid economic growth, it was mainly based on large-scale resource input, a large amount of capital and labor supply. This model has brought about tremendous growth in the national economy, but it is no longer suitable for the operation of China's economy today [23]. In today's world where resources are no longer abundant, labor costs are rising, and environmental problems are becoming increasingly serious, the country needs to develop industries with high added value, low resource consumption, high-capacity utilization, and environmental protection. The cultural industry is an industry with these characteristics.

Literature Review

Different countries have different definitions of cultural industries. The concept of cultural and creative industries (CCIs) matured in the early 21st century. In 2001, John Hawkins systematically expounded on the "creative economy" that creates wealth through creativity and intellectual property rights [6], while the UK Department for Culture, Media and Sport (DCMS) officially defined the "creative industries" for the first time [10]. Since then, international definitions have become diversified: UNCTAD and UNESCO adopt an inclusive framework, emphasizing its symbolic value [26]; the United States focuses on "copyright industries" and South Korea focuses on cultural commercialization [18]. China's current definition is relatively broad, viewing it as "an emerging industry that commercializes cultural elements and intellectual property rights." This diversity highlights the need for specific analysis based on national conditions.

Academic research generally agrees that CCIs are key catalysts for economic growth and transformation. Its theoretical basis can be traced back to Solow's (1956) growth model that emphasizes technological progress [4], and its significant contribution to GDP has been confirmed by empirical studies such as Padalino (1997) [20]. Florida's (2005) "creative class" theory and subsequent research show that CCIs can promote regional innovation and new enterprise formation through talent aggregation and knowledge spillovers [3; 9; 21]. However, existing research focuses on overall economic contributions and lacks analysis of the internal value chain structure and structural contradictions of manufacturing-intensive economies [8; 19]. Cultural trade is constrained by economic scale, cultural and geographical distance, and institutional environment. Economic factors are the basic driving force. As Krugman [14] explained the home market effect, the GDP and per capita income level of trading partners significantly promote cultural trade

through economies of scale [24]. Although geographical and cultural distance usually creates resistance by increasing transaction costs and reducing affinity, the low materiality and high content orientation of digital products (such as streaming) can partially offset this negative impact [1; 2; 28;]. Furthermore, the institutional environment constitutes a key framework. Efficient legal systems, digital governance, and free trade agreements can lower barriers, while protectionist policies inhibit market access [22]. Therefore, understanding a country's cultural trade situation requires a comprehensive consideration of the interaction between its economic foundation, cultural affinity, and institutional policies.

Existing research suffers from two key gaps: first, a lack of systematic structural analysis of China's cultural trade; and second, insufficient exploration of the strategic role of China's policy-driven model (the Belt and Road Initiative) in cultural trade. Therefore, this paper aims to fill these gaps through a structure-oriented analytical framework and provide insights into how emerging economies can address trade structural challenges through regional cooperation.

Methodology and Data Sources

This article primarily utilizes structural analysis and time series data trend analysis, combined with descriptive statistics and graphical visualization, to systematically analyze the scale, structure, and market distribution of China's cultural product trade from 2004 to 2023, as well as the current status of cultural trade with countries and regions along the Belt and Road Initiative.

This article draws on official Chinese and internationally authoritative databases. Macroeconomic indicators are provided by the National Bureau of Statistics of China. The authors compiled detailed data on cultural product imports and exports based on the 2024 Statistical Yearbook of the National Bureau of Statistics of China. The Ministry of Commerce of the People's Republic of China provides statistical data related to the Belt and Road International Cooperation Platform, which is used to analyze cultural trade between China and countries along the Belt and Road Initiative.

Structural Analysis of China's Cultural Industry and Trade

The Chinese government attaches great importance to the development of the cultural industry, viewing it as a key engine for enhancing the country's cultural soft power and promoting high-quality economic development. Through a series of top-level designs and strategic plans, such as the "Several

Economic Policies to Promote High-Quality Cultural Development"¹ and the "14th Five-Year Plan for Cultural Industry Development"², the Chinese government has provided institutional guarantees and policy support for the development of the cultural industry. China's spending on culture and tourism has increased from 48.01 billion yuan in 2012 to 128.04 billion yuan in 2023, an average annual growth of 9.3%³.

Figure 1 shows the evolution of the added value of China's cultural and related industries and their share of GDP from 2004 to 2023, demonstrating a trend of steady expansion and sustained growth. In 2012, the added value of cultural and related industries as a percentage of GDP exceeded 3% for the first time, reaching 3.36%, a significant milestone. By 2023, the added value of cultural and related industries reached 5.95 trillion yuan, accounting for 4.59% of GDP, an increase of 0.17 percentage points over the previous year. The continued growth of cultural and related industries highlights their growing role in the national economy and their potential to enhance China's cultural soft power and international trade.

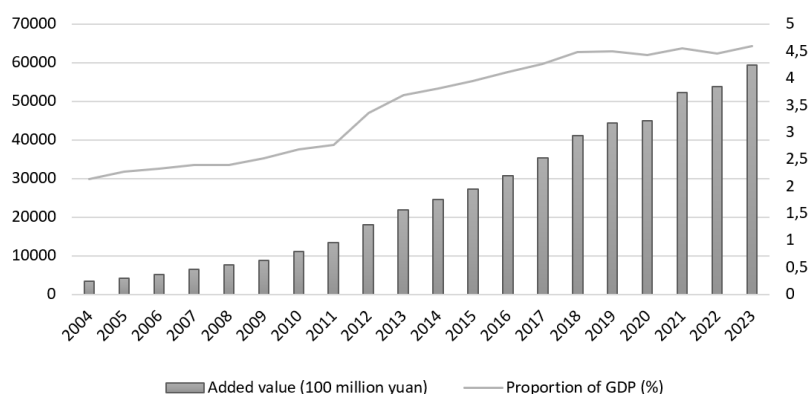

Figure 1. Value Added and GDP Share of China's Culture and Related Industries⁴

As shown in Figure 2, China's cultural product trade has achieved significant growth in the past two decades, with the total trade volume increasing from US\$18.72 billion in 2005 to US\$166.363 billion in 2023, with an

¹ Several Economic Policies to Promote High-Quality Cultural Development. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202501/content_7000959.htm

² 14th Five-Year Plan for Cultural Industry Development. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/16/content_5705612.htm

³ Chinese Government Network. – URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202409/content_6976124.htm

⁴ Compiled by the author based on reports from the National Bureau of Statistics of China (2004–2023). – URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/>

average annual growth rate of 14.2%. The total trade volume has increased nearly tenfold.

As shown in Figure 3, between 2005 and 2019, the average growth rate of China's cultural product trade (14.7%) significantly exceeded the GDP growth rate (10.8%) during the same period, confirming the positive role of cultural trade in driving economic growth. Furthermore, the pace of expansion of cultural trade has roughly synchronized with, but slightly slowed down, the overall growth of the cultural industry (average 16.5% from 2005 to 2023).

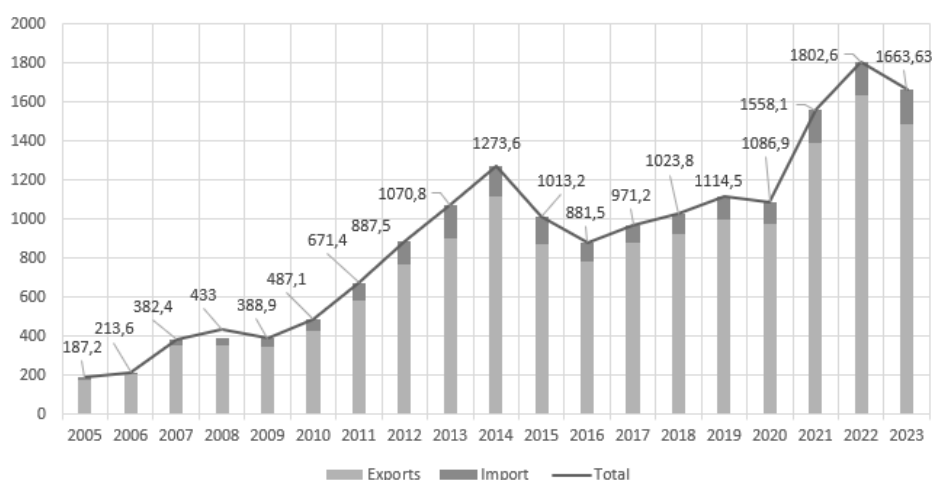

Figure 2. China's Trade in Cultural Products (In US\$ 100 million)¹

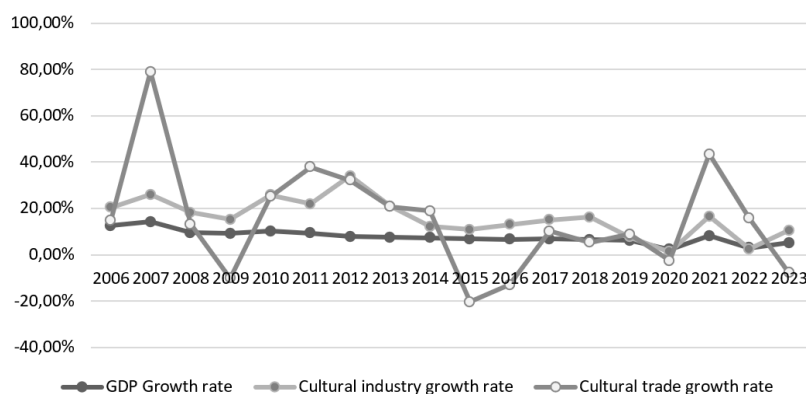

Figure 3. Comparison of the growth rates of China's cultural products trade, cultural industries and GDP²

¹ The data from 2005 to 2023 are from the Cultural Trade Public Information Service Network of the Ministry of Commerce of the People's Republic of China. - URL: <https://tradeinservices.mofcom.gov.cn/list/wenhua/shujutj/1/cateinfo.html>.

² National Bureau of Statistics of China. - URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/>

Figure 3 shows that the growth rate of the cultural industry is slowing down over the long term, while the growth rate of cultural trade fluctuates most significantly, with GDP growth serving as a stable benchmark. This reflects the fact that cultural trade is influenced by external factors such as global market demand and the international trade environment.

In the field of cultural trade, as shown in Figure 4, from 2015 to 2022, China's cultural trade export market was primarily dominated by countries and regions such as Hong Kong, the United States, Japan, the United Kingdom, and Germany. The economic size of trading partners has a positive impact on cultural trade exports [1; 24]. The United States currently holds the top position among China's cultural trade partners. China's cultural trade exports are primarily directed to developed countries and regions.

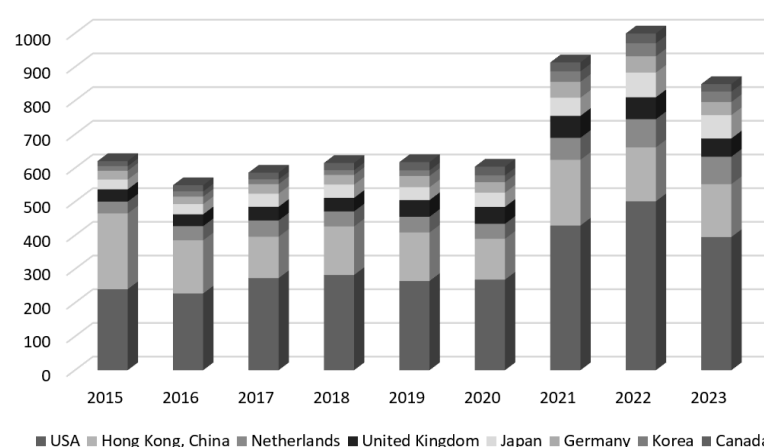

Figure 4 China's cultural product trading partners and trade volume
(In US\$ 100 million)¹

The structure of China's cultural product trade is analyzed from three dimensions: commodity structure, business entity structure and trade mode structure.

As shown in Table 1, China's cultural products trade in 2023 exhibited a serious structural imbalance. Publications trade, at \$5.1 billion, accounted for only 3.6% of total trade, highlighting its marginal position. In stark contrast, trade in handicrafts (\$45.22 billion), cultural products (\$78.48 billion), and cultural equipment (\$33.39 billion) dominated. China's cultural trade is heavily skewed toward tangible products and manufacturing, while core content industries such as publications remain severely underdeveloped.

¹ Ministry of Commerce of China. – URL: <https://data.mofcom.gov.cn/hwmy/imexCountry.shtml>

Table 1

Import and export of cultural products by commodity category (2023)*
(In US\$ 100 million)

Projects	Total	Imports	Exports	Trade balance
Publications	51	37.7	13.3	13.3
Arts, crafts and collectibles	452.2	366.1	86.1	86.1
Cultural supplies	784.8	761.9	22.9	22.9
Cultural equipment	333.9	282.5	51.4	51.4

* Sources of Table 1; 2; 3: The author compiled the data based on the 2024 Statistical Yearbook of the National Bureau of Statistics of China. – URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm>

As shown in Table 2, general trade is the absolute main force, but there is a huge trade deficit; while processing trade and other trade have achieved a surplus and become a source of contribution to net exports.

Table 2

Import and export of cultural products by trade mode (2023)* (In US\$ 100 million)

Projects	Total	Imports	Exports	Trade balance
General trade	865	771.4	93.7	677.7
Processing trade	436.7	412.6	24.1	388.5
Other trade	320.1	264.2	56	208.2

Table 3 shows the role and contribution of different types of enterprises in cultural trade. Collective, private, and other enterprises account for 70.1%. Their exports of 105.79 billion yuan far exceed their imports of 7.91 billion yuan, resulting in a significant surplus, indicating that private enterprises are the most important component of China's cultural product trade. Foreign-invested enterprises account for 25.4%, demonstrating their role in introducing foreign cultural products and technologies. State-owned enterprises account for 4.5%, having a relatively small impact on overall trade. China's cultural product trade has formed a diversified pattern of "private-led, foreign participated" trade.

Table 3

Import and export of cultural products by enterprise type (2023)
(In US\$ 100 million)

Projects	Total	Imports	Exports	Trade balance
State-owned enterprises	73	38.9	34.1	4.8
Foreign-owned enterprises	411.9	351.3	60.5	290.8
Collective, private, and other enterprises	1137	1057.9	79.1	978.8

Cultural trade is increasing under the Belt and Road Initiative

The Belt and Road Initiative is a major international cooperation initiative proposed by Chinese leaders in Kazakhstan and Indonesia in September and October 2013, respectively. It includes the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. This initiative aims to promote global common prosperity and build a community with a shared future for mankind. It is the top-level design of China's opening up and economic diplomacy in the new era.

As shown in Figure 5, from 2008 to 2023, China's cultural product trade with Belt and Road countries and regions increased from US\$5.89 billion to US\$48.449 billion. The growth rate of trade accelerated significantly after 2022. Cultural product trade with Belt and Road countries and regions accounted for a record high of 29.87% of China's total cultural product trade. This also reflects the changing importance of the Belt and Road market relative to China's global cultural trade.

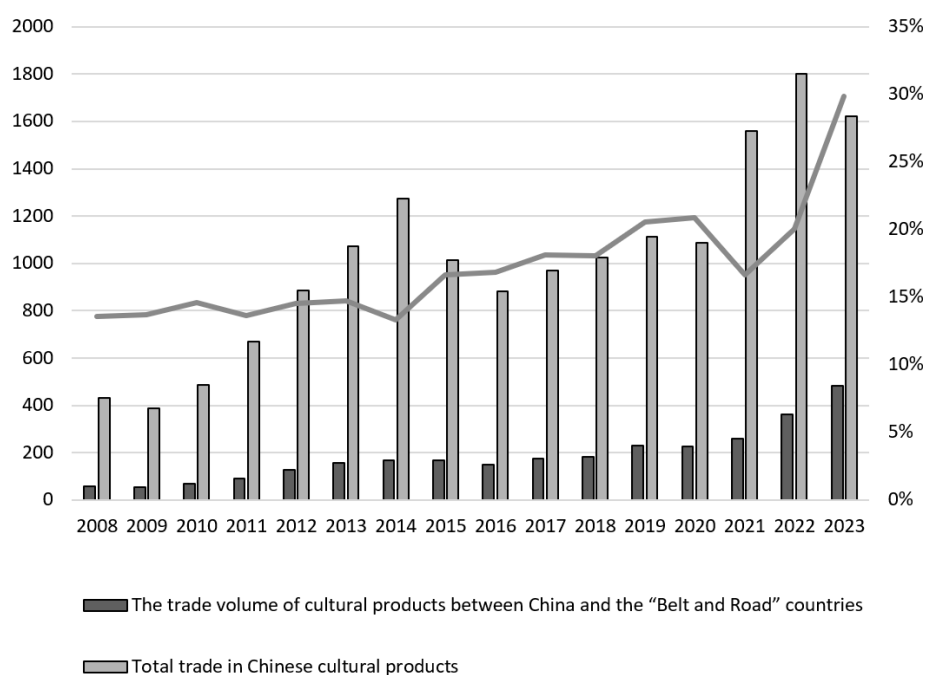

Figure 5. The trade situation of cultural products between China and the "Belt and Road" countries¹ (In 100 million U.S. dollars)

¹ Ministry of Commerce of the People's Republic of China. - URL: <https://tradeinservices.mofcom.gov.cn/list/wenhua/shujutj/1/cateinfo.html>.

Discussion

The study reveals the multifaceted nature of China's cultural product trade in the global landscape. China has achieved a huge trade surplus thanks to its manufacturing strength, but it also needs to improve its exports of cultural content. In addition, at the regional level, China is exploring emerging markets through the Belt and Road Initiative. This complex combination of "strong manufacturing, weak content" and "market diversification" is the key to understanding the current situation and challenges of China's cultural trade. First, China's trade surplus exceeds US\$127 billion, and its exports of cultural products and special equipment account for 48.4% of global exports. The data confirms China's central position in the global cultural product supply chain. However, this advantage is the spillover effect of industrial manufacturing capabilities rather than a reflection of cultural appeal. Second, the trade volume masks the structural imbalance of trade. The trade volume of cultural content accounts for only 3.1%, and the trade deficit is particularly significant. This means that China faces challenges in its transition from manufacturing to content. This is in stark contrast to the development path of countries such as South Korea and the United States, which focus on core cultural content such as film, television, music, and games [12]. China has failed to effectively form a virtuous cycle of independent intellectual property rights driving exports.

Importantly, the rise of the Belt and Road market provides a new way to solve this structural dilemma. Analysis shows that the proportion of cultural trade between China and countries along the Belt and Road Initiative has soared from 13.5% in 2012 to nearly 30% in 2023, making the region an important export market for Chinese cultural products and a new growth engine.

Currently, China's cultural trade mainly relies on developed markets, while emerging markets can effectively reduce dependence on traditional developed economies and enhance the resilience and security of foreign trade [27]. At the same time, countries along the Belt and Road Initiative have a stronger cultural affinity with China, providing China with a market with relatively low cultural discounts [29]. Taking the lead in gaining recognition and popularization of cultural content in countries along the Belt and Road Initiative is a more feasible and realistic path for the transformation and upgrading of China's cultural industry.

Conclusion and policy recommendations

This article draws four key conclusions from its study of China's cultural products trade from 2004 to 2023.

First, China's cultural industry has achieved significant growth in both scale and trade volume, highlighting its importance as a new pillar of the economy and a key link in the global supply chain. Second, there is a serious

imbalance in the trade structure. Advantageous industries are heavily concentrated in cultural manufacturing, while core content products such as publications account for only 3.1%, and a persistent trade deficit exists. This reflects China's structural dilemma: strong cultural product manufacturing capabilities but weak content creation capabilities. Third, dependence on developed markets carries significant risks. Faced with globalization challenges and geopolitical conflicts, China's cultural product exports face potential risks, posing a challenge to the sustained and stable growth of trade.

Fourth, the market landscape is undergoing significant transformation. While traditional European and American markets remain dominant, trade with countries along the Belt and Road Initiative is rapidly growing, becoming a new growth point.

Based on the findings of this study of China's cultural products trade from 2004 to 2023, policymakers should implement the following comprehensive measures to promote industrial transformation and upgrading. First, to address the imbalance in trade structure, the government should strengthen content innovation and intellectual property protection. By establishing special funds and improving the legal framework, it should incentivize the development of core content products such as film, television, and publications, thereby enhancing added value and international competitiveness. Second, it should optimize the trade structure and provide tax incentives and export subsidies to disadvantaged industries, such as publications, to narrow the trade deficit. Furthermore, to reduce the risk of dependence on developed markets, it should deepen regional cooperation under the Belt and Road Initiative and utilize market diversification strategies to mitigate geopolitical shocks.

Список литературы

1. Гэн Ч. Состояние, тенденции и проблемы цифровой торговли Китая // Международная торговля и торговая политика. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 62–79. – DOI: 10.21686/2410-7395-2021-2-62-79
2. Родникова О. Ю., Чараха Бэр А. Р. Цифровая экономика и цифровая трансформация: особенности мировых структурных процессов. // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 104–113. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-4-104-113
3. Antonova I. S. Creative Startup Spillover in industrial Second-Tier Cities: Evidence from Kemerovo Region, Russia // Area Development and Policy. – 2025. – Vol. 10. – N 1. – P. 84–107. – DOI: 10.1080/23792949.2024.2432291
4. Cesaratto S. Savings and economic growth in neoclassical theory // Cambridge Journal of Economics. – 1999. – Vol. 23. – N 6. – P. 771–793.

5. *Clarke D.* Theorising the Role of Cultural Products in Cultural Diplomacy from a Cultural Studies Perspective // *International Journal of Cultural Policy*. – 2016. – Vol. 22. – N 2. – P. 147–163. – DOI: 10.1080/10286632.2014.958481
6. *Collins P., Mahon M., Murtagh A.* Creative Industries and the Creative Economy of the West of Ireland: Evidence of Sustainable Change? // *Creative Industries Journal*. – 2018. – Vol. 11. – N 1. – P. 70–86. – DOI: 10.1080/17510694.2018.1434359
7. *Crane D.* Cultural Globalization and the Dominance of the American film Industry: Cultural Policies, National Film Industries, and Transnational Film // *International Journal of Cultural Policy*. – 2014. – Vol. 20. – N 4. – P. 365–382. – DOI: 10.1080/10286632.2013.832233
8. *Derbeneva V. V., Baskakova I. V., Chukavina K. V., et al.* Key Factors in Managing Creative Reindustrialization Strategies // *R-Economy*. – 2024. – Vol. 10. – Issue 4. – P. 475–494. – DOI: 10.15826/recon.2024.10.4.029
9. *Florida R.* Cities and the Creative Class. – Routledge, 2005.
10. *Gross J. D.* The Birth of the Creative Industries Revisited: An Oral History of the 1998 DCMS Mapping Document. King's College London, 2020.
11. *Han Ruobing.* Research on the Ecological Development and Orientation of Cultural and Creative Industries Driven by Digital Technology // *Journal of Shandong University (Philosophy and Social Sciences)*. – 2020. – N 2. – P. 49–59. – DOI: 10.19836/j.cnki.371100/c.2020.02.006
12. *Holroyd C.* Digital content promotion in Japan and South Korea: Government strategies for an emerging economic sector // *Asia & the Pacific Policy Studies*. – 2019. – Vol. 6. – N 3. – P. 290–307. – DOI: 10.1002/app5.277
13. *Jaw Y. L., Chen C. L., Chen S.* Managing Innovation in the Creative Industries – A Cultural Production Innovation Perspective // *Innovation*. – 2012. – Vol. 14. – N 2. – P. 256–275. – DOI: 10.5172/impp.2012.14.2.256
14. *Krugman P.* Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // *American Economic Review*. – 1980. – Vol. 70. – N 5. – P. 950–959.
15. *Lawrence T. B., Phillips N.* Understanding Cultural Industries // *Journal of Management Inquiry*. – 2002. – Vol. 11. – N 4. – P. 430–441. – DOI: 10.1177/1056492602238852
16. *Lu H., Lanqi S.* An Analysis of the Factors Influencing Chinese Cultural Product Export // *Studies in Sociology of Science*. – 2016. – Vol. 7. – N 4. – P. 62. – DOI: 10.3968/8687
17. *Mammadova E., Abdullayev A.* Cultural Industries and National Economic Competitiveness: A Global Perspective // *Porta Universorum*. – 2025. – Vol. 1. – N 3. – P. 322–344. – DOI: 10.69760/portuni.010326
18. *Moore I.* Cultural and Creative Industries Concept—A Historical Perspective // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 110. – P. 738–746. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.918

19. Ngo T., Tran T., Tran M., et al. A Study on Relationship between Cultural Industry and Economic Growth in Vietnam // *Management Science Letters*. – 2019. – Vol. 9. – N 6. – P. 787–794. – DOI: 10.5267/j.msl.2019.3.009
20. Padalino S., Vivarelli M. The Employment Intensity of Economic Growth in the G-7 Countries // *Int'l Lab. Rev.* – 1997. – Vol. 136. – P. 191.
21. Piergiovanni R., Carree M. A., Santarelli E. Creative Industries, New Business Formation, and Regional Economic Growth // *Small Business Economics*. – 2012. – Vol. 39. – N 3. – P. 539–560. – DOI: 10.1007/s11187-011-9329-4
22. Qi Junyan, Wang Lan. Trade Transformation, Technological Upgrading and the Evolution of the Domestic Technical Content of China's Exports // *World Economy*. – 2015. – Vol. 38. – N 3. – C. 29–56.
23. Ren B., Jie W. An Empirical Study on the Returns to Scale of Supply Structure in China's Economic Growth: 1993–2015 // *China Political Economy*. – 2019. – Vol. 2. – N 2. – P. 354–372. – DOI: 10.1108/CPE-10-2019-0019
24. Scavia J., Fernández De La Reguera P., Olson J. E., et al. The Impact of Cultural Trade on Economic Growth // *Applied Economics*. – 2021. – Vol. 53. – N 38. – P. 4436–4447. – DOI: 10.1080/00036846.2021.1904112
25. Turgel I. D., Derbeneva V. V., Baskakova I. V. Conceptual Approach to Managing the Development of Creative Industries in Second-Tier Industrial Cities // *R-Economy*. – 2023. – Vol. 9. – Issue 4. – P. 366–383. – DOI: 10.15826/recon.2023.9.4.023
26. Vlassis A. UNESCO, Cultural Industries and the International Development Agenda: Between Modest Recognition and Reluctance // *Contemporary Perspectives on Art and International Development*. – Routledge : Taylor & Francis eBooks, 2016. – P. 68–83.
27. Wang Ruyi, Chai Zhongdong, Lin Jiaxing. "Three New" Developments of China's Foreign Trade under the Reconstruction of Global Supply Chain Space: New Pattern, New Momentum and New Quality Productivity // *Journal of Chongqing University (Social Science Edition)*. – 2024. – Vol. 30. – N 3. – P. 18–35. – DOI: 10.11835/j.issn.1008-5831.jg.2024.02.001
28. Zang Xin, Lin Zhu, Shao Jun. Cultural Closeness, Economic Development and Export of Cultural Products: An Empirical Study Based on the Export of Cultural Products in China // *Finance and Trade Economics*. – 2012. – N 10. – P. 102–110. DOI: 10.19795/j.cnki.cn11-1166/f.2012.10.013
29. Zhang L., Luo M., Yang D., et al. Impacts of Trade Liberalization on Chinese Economy with Belt and Road Initiative // *Maritime Policy & Management*. – 2018. – Vol. 45. – N 3. – P. 301–318. – DOI: 10.1080/03088839.2017.1396504

References

1. Gen Ch. Sostoyanie, tendentsii i problemy tsifrovoy trgovli Kitaya [Current State, Trends and Challenges of China's Digital Trade]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2021, Vol. 7, No. 2, pp. 62–79. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2021-2-62-79
2. Rodnikova O. Yu., Charakha Ber A. R. Tsifrovaya ekonomika i tsifrovaya transformatsiya: osobennosti mirovykh strukturnykh protsessov. [Digital Economy and Digital Transformation: Features of Global Structural Processes]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 4, pp. 104–113. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-4-104-113
3. Antonova I. S. Creative Startup Spillover in industrial Second-Tier Cities: Evidence from Kemerovo Region, Russia. *Area Development and Policy*, 2025, Vol. 10, No. 1, pp. 84–107. DOI: 10.1080/23792949.2024.2432291
4. Cesaratto S. Savings and economic growth in neoclassical theory. *Cambridge Journal of Economics*, 1999, Vol. 23, No. 6, pp. 771–793.
5. Clarke D. Theorising the Role of Cultural Products in Cultural Diplomacy from a Cultural Studies Perspective. *International Journal of Cultural Policy*, 2016, Vol. 22, No. 2, pp. 147–163. DOI: 10.1080/10286632.2014.958481
6. Collins P., Mahon M., Murtagh A. Creative Industries and the Creative Economy of the West of Ireland: Evidence of Sustainable Change? *Creative Industries Journal*, 2018, Vol. 11, No. 1, pp. 70–86. DOI: 10.1080/17510694.2018.1434359
7. Crane D. Cultural Globalization and the Dominance of the American film Industry: Cultural Policies, National Film Industries, and Transnational Film. *International Journal of Cultural Policy*, 2014, Vol. 20, No. 4, pp. 365–382. DOI: 10.1080/10286632.2013.832233
8. Derbeneva V. V., Baskakova I. V., Chukavina K. V., et al. Key Factors in Managing Creative Reindustrialization Strategies. *R-Economy*, 2024, Vol. 10, Issue 4, pp. 475–494. DOI: 10.15826/recon.2024.10.4.029
9. Florida R. *Cities and the Creative Class*. Routledge, 2005.
10. Gross J. D. *The Birth of the Creative Industries Revisited: An Oral History of the 1998 DCMS Mapping Document*. King's College London, 2020.
11. Han Ruobing. Research on the Ecological Development and Orientation of Cultural and Creative Industries Driven by Digital Technology. *Journal of Shandong University (Philosophy and Social Sciences)*, 2020, No. 2, pp. 49–59. DOI: 10.19836/j.cnki.371100/c.2020.02.006
12. Holroyd C. Digital content promotion in Japan and South Korea: Government strategies for an emerging economic sector. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 2019, Vol. 6, No. 3, pp. 290–307. DOI: 10.1002/app5.277

13. Jaw Y. L., Chen C. L., Chen S. Managing Innovation in the Creative Industries – A Cultural Production Innovation Perspective. *Innovation*, 2012, Vol. 14, No. 2, pp. 256–275. DOI: 10.5172/impp.2012.14.2.256
14. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade. *American Economic Review*, 1980, Vol. 70, No. 5, pp. 950–959.
15. Lawrence T. B., Phillips N. Understanding Cultural Industries. *Journal of Management Inquiry*, 2002, Vol. 11, No. 4, pp. 430–441. DOI: 10.1177/1056492602238852
16. Lu H., Lanqi S. An Analysis of the Factors Influencing Chinese Cultural Product Export. *Studies in Sociology of Science*, 2016, Vol. 7, No. 4, pp. 62. DOI: 10.3968/8687
17. Mammadova E., Abdullayev A. Cultural Industries and National Economic Competitiveness: A Global Perspective. *Porta Universorum*, 2025, Vol. 1, No. 3, pp. 322–344. DOI: 10.69760/portuni.010326
18. Moore I. Cultural and Creative Industries Concept—A Historical Perspective. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2014, Vol. 110, pp. 738–746. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.918
19. Ngo T., Tran T., Tran M., et al. A Study on Relationship between Cultural Industry and Economic Growth in Vietnam. *Management Science Letters*, 2019, Vol. 9, No. 6, pp. 787–794. DOI: 10.5267/j.msl.2019.3.009
20. Padalino S., Vivarelli M. The Employment Intensity of Economic Growth in the G-7 Countries. *Int'l Lab. Rev*, 1997, Vol. 136, p. 191.
21. Piergiovanni R., Carree M. A., Santarelli E. Creative Industries, New Business Formation, and Regional Economic Growth. *Small Business Economics*, 2012, Vol. 39, No. 3, pp. 539–560. DOI: 10.1007/s11187-011-9329-4
22. Qi Junyan, Wang Lan. Trade Transformation, Technological Upgrading and the Evolution of the Domestic Technical Content of China's Exports // *World Economy*, 2015, Vol. 38, No. 3, pp. 29–56.
23. Ren B., Jie W. An Empirical Study on the Returns to Scale of Supply Structure in China's Economic Growth: 1993–2015. *China Political Economy*, 2019, Vol. 2, No. 2, pp. 354–372. DOI: 10.1108/CPE-10-2019-0019
24. Scavia J., Fernández De La Reguera P., Olson J. E., et al. The Impact of Cultural Trade on Economic Growth. *Applied Economics*, 2021, Vol. 53, No. 38, pp. 4436–4447. DOI: 10.1080/00036846.2021.1904112
25. Turgel I. D., Derbeneva V. V., Baskakova I. V. Conceptual Approach to Managing the Development of Creative Industries in Second-Tier Industrial Cities. *R-Economy*, 2023, Vol. 9, Issue 4, pp. 366–383. DOI: 10.15826/recon.2023.9.4.023
26. Vlassis A. UNESCO, Cultural Industries and the International Development Agenda: Between Modest Recognition and Reluctance. *Contemporary Perspectives on Art and International Development*. Routledge : Taylor & Francis eBooks, 2016, pp. 68–83.

27. Wang Ruyu, Chai Zhongdong, Lin Jiaying. "Three New" Developments of China's Foreign Trade under the Reconstruction of Global Supply Chain Space: New Pattern, New Momentum and New Quality Productivity. *Journal of Chongqing University (Social Science Edition)*, 2024, Vol. 30, No. 3, pp. 18–35. DOI: 10.11835/j.issn.1008-5831.jg.2024.02.001

28. Zang Xin, Lin Zhu, Shao Jun. Cultural Closeness, Economic Development and Export of Cultural Products: An Empirical Study Based on the Export of Cultural Products in China. *Finance and Trade Economics*, 2012, No. 10, pp. 102–110. DOI: 10.19795/j.cnki.cn11-1166/f.2012.10.013

29. Zhang L., Luo M., Yang D., et al. Impacts of Trade Liberalization on Chinese Economy with Belt and Road Initiative. *Maritime Policy & Management*, 2018, Vol. 45, No. 3, pp. 301–318. DOI: 10.1080/03088839.2017.1396504

Поступила: 30.09.2025

Принята к печати: 30.10.2025

Сведения об авторе

Чжан Чэнпей

аспирант кафедры экономической политики и мировой экономики Института экономики и управления УрФУ.

Адрес: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, 620062, ул. Мира, д. 19.

E-mail: zhangchengpei@qq.com

Information about the author

Zhang Chengpei

Post-Graduate Student, Chair of Economic Policy and World Economy

Graduate School of Economics and Management of UrFU.

Address: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira Street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation.

E-mail: zhangchengpei@qq.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-44-61>

ПОЛИТИКА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ: ПРИМЕР ГАНЫ

Е. А. Карагулян

Тюменский государственный университет;
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Тюмень, Россия

Жан-Ноэль Моссо

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

Статья посвящена анализу взаимосвязи между динамичной цифровизацией и ростом киберугроз в Западной Африке на примере Ганы. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что стремительный рост мобильного Интернета и финтеха, с одной стороны, стимулирует экономическое развитие в странах Африки, а с другой – создает благоприятную почву для киберпреступности. Низкий уровень цифровой грамотности, слабая нормативно-правовая база и нехватка квалифицированных кадров усугубляют ситуацию и свидетельствуют о необходимости изменения политики стран Западной Африки в области кибербезопасности. Особое внимание в работе уделено опыту Ганы, демонстрирующей образцовый подход к построению национальной системы кибербезопасности. Стратегия Ганы включает создание централизованной архитектуры управления, развитие законодательства, ратификацию ключевых международных конвенций, реализацию программ повышения киберграмотности населения и активное международное сотрудничество. На основании опыта Ганы можно сделать вывод о том, что комплексный и системный подход, сочетающий целенаправленную государственную политику с международной поддержкой, позволяет эффективно противостоять киберугрозам при ограниченных ресурсах.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровые технологии, киберугрозы, африканские страны.

CYBERSECURITY POLICY IN WEST AFRICA: THE CASE OF GHANA

Egine A. Karagulyan

Tyumen State University; Institute of Economics of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Jean-Noel Mosso

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article analyzes the relationship between dynamic digitalization and the growing cyber threats in West Africa, using Ghana as a case study. The conducted analysis concludes that the rapid growth of mobile internet and fintech, on one hand, stimulates economic development in

African countries, and on the other, creates a fertile ground for cybercrime. Low levels of digital literacy, a weak regulatory framework, and a shortage of qualified personnel exacerbate the situation and highlight the need for a shift in the cybersecurity policies of West African countries. Particular attention is paid to the experience of Ghana, which demonstrates a model approach to building a national cybersecurity system. Ghana's strategy includes creating a centralized governance architecture, developing legislation, ratifying key international conventions, implementing public cyber literacy programs, and active international cooperation. The experience of Ghana leads to the conclusion that a comprehensive and systematic approach, combining targeted government policy with international support, makes it possible to effectively counter cyber threats even with limited resources.

Keywords: digitalization, digital economy, digital technologies, cyber threats, african countries.

Введение

Африка в настоящее время остается единственным континентом, на котором процессы цифровизации проходят стадию становления. Главы африканских стран осознают, что цифровизация играет важную роль в экономическом росте и развитии национальных экономик. По мнению ряда ученых, совокупность инфраструктурных, экономических, институциональных и социальных проблем препятствует цифровизации стран Африки [1–3]. Развитию цифровизации мешает дефицит электроэнергии, слабое развитие сетей, низкий уровень доходов населения, высокая стоимость подключения относительно уровня доходов населения, недостаточный уровень инвестиций, а также институциональные и регуляторные проблемы, а именно неэффективное государственное управление, слабое законодательство, ограничение интернет-свобод. Бюрократия, коррупция и отсутствие прозрачности затрудняют получение разрешений на строительство инфраструктуры и ведение цифрового бизнеса. Во многих странах отсутствуют или плохо работают законы о защите персональных данных, кибербезопасности, электронной коммерции и цифровых правах. Это подрывает доверие пользователей и бизнеса к цифровой среде. Некоторые правительства целенаправленно ограничивают доступ к Интернету, блокируют социальные сети или отключают связь во время политической напряженности, что тормозит развитие цифрового общества.

Немаловажным фактором цифровизации является уровень цифровой грамотности, который в том числе характеризует цифровую инклюзивность населения. Еще один фактор – языковой барьер. Большинство доступного контента в Интернете представлено на английском, французском или арабском языках, в то время как множество африканцев говорят только на местных языках. В совокупности эти факторы формируют порочный круг развития цифровизации в Африке – низкий уровень развития инфраструктуры, высокие цены подключения и доступа к Интернету в совокупности с отсутствием стимулов для инвестиций и инноваций

способствуют сохранению слабой инфраструктуры¹. Несмотря на это, африканские страны демонстрируют впечатляющие примеры цифрового прорыва в обход традиционных этапов развития. В частности, Африка стала регионом, где население осваивает Интернет в первую очередь через мобильные телефоны, минуя этап персональных компьютеров. Это стимулирует создание легковесных и адаптированных под местные условия приложений. В таких странах, как Кения, Нигерия, ЮАР, Руанда и Египет, активно развиваются стартап-экосистемы, привлекающие венчурные инвестиции и предлагающие инновационные решения для местных проблем (например, в логистике, здравоохранении и сельском хозяйстве). Отдельного внимания заслуживает опыт внедрения финансовых технологий. В этой связи следует упомянуть Кению, где сервис M-Pesa позволил миллионам граждан, не имевшим банковских счетов, получить доступ к финансовым услугам через мобильный телефон.

Цифровые технологии широко используются во всех слоях общества. Африканские предприятия активно интегрируют цифровые инновации в свои процессы². Проникновение Интернета в африканских странах растет с каждым годом, поскольку все больше людей используют его для различных целей³. Правительства по всему континенту начинают предлагать цифровые государственные услуги, чтобы гражданам было проще и удобнее взаимодействовать с органами государственной власти [10]. Большая доля молодого населения, распространение мобильной связи и локальные инновации дают надежду на то, что цифровая трансформация континента будет продолжаться ускоренными, хотя и неравномерными, темпами. Вместе с тем стремительный переход на мобильный Интернет и цифровые сервисы произошел без закладки адекватного фундамента безопасности. Системы создавались быстро, чтобы удовлетворить спрос в ущерб их защищенности, а значит с ростом цифровизации экономики и интернет-аудитории возрастут угрозы для общества и экономики⁴.

Таким образом, на сегодня перед большинством африканских стран стоит задача обеспечения цифровой безопасности.

¹ См.: Прогресс, достигнутый в осуществлении решений и последующей деятельности по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества на региональном и международном уровнях : доклад Генерального секретаря ООН. – https://unctad.org/system/files/official-document/a74d62_ru.pdf

² См.: Rapport UIT : en 2024, seulement 38% des Africains utilisaient internet. teknolojia-news.com. teknolojia-news.com. – URL: <https://teknolojia-news.com/2025/04/24/rapport-uit-en-2024-seulement-38-des-africains-utilisaient-internet/>

³ См.: Défis et les opportunités de l'accès à internet en Afrique. – URL: <https://datacup.io/defis-et-les-opportunités-de-l-acces-a-internet-en-afrique>

⁴ См.: Opportunités du numérique dans les entreprises africaines. – URL: <https://www.ifc.org/fr/insights-reports/2024/digital-opportunities-in-african-businesses>

Цель данной статьи – выявление и анализ взаимосвязи между динамичной цифровизацией и эскалацией киберугроз в Западной Африке, а также оценка эффективности стратегического государственного подхода к построению комплексной системы кибербезопасности на примере Ганы.

Угрозы, связанные с использованием цифровых технологий

Уровень цифровизации африканских стран по-прежнему невысок [1]. Цифровая инфраструктура, охват населения Интернетом, а также доступность и качество остаются на невысоком уровне. Средний охват информационно-коммуникационными технологиями жителей стран Африки в 2024 г. составил 37% [4]. Уровень охвата населения Интернетом в Южной Африке – 51%, в Северной Африке – 50%, в Западной Африке – 41%, в Восточной Африке – 32% и Центральной Африке – 12%. Среди стран-лидеров – Гана (70%), Кот-д’Ивуар (40%) и Нигерия (39%)¹. В начале 2022 г. только 84% жителей стран Африки южнее Сахары имели доступ к сети и 63% – доступ к мобильной сети 4G, но только 22% пользовались мобильным Интернетом. Разрыв между охватом и использованием широкополосного Интернета также велик.

Так, по данным Всемирного банка, 61% жителей стран Африки к югу от Сахары живут в зоне действия широкополосного Интернета, но не пользуются им. Доступность мобильной связи, измеряемая в 1 гигабайт мобильного Интернета, а также высокая стоимость смартфонов для жителей стран Африки южнее Сахары являются серьезным ограничением для увеличения числа пользователей.

В последние годы страны африканского континента демонстрируют определенные успехи. В период с 2019 по 2022 г. 160 миллионов африканцев получили доступ к широкополосному Интернету. За 2016–2021 гг. число пользователей Интернета в странах Африки южнее Сахары увеличилось на 115%. Около 470 млн человек в странах Африки южнее Сахары не имели удостоверений личности, что не позволяло им в полной мере пользоваться государственными и некоторыми частными услугами.

Тем не менее африканские страны благодаря целенаправленной политике цифровизации добились определенных успехов.

В частности, с 2016 по 2021 г. в Западной и Центральной Африке наблюдался заметный рост числа пользователей Интернета – с 23 до 47%, в то время как в Восточной и Южной Африке этот показатель вырос с 16 до 27%. Прибрежные и островные государства, в том числе Либерия, Сьерра-Леоне, Сенегал, Кот-д’Ивуар, Джибути, Коморские Острова, Мавритания и Того, получили доступ к новым подводным интернет-

¹ World Bank Open Data. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=GH>

кабелям, что помогло увеличить пропускную способность и повысить почти в 4 раза среднюю скорость широкополосного доступа на континенте в 2022 г.

Рост скорости Интернета открывает перед пользователями новые возможности в различных сферах и областях жизнедеятельности.

За 2019-2021 гг. произошло снижение стоимости подключения в странах Африки южнее Сахары с 11,5% от ежемесячного валового национального дохода на душу населения в 2019 г. до 5,7%. Эти достижения особенно заметны в Бенине (где этот показатель снизился с 20 до 3%) и Сомали (с 18 до 2%). В Нигере проект «Умные деревни для развития сельских районов и внедрения цифровых технологий» помог снизить розничную цену за 1 ГБ в месяц на 71% в период с 2019 по 2022 г.¹ Рост доступности Интернета, а также скорости подключения способствует дальнейшей цифровизации экономики. За период с 2019 по 2022 г. значительно увеличилась доля цифровых платежей среди населения.

Анализ данных МСЭ, Всемирного банка, индексов цифровизации по уровню цифрового развития позволяет выделить три группы стран по уровню цифрового развития на африканском континенте (табл. 1).

При этом уровень цифровизации в Африке различается в зависимости от региона, что наглядно отражается в специализации ведущих экономических группировок континента (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Классификация стран Африки по уровню цифрового развития*

Группа	Характеристика	Страны, входящие в данную группу
Лидеры цифровизации	Высокий уровень проникновения Интернета, развитая мобильная связь, активное внедрение цифровых госуслуг, стартап-экосистема	ЮАР, Маврикий, Сейше-лы, Кения, Руанда
Страны с развивающейся цифровой экономикой	Растущий охват мобильного Интернета, усиление роли цифровых платформ, развитие финтех и е-коммерции	Гана, Нигерия, Эфиопия, Уганда, Танзания
Страны с низким уровнем цифровизации	Ограниченная интернет-инфраструктура, низкая скорость соединения, низкий уровень цифровой грамотности	Чад, ЦАР, Нигер, Сомали, Малави

* Табл. 1; 2 составлены по данным МСЭ, Всемирного банка, индексов цифровизации.

¹ URL: <https://www.worldbank.org/en/results/2024/01/18/digital-transformation-drives-development-in-afe-afw-africa>

Т а б л и ц а 2

**Направления региональной специализации стран Африки
на цифровых технологиях**

Региональный блок	Страна	Роль в цифровом развитии
Западная Африка – Экономическое сообщество стран Западной Африки ECOWAS	Нигерия, Гана, Кот-д'Ивуар	Активное развитие мобильных платежей, транзакций, цифровой торговли
Южная Африка – Сообщество развития Юга Африки SADC	ЮАР, Намибия, Ботсвана	Развитие ИКТ-инфраструктуры, региональная интеграция
Восточная Африка – Восточноафриканское сообщество ЕАС	Кения, Уганда, Руанда	Лидеры в мобильных деньгах, инновациях, электронное правительство
Северная Африка – Арабский мир Северной Африки	Египет, Тунис, Марокко	Высокий уровень интернетизации, развитие IT-аутсорсинга

В табл. 2 выделены ключевые технологии, которые получили наибольшее развитие в рамках существующих в Африке региональных экономических блоков. В частности, Экономическое сообщество стран Западной Африки, куда входят такие государства, как Нигерия, Гана и Кот-д'Ивуар, характеризуется активным развитием мобильных платежей и цифровой торговли. Сообщество развития Юга Африки, включающее ЮАР, Намибию и Ботсвану, фокусируется на развитии IT-инфраструктуры и углублении региональной интеграции. Восточноафриканское сообщество с лидерами в лице Кении, Уганды и Руанды является пионером в области мобильных денег, технологических инноваций и внедрения электронного правительства. Таким образом, каждый региональный блок способствует цифровой трансформации континента через свои специфические сильные стороны и приоритеты.

Вместе с тем столь стремительный рост интернет-аудитории и цифровизации экономики создает острую проблему в области цифровой безопасности стран [2]. Как подтверждают исследования, высокий уровень цифровизации коррелирует с развитой интернет-инфраструктурой, что предоставляет преступникам необходимые инструменты и целевую аудиторию.

С ростом цифровизации в Африке растут киберпреступность и мошенничество, в том числе фишинг и социальная инженерия, мошенничество с мобильными деньгами, атаки хакеров. Низкая цифровая грамотность и осведомленность населения усугубляют перечисленные угрозы. Социальная сплоченность и доверчивость населения Африки делает людей более уязвимыми к мошенничеству.

Большой проблемой остается слабая защита критически важной инфраструктуры и бизнеса. В частности, многие организации и предприятия испытывают острую нехватку квалифицированных кадров для защиты своих сетей. Утечка мозгов и отсутствие качественных образовательных программ в местных университетах приводят к тому, что на всем континенте критически мало экспертов, способных противостоять сложным угрозам.

Африканские компании и органы власти используют устаревшее программное обеспечение, не имеют средств на обеспечение кибербезопасности. Растущий сектор финтеха и электронной коммерции чаще всего становится целью для хакеров, что подрывает доверие ко всей цифровой экосистеме¹. Для многих компаний и государственных органов кибербезопасность считается не первоочередной статьей расходов, а роскошью, которую можно отложить на фоне более насущных проблем.

Кроме того, во многих африканских странах отсутствует законодательство, касающееся защиты персональных данных и киберпреступности, а также межгосударственное взаимодействие и сотрудничество в области противодействия киберпреступности. Как итог, и граждане, и бизнес теряют миллионы долларов из-за киберпреступности, снижается доверие граждан к цифровой экономике, создается угроза национальной безопасности и экономической стабильности.

Следует отметить, что уровень киберпреступности в странах Африки существенно различается². На основе данных международных организаций, специализирующихся на кибербезопасности, и отчетов правоохранительных органов можно выделить несколько стран Африки, которые лидируют по уровню киберпреступности.

Бесспорным лидером по уровню киберпреступности является Нигерия, которая стала эпицентром ряда киберпреступных схем, таких как мошенничество с предоплатой (419/Scam), романтический скам или мошенничество с помощью службы знакомств, а также фишинг и финансовое мошенничество [8]. Широкое распространение Интернета, огромное англоговорящее население, наличие высокообразованной, но не всегда занятой молодежи в сочетании со сложной экономической ситуацией являются факторами распространения киберпреступности в стране. Вторым по уровню киберпреступности государством в Западной Африке является Гана [6]. Наиболее распространенные виды мошенни-

¹ См.: Digital Transformation Strategy for Africa. – URL: <https://au.int/en/digital-transformation-strategy-africa-2020-2030>

² См.: La révolution numérique en Afrique. vie-publique.fr. – URL: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/38534-la-revolution-numerique-en-afrique>; Opportunités du numérique dans les entreprises africaines. – URL: <https://www.ifc.org/fr/insights-reports/2024/digital-opportunities-in-african-businesses>

чества в Гане во многом повторяют нигерийские схемы. В стране схожие с Нигерией социально-экономические условия, а также достаточно высокий по африканским меркам доступ к интернет-инфраструктуре. Лидером по уровню киберпреступности можно считать одну из самых развитых в экономическом плане стран – ЮАР. Высокий уровень проникновения Интернета и цифровых финансовых услуг создает богатую почву для преступлений. Наиболее развиты в ЮАР мошенничество с онлайн-банкингом и мобильными платежами, кража данных банковских карт (скимминг). Наличие местных хакерских группировок способствует распространности программ-вымогателей – атак на компании (ransomware), а также других целевых атак на бизнес. Кения – лидер в области финтеха и мобильных денег. Развитая в стране система мобильных финансовых услуг (M-Pesa) привлекает внимание киберпреступников¹.

Западная Африка – главный хаб киберпреступности на континенте, в основном из-за нигерийских преступных группировок, чьи сети распространились по всему региону. В таких странах Северной Африки, как Египет, Марокко, Тунис фиксируется высокий уровень фишинга и кардинга. По мере развития цифровой инфраструктуры в других странах, например, Уганде, Танзании, Эфиопии, также растет уровень киберпреступности [9].

В связи с тем, что масштабы киберпреступности на континенте растут, для противодействия ей необходимо не только развитие национального законодательства в данной сфере, но и совместные усилия со стороны всех стран континента. Африканские государства ведут активную работу в данном направлении, которая включает в себя технические и организационные меры, меры по повышению осведомленности населения, профессиональную подготовку, просвещение и стимулы для развития потенциала в области кибербезопасности, а также международное сотрудничество. Глобальный индекс кибербезопасности Международного союза электросвязи 2025 (англ. International Telecommunications Union, ITU) охватывает в том числе страны Африки. По оценкам ITU, страны Африки демонстрируют значительный разрыв в уровне развития данной сферы (табл. 3).

Из данных табл. 3 следует, что пять стран демонстрируют образцовый уровень кибербезопасности, схожий с уровнем большинства развитых стран мира. Еще 4 страны имеют продвинутый уровень кибербезопасности, 13 стран – устоявшийся (средний) уровень развития кибербезопасности, 16 стран имеют развивающийся уровень кибербезопасности (ниже среднего), 4 страны обладают начальным уровнем кибербе-

¹ Interpol Africa Cyberthreat Assessment Report 2025. – 4th ed., 2025. – May.

зопасности. В данном рейтинге для оценки уровня кибербезопасности Международного союза электросвязи (ITU) при оценке выделяют области относительной силы стран в плане повышения кибербезопасности, а также области потенциального роста стран в данной сфере.

Т а б л и ц а 3

Страны Африки в Глобальном рейтинге кибербезопасности стран*

Страна	Область относительной силы	Область потенциального роста
1	2	3
Первая группа (95–100 баллов по методике ITU)		
Гана	Все показатели	–
Кения	Организационные меры, меры сотрудничества	правовые меры
Маврикий	Все показатели	–
Руанда	Все показатели	–
Танзания	Правовые меры, меры сотрудничества, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала
Вторая группа (85–94 балла)		
Бенин	Правовые меры, меры сотрудничества	Технические меры, организационные меры
Южноафриканская Республика	Правовые меры, технические меры	Организационные меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Того	Правовые меры, меры сотрудничества, организационные меры, развитие потенциала	Технические меры
Замбия	Меры сотрудничества, правовые меры, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала
Третья группа (55–84 балла)		
Ботсвана	Правовые меры, технические меры, организационные меры	Развитие потенциала, меры сотрудничества
Буркина-Фасо	Правовые меры, организационные меры, меры сотрудничества	Технические меры, развитие потенциала
Камерун	Правовые меры, развитие потенциала, меры сотрудничества	Технические меры, организационные меры
Кот-д'Ивуар	Правовые меры, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Демократическая Республика Конго	Правовые меры, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Эсватини	Правовые меры, организационные меры, меры сотрудничества	Технические меры, развитие потенциала

* Источник: International Telecommunications Union 2024. Global Cyber Security Index 2024. – 5th ed. – URL: <https://www.itu.int/epublications/publication/global-cybersecurity-index-2024>

Продолжение табл. 3

1	2	3
Эфиопия	Правовые меры, развитие потенциала, меры сотрудничества	Технические меры, организационные меры
Гамбия	Правовые меры, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Гвинея	Правовые меры, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Малави	Правовые меры, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Мозамбик	Организационные меры, меры сотрудничества	Правовые меры, технические меры, развитие потенциала
Нигерия	Правовые меры, технические меры	Организационные меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Сенегал	Правовые меры, технические меры, меры сотрудничества	Развитие потенциала, организационные меры
Сьерра-Леоне	Правовые меры, организационные меры	Технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Уганда	Технические меры, организационные меры, меры сотрудничества	Правовые меры, развитие потенциала
Четвертая группа (20–54 балла)		
Ангола	Правовые меры, меры сотрудничества	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала
Кабо-Верде	Правовые меры	Организационные меры, технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Чад	Правовые меры, меры сотрудничества	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала
Республика Конго	Правовые меры, меры сотрудничества	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала
Экваториальная Гвинея	Меры сотрудничества	Правовые меры, технические меры, организационные меры, развитие потенциала
Габон	Правовые меры	Развитие потенциала, технические меры, меры сотрудничества, организационные меры
Лесото	Меры сотрудничества	Правовые меры, технические меры, организационные меры, развитие потенциала
Либерия	Меры сотрудничества	Технические меры, правовые меры, развитие потенциала, организационные меры
Мадагаскар	Правовые меры	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Мали	Правовые меры	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала, меры сотрудничества

Окончание табл. 3

1	2	3
Намибия	Организационные меры	Правовые меры, технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Нигер	Правовые меры	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Сан-Томе и Принсипи	Меры сотрудничества	Технические меры, правовые меры, развитие потенциала, организационные меры
Сейшельские острова	Правовые меры, меры сотрудничества	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала
Южный Судан	Правовые меры	Технические меры, развитие потенциала, меры сотрудничества, организационные меры
Зимбабве	Правовые меры	Технические меры, меры сотрудничества, организационные меры, развитие потенциала
Пятая группа (0–19 баллов)		
Бурунди	Правовые меры	Технические меры, организационные меры, развитие потенциала, меры сотрудничества
Центрально-Африканская Республика	Правовые меры	Технические меры, развитие потенциала, организационные меры, меры сотрудничества
Эритрея	Правовые меры	Технические меры, развитие потенциала, организационные меры, меры сотрудничества
Гвинея-Бисау	Меры сотрудничества	Технические меры, правовые меры, развитие потенциала, организационные меры

Исходя из данных Международного союза электросвязи очевидно, что технические меры и меры по повышению осведомленности населения, профессиональной подготовки и т. п. для развития потенциала в области кибербезопасности являются самыми слабыми звеньями в кибербезопасности большинства африканских стран. Для большинства из представленных стран в табл. 3 эти меры обозначены как первоочередные. Это указывает на острую нехватку технологических решений и квалифицированных кадров и требует первоочередного внимания. Несмотря на то что правовые меры требуют внимания всего в 8 странах, их эффективность ограничивается слабой технической и кадровой базой. Африканским странам для повышения кибербезопасности необходимо скоординировать усилия в области технологической модернизации, подготовки специалистов (создании совместных образовательных программ), развития региональных центров компетенций для обмена опытом и ре-

сурсами [4]. Технологическая модернизация включает поставки оборудования и внедрение решений. Только комплексный подход, сочетающий технологическое развитие с инвестициями в человеческий капитал, позволит африканским странам эффективно противостоять киберугрозам в условиях стремительной цифровизации.

Стратегия Ганы в области борьбы с киберпреступностью

Лидером в области принятия мер по обеспечению кибербезопасности среди стран Африки в 2024 г. является Гана – страна, в которой уровень проникновения Интернета составляет более 70%. На 2025 г. число зарегистрированных интернет-пользователей достигло 24,3 млн человек [8]. В этой связи изучение опыта Ганы представляет интерес не только для Африканских стран.

Гана с 2006 г. внедрила множество проектов по противодействию киберпреступности¹. В 2006 г. после длительного экономического кризиса страна вернулась к росту со средним темпом 5,8%, превышающим показатель за двадцатилетний период [6]. При поддержке Всемирного банка Гана запустила проект eGhana, направленный на развитие предоставления услуг с использованием ИТ-технологий (таких как колл-центры, ввод данных, медицинская транскрипция и т. д.), а также на повышение прозрачности и эффективности государственных услуг, предоставляемых через платформы электронного правительства². В 2012 г. была создана Комиссия по защите данных (DCP)³ в результате принятия Закона о защите данных (DPA). Целями Комиссии были обеспечение защиты конфиденциальности личности и персональных данных путем регулирования обработки персональных данных, обеспечения хранения, использования персональных данных, а также решение связанных с этим вопросов. В этом документе были определены принципы защиты данных, такие как конфиденциальность, указание цели сбора данных, информирование субъекта данных о сборе данных и получение его согласия⁴. В ответ на рост киберпреступности Министерство связи Ганы в 2014 г. сформировало Национальную группу реагирования на чрезвычайные компью-

¹ Ghana e-Ghana Project. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/132381467986297305>; Global Digital Insights. – URL: <https://datareportal.com/reports/?tag=Global>

² World Bank Open Data. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=GH>

³ Contributors, M. O. J. T. a. B. Data Protection Act, 2012 (act 843). – URL: [https://www.lawsghana.com/post-1992-legislation/table-of-content/Acts%20of%20Parliament/DATA%20PROTECTION%20ACT,%202012%20\(ACT%20843\)/144](https://www.lawsghana.com/post-1992-legislation/table-of-content/Acts%20of%20Parliament/DATA%20PROTECTION%20ACT,%202012%20(ACT%20843)/144); World Bank Open Data. – URL: https://donnees.banquemondiale.org/indicateur/IT.NET.USER.ZS?locations=ZG&most_recent_value_desc=true

⁴ Data Protection Act. – URL: <https://ghana.africageoportal.com/pages/data-protection-act>

терные инциденты (CERT-GH) [6]. Это первый орган, сотрудничающий с международными организациями или партнерами по вопросам цифровой безопасности¹. Главная цель этой инициативы – защита проектов электронного правительства от атак. Однако частный сектор также получает от нее выгоду. Группа реагирует и оказывает помощь в случае возникновения инцидентов сетевой или компьютерной безопасности.

В 2016 г. правительство приняло Национальную политику и стратегию кибербезопасности² в связи со стремлением превратить экономику Ганы в информационную. Инициатива включала пятилетний план реализации, рассчитанный на 2016–2020 гг.³ Целью плана было повышение осведомленности граждан о культуре кибербезопасности, об опасностях, которым они подвергаются при использовании Интернета. План предусматривал участие на различных уровнях Министерства связи, Генеральной прокуратуры, Национального агентства информационных технологий и Министерства иностранных дел в реализации стратегии (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

**Направления национальной политики и стратегии кибербезопасности
Ганы в период 2016–2020 гг.***

Направление политики	Ключевые меры	Ответственные и участники
1	2	3
Система управления и координации	Создание центральных органов управления, таких как Национальный совет по кибербезопасности, Национальный центр кибербезопасности и Национальная группа реагирования на киберинциденты (CSIRT). Развитие государственно-частного партнерства	Ведущий орган: Министерство связи. Участники: Совет национальной безопасности, NITA, NCA, Генеральная прокуратура
Правовая база, в том числе в области защиты детей	Регулярный анализ и актуализация национального законодательства в области кибербезопасности и защиты детей в онлайн-сфере. Создание профильного комитета при Генеральной прокуратуре	Ведущий орган: Генеральная прокуратура. Участники: Министерство связи, Министерство внутренних дел, Министерство по делам детей

* Источники: Ghana – eGhana Project. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/132381467986297305>; La révolution numérique en Afrique. vie-publique.fr. – URL: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/38534-la-revolution-numerique-en-afrique>; Global Digital Insights. – URL: <https://datareportal.com/reports/?tag=Global>; Ghana National Cyber Security Policy & Strategy. – URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/Country_Profiles/National-Cyber-Security-Policy-Strategy-Revised_23_07_15.pdf

¹ National Communications Authority. – URL: <https://nca.org.gh/nca-cert/>

² URL: <https://www.csa.gov.gh/cert-gh>

³ URL: <https://www.csa.gov.gh/ghana-launches-national-cybersecurity-policy-and-strategy.php>

О к о н ч а н и е т а б л. 4

1	2	3
Технологии и стандарты	Внедрение международных стандартов безопасности (ISO/IEC, NIST). Разработка национальных стандартов и модели для цифровой криминалистики. Создание профессиональной Ассоциации цифровой криминалистики	Ведущий орган: NITA Участники: профессиональные ассоциации, организации по стандартизации, университеты
Повышение осведомленности и образование	Реализация общенациональной программы повышения киберграмотности для всех групп, включая детей. Расширение программ профессиональной сертификации и целенаправленная подготовка правоохранительных органов	Ведущий орган: Министерство связи. Участники: НПО, университеты, учебные центры, бизнес
Исследования, разработки и кадры	Разработка национальной дорожной карты НИОКР для достижения самодостаточности в сфере кибербезопасности. Стимулирование развития отрасли и регулярное обновление исследовательских планов	Ведущий орган: Министерство связи. Участники: Министерство образования, университеты, исследовательские советы (CSIR), NITA
Кризисное управление и устойчивость	Создание Национального комитета по управлению киберкризисами и отраслевых групп CSIRT для быстрого реагирования на серьезные инциденты. Разработка системы управления рисками для критической информационной инфраструктуры (CNIИ)	Ведущий орган: Министерство связи. Участники: Совет национальной безопасности, частный сектор (финансы, телекоммуникации), Министерство внутренних дел, NITA
Международное сотрудничество	Активное участие в международных форумах по кибербезопасности, присоединение к ключевым международным конвенциям и соглашениям	Ведущий орган: Министерство связи. Участники: Совет национальной безопасности, Министерство внутренних дел, Министерство по делам детей

Таким образом, ключевыми приоритетами Ганы стали защита детей в Интернете, а также обеспечение критической информационной инфраструктуры (CNIИ). На практике это выразилось в следующих направлениях деятельности:

1. Создание архитектуры управления. В частности, в 2017 г. был создан Национальный секретариат по кибербезопасности (NCSS), назначен первый советник по кибербезопасности. Учреждены консультативный и технический советы (NCSIAC, NCSTWG). В 2018 г. на базе NCSS был образован Национальный центр кибербезопасности (NCSC) для централизации усилий.

2. Развитие правовой базы и международного сотрудничества. В 2018 г. Гана ратифицировала Будапештскую конвенцию о киберпреступности, в 2019 г. – Малабскую конвенцию о кибербезопасности.

3. Повышение осведомленности граждан о киберпреступности. Для активизации работы с молодежью в 2022 г. в стране был запущен Национальный конкурс кибербезопасности для школьников и студентов университетов. Цель конкурса – повысить осведомленность учащихся о рисках, связанных с киберпространством.

4. Создание и внедрение национальных и международных стандартов и технологий. В 2020 г. в стране было создано Управление по кибербезопасности (CSA), которое к 2023 г. выросло с 30 до более чем 100 сотрудников и начало внедрять процессы лицензирования и аккредитации для частного сектора. В 2023 г. был запущен масштабный проект «Цифровое ускорение Ганы» при финансировании Всемирным банком (200 млн долл.), что способствует укреплению технологической базы¹.

Реализация всех этих мер позволила Гане добиться значительного прогресса и стать одной из ведущих стран мира в области защиты данных и борьбы с киберпреступностью. С этим высоким баллом Гана входит в группу первого уровня – «страны-образцы», демонстрирующие приверженность сдерживанию развития и минимизации рисков киберпреступности.

Заключение

Все африканские страны стремятся к внедрению цифровых инноваций. Статистика их использования растет год от года. Проведенное исследование позволяет констатировать, что цифровая трансформация стран Западной Африки, характеризующаяся опережающим ростом мобильного Интернета и развитием финтеха, породила парадоксальную ситуацию. С одной стороны, цифровизация стала драйвером экономического роста и социальной инклюзии, а с другой – создала благодатную почву для эскалации киберугроз. Низкий уровень цифровой грамотности, недостаточное развитие нормативно-правовой базы и дефицит квалифицированных кадров сделали регион, в особенности его лидеров по уровню проникновения Интернета, Нигерию и Гану, эпицентром киберпреступности. Риски для населения Африки значительны, учитывая низкий уровень цифровой грамотности и отсутствие распространенной культуры цифровой безопасности.

Опыт Ганы демонстрирует, что эффективное противодействие киберугрозам возможно лишь через реализацию системного и комплексно-

¹ Défis et les opportunités de l'accès à internet en Afrique. – URL: <https://datacup.io/defis-et-les-opportunités-de-l'accès-a-internet-en-afrique>

го подхода. Успех был достигнут за счет создания централизованной архитектуры управления, развития правового поля, активной международной интеграции и масштабных инвестиций в киберграмотность населения. Эти меры позволили устранить ключевые уязвимости и интегрировать страну в глобальную систему кибербезопасности.

Успех Ганы доказывает, что даже в условиях ограниченных ресурсов целенаправленная политика правительства в сочетании с международным сотрудничеством позволяет противостоять актуальным угрозам, закладывая основу для безопасного цифрового будущего.

Список литературы

1. Абдулай М. С. Ю. Цифровизация экономики в Африке: необходимость ускоренного развития в XXI в. в условиях внутренних и внешних ограничений // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 5–14.
2. Приходько Д. В. Цифровизация в странах Африки и факторы ее сдерживающие // Фундаментальные исследования. – 2024. – № 2. – С. 31–36. – DOI 10.17513/fr.43567.
3. Приходько Д. В., Шеров-Игнатъев В. Г. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2024. – Т. 40. – № 1. – С. 3–35. – DOI 10.21638/spbu05.2024.101.
4. Шкваря Л. В. Цифровизация в странах Африки и роль международного сотрудничества // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2024. – № 1. – С. 103–113. – DOI 10.26653/2076-4650-2024-01-09.
5. Anewuah J. National Cybersecurity Challenge Is an Inclusive Strategy to Secure Ghana's Digital Future. – URL: <https://www.modernghana.com/news/1349660/national-cybersecurity-challenge-is-an-inclusive.html>
6. Collett Robert James, Guyot Dasnieres De Salins, Ghislain Raymond Charles. Ghana: A Case Study in Strengthening Cyber Resilience. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099111623162584046>
7. Duah F. A., Asirifi M. K. The Impact of Cyber Crime on the Development of Electronic Business in Ghana. – URL: https://www.researchgate.net/publication/276203267_THE_IMPACT_OF_CYBER_CRIME_ON_THE_DEVELOPMENT_OF_ELECTRONIC_BUSINESS_IN_GHANA
8. Igbinovia M. O, Ishola B. C. Cyber Security in University Libraries and Implication for Library and Information Science Education in Nigeria // Digital Library Perspectives. – 2023. – Vol. 39. – N 3. – P. 248–266. – DOI: <https://doi.org/10.1108/DLP-11-2022-0089>

9. Mwangi T., Asava T., Akerele I. Cybersecurity Threats in Africa // The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa / edited by D. Kuwali. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-82020-6_10
10. Noluthando Mncwango, Thando Mncwango. ICTS and e-Governance in Africa // Digital Policy Studies. – 2024. – Vol. 3 (1). – P. 73–92. – URL: <https://doi.org/10.36615/dttqjd81>

References

1. Abdulay M. S. Yu. Tsifrovizatsiya ekonomiki v Afrike: neobkhodimost uskorenno razvitiya v XXI v. v usloviyakh vnutrennikh i vneshnikh ogranicheniy [Digitalization of the Economy in Africa: the Need for Accelerated Development in the 21st Century under Conditions of Internal and External Constraints]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions], 2024, Vol. 20, No. 3, pp. 5–14. (In Russ.).
2. Prikhodko D. V. Tsifrovizatsiya v stranakh Afriki i faktory ee sderzhivayushchie [Digitalization in Africa and Its Constraints]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Basic Research], 2024, No. 2, pp. 31–36. (In Russ.). DOI 10.17513/fr.43567.
3. Prikhodko D. V., Sherov-Ignatev V. G. Tsifrovaya ekonomika v Afrike: sostoyanie i problemy razvitiya [Digital Economy in Africa: State and Problems of Development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Economy.], 2024, Vol. 40, No. 1, pp. 3–35. (In Russ.). DOI 10.21638/spbu05.2024.101.
4. Shkvarya L. V. Tsifrovizatsiya v stranakh Afriki i rol mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Digitalization in Africa and the Role of International Cooperation]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1: Economics and Law], 2024, No. 1, pp. 103–113. (In Russ.). DOI 10.26653/2076-4650-2024-01-09.
5. Anewuoh J. National Cybersecurity Challenge Is an Inclusive Strategy to Secure Ghana's Digital Future. Available at: <https://www.modernghana.com/news/1349660/national-cybersecurity-challenge-is-an-inclusive.html>
6. Collett Robert James, Guyot Dasnieres De Salins, Ghislain Raymond Charles. Ghana: A Case Study in Strengthening Cyber Resilience. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099111623162584046>
7. Duah F. A., Asirifi M. K. The Impact of Cyber Crime on the Development of Electronic Business in Ghana. Available at: https://www.researchgate.net/publication/276203267_THE_IMPACT_OF_CYBER_CRIME_ON_THE_DEVELOPMENT_OF_ELECTRONIC_BUSINESS_IN_GHANA

8. Igbinovia M. O, Ishola B. C. Cyber Security in University Libraries and Implication for Library and Information Science Education in Nigeria // *Digital Library Perspectives*, 2023, Vol. 39, No. 3, pp. 248–266. DOI: <https://doi.org/10.1108/DLP-11-2022-0089>

9. Mwangi T., Asava T., Akerele I. Cybersecurity Threats in Africa. *The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa*, edited by D. Kuwali. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-82020-6_10

10. Noluthando Mncwango, Thando Mncwango. ICTS and e-Governance in Africa. *Digital Policy Studies*, 2024, Vol. 3 (1), pp. 73–92. Available at: <https://doi.org/10.36615/dttqjd81>

Поступила: 30.10.2025

Принята к печати: 11.11.2025

Сведения об авторах

Егине Араратовна Карагулян

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов ТюмГУ; старший научный сотрудник центра компаративных исследований Института экономики УрО РАН.

Адрес: ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет, 625003, Тюменская область, Тюмень, ул. Володарского, д. 6; Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 25.

ORCID: 0000-0001-6418-5786

E-mail: e.a.karagulyan@utmn.ru

Моссо Жан-Нозль

аспирант кафедры экономики и финансов ТюмГУ.

Адрес: ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет, 625003, Тюменская область, Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

ORCID: 0009-0004-9868-6641

E-mail: z.mosso@utmn.ru

Information about the authors

Egine A. Karagulyan

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance of Tyumen University; Senior Researcher at the Center for Comparative Studies of the Institute of Economics of the Ural Branch of the RUS. Address: Tyumen State University, 6 Volodarskogo Street, Tyumen Region, Tyumen, 625003, Russian Federation; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 25 Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation;

ORCID: [org /0000-0001-6418-5786](https://orcid.org/0000-0001-6418-5786)

E-mail: e.a.karagulyan@utmn.ru

Jean-Noel Mosso

Post-Graduate Student of the Department of Economics and Finance of Tyumen University.

Address: Tyumen State University, 6 Volodarskogo Street, Tyumen Region, Tyumen, 625003, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-9868-6641

E-mail: z.mosso@utmn.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-62-75>

СТРАТЕГИИ ЖЕСТКОЙ И МЯГКОЙ СИЛЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Р. Р. Асмятуллин, А. Р. Бяшарова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

За последние десятилетия регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) претерпел глубокие преобразования, вызванные внешними и внутренними факторами, которые изменили его политическую, экономическую и социальную динамику. Ключевым элементом этой трансформации стала смена региональной власти, связанная с упадком США и появлением глобальных игроков, таких как Россия и Китай, которые стремились расширить сотрудничество со странами Ближнего востока и Северной Африки. Цель данной статьи – проанализировать присутствие России в регионе БВСА, исследуя ее стратегии жесткой и мягкой силы, а также исторические аспекты. Этот подход нашел отражение в стратегии России в Сирии. Он стал ярким примером жесткой силы, а в продвижении альтернативных ценностей на Западе – выражением мягкой силы. Украинский кризис усилил эту тенденцию, заставив многие страны региона БВСА сохранять нейтралитет или даже укреплять свои отношения с Россией, отчасти из-за ощущения, что Запад теряет способность поддерживать региональный порядок. В нынешних условиях Россия заняла более гибкую позицию, стремясь наладить связи как с исторически прозападными игроками, так и с традиционными союзниками США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Россия, целенаправленно применяя жесткую и мягкую силу, сумела укрепить свое влияние на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которые, оставаясь одним из стратегических регионов ее внешней политики, претерпели существенные изменения в геополитическом балансе.

Ключевые слова: БВСА, международные отношения, энергетика, прагматический подход, экономические санкции.

CONTEMPORARY RUSSIA'S HARD AND SOFT POWER STRATEGIES IN THE MIDDLE EAST

Ravil R. Asmyatullin, Adilya R. Byasharova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Over the past decades, the Middle East and North Africa (MENA) region has undergone a profound transformation caused by external and internal factors that have changed its political, economic and social dynamics. A key element of this transformation has been the shift in regional power, with the decline of the United States and the emergence of global players such as Russia and China that have sought to enhance cooperation with MENA countries. This article aims to

analyze Russia's presence in the MENA region investigating its hard and soft power strategies and the historical aspects. This approach found expression in Russia's strategy in Syria. It has become a clear example of hard power and in the promotion of alternative values in the West as an expression of soft power. The Ukraine crisis has reinforced this trend, leading many countries in the MENA region to remain neutral or even strengthen their relations with Russia, in part because of the perception that the West is losing its ability to maintain regional order. In the current context, Russia has taken a more flexible position than in the past, seeking to build ties with both historically pro-Western players and traditional US allies in the Middle East and North Africa. Russia, through the targeted use of hard and soft power, has managed to confirm its influence in the Middle East and North Africa, which, while remaining one of the strategic regions of its foreign policy, has undergone significant changes in the geopolitical balance.

Keywords: MENA, International Relations, Energy, pragmatic approach, economic sanctions.

Introduction

In the last decades the Middle East has been experiencing a profound transformation due to various external and internal factors; this transformation involved political, economic and social spheres of the countries across the region. Moreover, power dynamics within MENA have significantly changed: Middle Eastern countries have acquired major autonomy while the influence of the US and the West in general has decreased leaving space for such global players as Russia and China interested in strengthening cooperation across the region.

Moscow has been historically involved in Middle Eastern affairs; while the Soviet Union's establishment was mainly focused on building cooperation with ideologically close countries and parties across the region, modern Russia's diplomacy opted for a more pragmatic approach that combines both hard and soft power elements.

Methodology & research design

This article represents a descriptive study of Hard and Soft Power strategies of Russia in the Middle East. First, it provides the context, describing the transformation MENA region has been experiencing in the last decades and evolution of the role of the West. Second, it covers the phenomenon of power in International Relations, focusing on the concepts of Hard and Soft Power. The last section represents an analysis of contemporary Russia's Hard and Soft power in the Middle East as well as an overview of the historical aspect. During the study, relevant academic articles as well as various online resources such as newspaper articles and reports were identified and analysed.

Middle East and the Global Change: Evolution of the Role of the West in the Region

Historically, MENA has often experienced significant *external* influence which defined some key development tendencies of the region [15. – P. 11].

In particular, the Middle East has been characterized by a certain degree of *dependence* on the West, conventionally present in MENA, and especially on the US which was dominating in Middle East affairs for many years [18. – P. 4]. Continuous conflicts often “triggered by external interventions” [18. – P. 2] and by internal issues within single countries, represent another crucial factor that has impeded the Middle Eastern countries from obtaining major degree of autonomy and independence and created rather unstable contexts. However, after the so-called Arab Spring, a series of uprisings that began in 2011 in different Arab-speaking countries across the Middle East, the region has experienced a profound “transformation” [15. – P. 3] and, therefore, an important “shift in power dynamics” [18. – P. 2]. The influence of the external players has decreased becoming more diversified, while Middle Eastern countries have acquired more independence.

Kostadinova identifies two main tendencies that characterize this transformation [15]. First, the influence of the West and especially of the US has decreased after the Arab Spring. In the Middle East the US is no longer seen as a prominent global player capable of maintaining the global order as it used to be in the near past [34]. Second tendency, the power shift created space for other major international players like Russia, China and even internal Middle East actors, to start enhancing their presence in MENA.

The Concept of Power

.... one could set up an endless parade of great names from Plato and Aristotle through Machiavelli and Hobbes to Pareto and Weber to demonstrate that a large number of seminal social theorists have devoted a good deal of attention to power... [11. – P. 201]

Power represents a fundamental yet very controversial concept in International Relations. It is hard to underestimate the importance of power while analyzing the IR processes and the never-ending disputes between the scholars on what power is confirm the centrality and contradictoriness of the topic. Drezner defines power a critical concept in the discipline of International Relations, however, he also acknowledges that there is no consensus about what power means [12]. As Ney argues, “no definition of power is accepted by all who use it” [Ney, 2021], and scholars’ choices of definition, first of all, reflect their interests and values. Due to its complexity and the continuous debate it provokes, the concept of power is defined as one of the most troublesome notions in the field of IR [12. – P. 31].

Being an all-encompassing phenomenon, power has always occupied minds of the IR scholars. Dahl [11. – P. 201] calls the concept of power “ancient and ubiquitous” emphasizing the importance of power throughout the human history; Laswell and Kaplan highlight the centrality of power in politics stating

that “any political process represents shaping, distribution and exercise of power”; Guzzini argues that power is “an explanatory concept nobody in IR can do without” [12. – P. 30].

Dahl’s definition where “A has power over B to the extent that he can get B to do something that B would otherwise not do” became one of the most cited definitions of power, nonetheless, it has been widely criticized by other scholars for being too limiting and not taking into consideration all the facets of the complex notion of power [12].

The concepts of Hard Power and Soft Power have become extremely mainstream in the discipline of International Relations. The notions of Hard and Soft Power have both their advantages and limitations. While Hard Power by definition is based on the exploitation of coercive means [14], Soft Power or co-optive power implies the creation of the conditions in which others tend to follow – the ideas, trends or values backed by an actor voluntarily.

The success of employing the Hard or Soft Power instruments depends on many factors, particularly on the accessibility of power resources the state has [32]. Obviously, large states with an elevated national income (Russia, United States, China etc.) have more resources to invest in the military sphere, therefore, hard power tools are available for them. On the contrary, smaller nations are less likely to have access to hard power tools and therefore tend to employ them less frequently [3]. Regarding the Soft Power instruments, the situation is different: accessibility of soft power tools depends on the size of a state to a lesser extent. The following sections provide an overview of Hard Power and Soft Power concepts.

Hard and Soft Power Concepts

In international politics, having “power” is having the ability to influence another to act in ways in which that entity would not have acted otherwise.

Hard power is the capacity to *coerce* them to do so [33. – P. 114]

As stated above, hard power strategies are represented by coercive means like military interventions, pressing diplomacy and economic sanctions that are implemented by different nations in order to enforce their national interests. As Wagner states, some actors use hard power means to compel the other actors (in case of International Relations – the states) to act in a way different from their usual behaviour involuntarily [32]. Even though hard power methods implementation requires less time as its resources are tangible, military or economic coercion usually has immediate but short-term output [18]. The strict repressive measures put onto Germany after the Great War provoked a deep sense of resentment in German society and led to the

II World War, which represents a very illustrative historical example of the how instruments of hard power can be extremely inefficient and even harmful in some cases.

As the tools of Hard Power are widely used and can be effective and even indispensable in some cases, they have significant limits; Wagner states that no successful foreign policy can be based exclusively on Hard Power [32]. For this reason, nowadays many nations tend to employ both Soft and Hard Power interacting with the other actors internationally.

On the contrary, the co-optive or Soft Power is a more indirect way of exercising power. An actor can be successful internationally by attracting other actors with its values, ideas, thriving economy, good education system, culture etc., which on the contrast with Hard Power, makes the others follow it voluntarily.

The concept of Soft Power was first introduced by Joseph Ney in the late 1980s, before it became extremely mainstream in International Relations. However, the very phenomenon of a non-coercive, soft power is not new. Of course, the importance of “attractive ideas, the ability to set the political agenda and determine the framework of debate in a way that shapes the others’ preferences” [23] cannot be underestimated in politics and international relations [25] and it has always been understood by the politicians and philosophers.

On contrast with Hard Power, developing the necessary instruments of Soft Power is a long-term investment of time and efforts [32]; however, these measures may guarantee a durable effect for an actor.

Russia’s interpretation of soft power is rather different from the Western one [6]; Moscow’s Soft Power strategies are mainly based on promotion of the opposite to the Western, more traditional values. Even though Russia’s approach to Soft Power is often criticized [5], it is also viewed as an alternative interpretation of the very concept of Soft Power. The concepts of Hard and Soft Power have become extremely popular in the discipline of International Relations. Both notions have some limitations and are often criticized by the scholars. For instance, Willson defines Soft Power proponents’ reasoning as “naive and institutionally weak”, while Hard Power advocates, according to him, struggle to see the manifestations of national power beyond the coercive measures [33. – P. 110]. Willson also highlights a need for a better conceptualization of the notions of Hard and Soft Power.

Russia’s Hard and Soft Power in the Middle East

Historical Overview: the Soviet Hard and Soft Power strategies in the Middle East

MENA region with all of its complexity has always played an important role for the Kremlin; historically Moscow was conducting active policies

among the Middle Eastern nations. This section covers the historical aspect of Moscow's presence in the Middle East, focusing on the Soviet Union period.

Building relations with the Middle East countries, likewise with the other regions with a colonial past, represented an important opportunity for the USSR to extend its influence in the Third World after the Second World War; for this reason, the Soviet Union adopted various Hard and Soft Power strategies aimed at attracting new nations emerging out of colonization [13. – P. 466] and making them appreciate the Soviet political, economic and social model [2].

The most fundamental elements of the Soviet Soft Power that facilitated the spread of the Kremlin's influence in the Global South and in particular in the Middle East [9. – P. 13] in the 50-60s were represented by the fast growth and development of the country after the Second World War as well as planning economy model. Among Arab-speaking Middle East countries, the Soviet Union managed to cultivate important partnerships with emerging but rather fragile postcolonial states, in particular Egypt, Syria and Iraq [13. – P. 466]. Partnership between the Soviet Union and Syria that defines as an "ideal-type example of a relationship between a super-power and its regional ally" [31. – P. 143] eventually became a long-term cooperation that maintained its importance through the decades and still remains crucial for Russia. In addition, the Soviet Union invested in organization of various trainings for the experts from ally countries, scholarships for talented students, financial aid in modernization and infrastructure development projects [13. – P. 466]. Of course, strong anti-colonial and anti-imperialistic sentiment in post-colonial countries was successfully instrumentalized by the Soviet Union in order to boost its influence among the new partners.

There were some important elements of Hard Power in the Soviet approach to the Middle East. In the 1950s, Moscow recognised the importance of Soviet military presence in the Mediterranean [7], by that time completely dominated by NATO. In July 1967, the Fifth Mediterranean Navy Squadron was officially put on duty, which allowed the Soviet Union to adopt the strategy of direct support of prosocialist countries (and not only) in the region and reinforce its presence in the Mediterranean.

The Fifth Mediterranean Navy Squadron navigating the Mediterranean "was an important precedent for the Soviet military base in Syria" [13. – P. 467]. In 1971 Soviet Union built a naval facility in the Syrian city of Tartus which was another step the USSR undertook in order to "to reassert its great power status in the Middle East" [31. – P. 151]. The naval base was built in order to provide all the necessary facilities for the Fifth Mediterranean Navy Squadron.

The Soviet Union also maintained relations with ideologically close parties, factions and groups across the region. For instance, it was supporting the Palestinian Liberation Front, a Palestinian political faction and the

transnational Arab Socialist Ba'ath Party. It was maintaining strong contacts with various Kurdish guerrilla groups in the Middle East. Spreading its influence across the Middle East allowed Moscow to conquer a position of an important international player in the region. However, active participation in the Middle Eastern political affairs was no longer a priority for the new Russian government in the 1990s, facing political, economic and social crisis after the collapse of the Soviet Union.

Understanding Contemporary Russia's Middle Eastern Approach

Since Vladimir Putin came to power, he has sought to re-establish Russia's influence in the MENA. However, he adopted a new approach towards the region. Stronski claims that flexibility is a key notion for understanding modern Russian Eastern Mediterranean policy [30]; it is reflected in the multifaceted and unideological relationships developed by Moscow with the Middle Eastern countries, key regional powers and non-governmental actors. Moscow has used both its Hard Power, state and non-state infrastructure, such as paramilitary groups and Soft Power in order to re-establish its status in the region.

As stated above, Stronski also describes contemporary Russia's activities in the region as a return of the Soviet Union's approach to the region without, however, the strong ideological component, crucial in the Soviet Union's foreign policy strategies [30]. Therefore, while Soviet Union tended to maintain good relationships with anti-Western prosocialist regimes and parties in the Middle East and poor or neutral relations with pro-Western ones, Russia's strategic approach included establishing the relationships with the United States traditional allies in MENA as well. In addition, Russia has evidently managed to benefit the increased perception of some countries of the region that the United States, demotivated by operations in Iraq and Afghanistan, is getting disengaged in the Middle East.

There are several main reasons Russia has been seeking to spread its influence across MENA region. First of all, the aspiration to affirm its great power status is one of the key elements of modern Russia's foreign policy strategies, which involves the Middle East as well; second, after the beginning of the Ukraine crisis and due to the complexity of today's relations with the West, Russia has started seeking partnerships and strengthening cooperation beyond the West; last but not least, "genuine concerns" of Russia's establishment about the expansion of terrorism in the MENA region and its potential spread the post-Soviet countries of Central Asia motivate Russia to conduct active policies across the region. As Siddi states, Russia's aspirations to increase its influence and involvement in MENA region dynamics "added a new geographical dimension to the West-Russia security relationship and to Euro-Atlantic security" [28. – P. 166].

Syrian military operation & Russia's hard Power in the Middle East

After the beginning of the Arab Spring in 2010 in Tunis, the protests got spread across the Middle East, including such countries as Egypt and Yemen. In March 2011 large-scale protests started in Syria, *historically* a Soviet and then Russian ally in the Middle East. In September 2015, Russia entered the Syrian Civil War.

There were several reasons for Russia's direct participation in the conflict in Syria. First of all, it represented an opportunity for Russia to re-establish its military presence in the Mediterranean [10]. Second, Russia's participation in the Syrian conflict was a clear-cut "demonstration" of Russia's Hard Power capacity "outside its immediate neighborhood" [20. – P. 2] and proved its "renewed activism in the broader MENA region". Finally, another factor that explains Russia's active participation in the Civil War in Syria in support of Bashar al-Assad [20. – P. 2] is an evident interest to keep its strategic regional ally.

Russia's intervention in the conflict permitted to change the situation in Syria radically in a relatively brief period of time [26]. First of all, it allowed to keep Baathist regime in Damascus and "enabled Bashar al-Assad to remain in power" [13. – P. 474] by preventing the advance of the opposition, supported by the West, Turkey and the Gulf and significantly weakening it. Second, it evidently prepared the way for a more assertive Russia behavior in MENA [26] and served as a demonstration of Russia's Hard Power potential represented by "recently re-acquired military might" [20. – P. 2] strong enough to react "in accordance with its own interests and independently" [27]. Moreover, Russia's successful actions in the Syrian Civil War allowed it to gain the approval of other countries in the Middle East and even made them "seek improved relations with Moscow" [26].

Of course, support Russia gave to the Syrian official government and the reception of Bashar al-Assad in Russia after the change of power in December 2024 served as a clear demonstration to the leaders across the Middle East that Russia remains a reliable ally "willing to uphold its commitments" [20. – P. 2]. In addition, even though economic opportunities of this operation have not been that significant for the Russian economy, the political leverage that Russia acquired with its intervention in Syria opened the door to increased economic cooperation with other countries in the region.

Energy as a strategic dimension of Russia's policy in the Middle East

Beyond the shadow of a doubt, energy represents a crucial element of Russia's influence in the world, an important source of its Hard and Soft Power. Russia is one of the most important global energy producers [8] and, therefore, one of the biggest competitors of energy producers of the MENA region. As Nakhle claims, citing the BP Statistical Review of World Energy in

2018¹, Russia and the Middle East “produce half of the world’s oil and nearly 40% of its gas [21. – P. 29]; therefore, it’s difficult to overestimate the potential of conceivable cooperation between Russia and MENA countries in the energy field. However, Middle Eastern (and especially Gulf) countries have a major influence in OPEC, since “8 out of 14 OPEC members are from MENA countries, representing 83% of the organisation’s oil production and most of its spare capacity” [21. – P. 31]. The Organization of the Petroleum Exporting Countries, a powerful organization of leading oil-producing countries that regulate oil production levels and, consequently, global prices; therefore Russia (not a member of OPEC) has a direct interest in strengthening collaboration with these countries.

Another important dimension of Russia’s energy strategies in the Middle East is Russia’s aspiration to participate and spread its influence in the contexts “where new energy developments are taking place” [28]. For instance, in 2017 Russia’s Rosneft acquired a 30 percent stake in the Zohr offshore gas field, a major gas-producing field in the Eastern Mediterranean, from Italy’s Eni in Egypt². Also in 2017, Novatek, the largest independent natural gas producer in Russia bought 20 percent of a gas-exploration joint venture in Lebanon³; Italy’s Eni and France’s Total own 40% stakes each. In Algeria, Gazprom, a Russian majority state-owned multinational energy corporation is involved in hydrocarbon exploration⁴. In addition, Russia has been historically present in Libya due to its close contact with Muammar Qaddafi’s regime; even now the support of General Khalifa Haftar has an important energy aspect as much as a strategic dimension for Russia [27].

However, the energetic dimension of Russia’s foreign policy may contain certain challenges, especially in the current environment; first of all, elevated dependency on energy income and usage of energy as political and economic instrument makes Russia more exposed to eventual risks caused by fluctuations in energy prices⁵. Second, the “coronavirus-induced recession”, spread of liquefied natural gas as well as global “green” tendencies are significantly “transforming energy markets worldwide”, leading to a decrease in demand for natural oil and gas worldwide. Nevertheless, energy has always

¹ BP Statistical Review of World Energy analyses data on world energy markets from a prior year.

² Rosneft closes the Deal to Acquire a 30% stake in Zohr Gas Field. – URL: <https://www.rosneft.com/press/releases/item/188045/> (accessed: 10.11.2024).

³ Rosneft Sets Up Oil Product Storage Firm in Lebanon. – URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/68841/> (accessed: 10.11.2024).

⁴ Gazprom plans to start production of hydrocarbons in Alegria in 2026. – URL: <https://tass.com/economy/1652601>

⁵ Energy Strategy of Russia for the Period up to 2030. Approved by Decree N 1715-r of the Government of the Russian Federation, Moscow, 2010. – URL: http://www.energystrategy.ru/projects/docs/ES-2030_ (accessed: 10.11.2024).

been and remains one of the most important elements of Russia's presence both globally and in the MENA region, which will hardly change in the short term. Russia's energy strategies in foreign policy must adapt to constantly evolving political and economic contexts.

Special Military Operation in Ukraine and the reaction of the Middle Eastern countries

Russia's Special Military Operation in Ukraine is another key dimension to examine while analyzing the development of Russia's influence in the MENA region. The Special Military Operation in Ukraine which began on February 24, 2022, and the eventual reaction of different international players has confirmed the established polarity between the West and the rest of the world and especially the MENA countries [29]. Unlike the Western countries that immediately introduced severe sanctions against Russia after the beginning of Special Military Operation, the majority of Middle Eastern countries "have taken a relatively neutral position" and connections between Moscow and the Middle Eastern countries even increased in 2022-2023 [16]. As Liu outlines, generally, it confirms a significant "strategic autonomy" of the MENA countries and the ability to pursue "their own national interests" [18. – P. 4].

Only a few countries expressed a strong agreement or disagreement with Russia's actions in Ukraine. For instance, Russia received support from its historical ally in the region, Syria: Damascus voted against the UN resolution and allowed Russia to involve young Syrian citizens to participate in the Special Military Operation in Ukraine [13. – P. 479]. A relatively strong negative reaction had Kuwait, which opposed Russia's action in Ukraine [18. – P. 2]. However, the reactions of these two countries didn't have a significant impact.

Several factors defined the perception of Arab countries of the Ukraine conflict and their rather neutral position regarding the Special Military Operation. First of all, it's a certain pragmatism [16] of the Middle Eastern players and therefore [34. – P. 22] their unwillingness to take sides openly in the conflict they consider rather unrelated and distant from them. Second, the persisting perception of Western behavior as a double-standard undermines the US's positions in the region [4]. Third, as mentioned above, MENA countries no longer consider the US as a prominent actor able to maintain regional order due to its "disengagement" from the Middle East. In general, by diversifying their connection worldwide the Middle Eastern countries are also preparing for a *new reality* in which the role of the United States in the region will be reduced significantly. Finally, Kozhanov also acknowledges the success of the effort Russian diplomacy put to restore the connections with the Middle Eastern actors, including traditional US's allies of the US [16].

Since the beginning of the Special military Operation such Arab countries as Saudi Arabia and UAE, the traditional US partners in the region, have been under “direct continuous pressure” to join the sanctions against Russia [20]; however, as stated above, they adapted a strategy of “balancing the interests of the US and Russia”. For instance, they *refused* to increase oil production to curb the rapid rise of global oil prices as the US has asked several times and maintained previous production agreements with Russia and other major oil-producing countries [18. – P. 3].

In the present circumstances, Moscow will definitely opt for fostering collaboration with the countries that didn’t join the Western sanctions, creating closer relations with them; therefore, cooperation with Middle Eastern countries is becoming more and more important for Russia.

Russia’s Soft power in the Middle East: the role of information and communication

Historically [6], the spread of Russia’s influence worldwide has been associated with the utilization of Hard Power instruments. Moreover, as mentioned above, Russia’s Soft Power is often viewed suspiciously due to its dissimilarity with the “conventional” concept of Soft Power. In Russian interpretation, Soft Power strategies must be “ultimately pragmatic” and, therefore, must serve the accomplishment of certain goals. Another peculiarity, Russia’s Soft Power is an institutionalized government-led strategy “under strict government control” [1. – P. 126].

The Soft Power approach remains the main instrument of the Kremlin’s aspiration to spread its influence in MENA. In particular, in the Middle East, major efforts are focused on building and maintaining relations with the players across the region; this goal was mainly accomplished by the 2010s. In this way, Russia managed to re-establish its political, diplomatic, and economic influence in the region.

Russia is attempting to dominate the informational domain as well. Russia Today (RT), a Russian media outlet that was launched in 2005 is strongly represented across the Middle East which, of course, favours the spread of Russian informational influence.

Conclusion

In the last years Russia has started to re-evaluate the established partnerships worldwide; the Ukraine crisis and other important factors served as trigger for this tendency. MENA region, due to its geographic proximity and strategic importance has already been one of the priority destinations for Russia’s international aspirations, and after the above-mentioned events, this it has only intensified. Moscow is applying a series of Hard and Soft Power strategies across the Middle East, cultivating important partnerships with the

major players of the region. In the near future, the Middle East will remain a key destination for Russia's foreign policy especially on the diplomatic level and in energy-related fields.

References

1. Ageeva V. The Rise and Fall of Russia's Soft Power. *Russia in Global Affairs*, 2021, No. 1, pp. 118–145.
2. Amarasinghe P. Reminiscence of Soviet Soft Power and the Way it Influenced the Global South. Available at: <https://modern diplomacy.eu/2019/11/02/remembrance-of-soviet-soft-power-and-the-way-it-influenced-the-global-south/> (accessed: 30.09.2024).
3. Baldwin D. A. The Faces of Power Revisited. *Journal of Political Power*, 2021, Vol. 14, No. 1, pp. 85–96.
4. Bobkin N. N. Impact of the Ukrainian conflict on US relations with Countries in the Middle East. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2022, Vol. 92, No. 15, pp. 1397–1404.
5. Borshchevskaya A. Russia's Soft Power in the Middle East. *Military Review*. 2021. November-December. Available at: <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/English-EditionArchives/November-December-2021/Borshchevskaya-Russia-Soft-Power/> (accessed: 29.10.2024).
6. Borshchevskaya A., Eljarh M. Russia in the Mediterranean: Strategies and Aspirations. *Mediterranean Dialogue*, 2018, No. 12, pp. 1–11.
7. Bregolat E. Russia in the Mediterranean and in Europe. *IEMed. Mediterranean Yearbook*, 2018, pp. 36–9.
8. Brookes P. Russia's Middle East resurgence: Here to Stay? Available at: <https://www.gisreportsonline.com/r/russias-middle-east-resurgence-here-to-stay/> (accessed: 15.10.2024).
9. Castiglioni C. From Enemy to "Good Neighbour". The Partnership Between Moscow and Teheran in the Age of Détente. *Dans Les Cahiers Irice*. 2019, Vol. 1, No. 10, pp. 13–24.
10. Cristiani D. Framing Russia's Mediterranean Return: Stages, Roots, and Logics. *IAI Commentaries*, 2020, Vol. 20, No. 59, pp. 1–5.
11. Dahl R. The Concept of Power. *Behavioral Science*, 1957, Vol. 2, No. 3, pp. 201–215.
12. Drezner D. Power and International Relations: a Temporal View. *European Journal of International Relations*, 2021, Vol. 27, No. 1, pp. 29–52.
13. Gasimov Z. Russia under Putin in the Eastern Mediterranean: The Soviet Legacy, Flexibility, and New Dynamics. *Comparative Southeast European Studies*, 2022, Vol. 70, No. 3, pp. 462–485.
14. Guzzini S. The Limits of Neorealist Power Analysis. *International Organization*, 1993, Vol. 47, No. 3, pp. 443–478.

15. Kostadinova V. The Gulf Arab Countries' Foreign and Security Policies Post-Arab Uprisings: Toward Greater Regional Independence of the Middle East. *Gulf Research Center Cambridge*, 2015, pp. 1–26.
16. Kozhanov N. Russian Relations with the Middle East after Putin's invasion of Ukraine / Italian Institute for International Political Studies, 2023.
17. Lauer J. Methodology and Political Science: the Discipline Needs Three Fundamental Different Methodological Traditions. *SN Social Science*, 2021, No. 1, p. 43.
18. Liu Z., Shu M. The Russia-Ukraine Conflict and the Changing Geopolitical Landscape in the Middle East. *China International Strategy Review*. 2023, No. 4, pp. 1–14.
19. Merzan K., Talbot V. Evolving MENA Power Balance: What Is Next for US Engagement in the Region? Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/evolving-mena-power-balances-what-next-us-engagement-region-35686> (accessed: 11.12.2024).
20. Mühlberger W., Siddi M. In from the Cold: Russia's Agenda in the Middle East and Implications for the EU. *Euromesco Brief*, 2019, No. 91, pp. 1–11.
21. Nakhle C. Russia's Energy Diplomacy in the Middle East. *European Union Institute for Security Studies, Chaillot Papers*, 2018, No. 146, pp. 29–35.
22. Ney J. Get Smart. Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*, 2009, Vol. 88, No. 4, pp. 160–163.
23. Ney J. Soft Power. *Foreign Policy*, 1990, No. 80, pp. 153–171.
24. Ney J. Soft Power: the Evolution of a Concept. *Journal of Political Power*, 2021, Vol. 14, No. 1, pp. 196–208.
25. Ney J. The Changing Nature of Word Power. *Political Science Quarterly*, 1990, Vol. 105, No. 2, pp. 177–192.
26. Petkova M. What has Russia Gained from Five Years of Fighting in Syria? Available at: <https://www.aljazeera.com/features/2020/10/1/what-has-russia-gained-from-five-years-of-fighting-in-syria> (accessed: 29.09.2024).
27. Pierini M. Russia's Posture in the Mediterranean: Implications for NATO and Europe. Available at: <https://carnegieeurope.eu/2021/06/08/russia-s-posture-in-mediterranean-implications-for-nato-and-europe-pub-84670> (accessed: 26.10.2024).
28. Siddi M. The Mediterranean Dimension of West-Russia Security Relations. In *Threats to Euro-Atlantic Security. New Security Challenges*, edited by. A. Futter. Palgrave Macmillan, 2020, pp. 165–77.
29. Singh M. The Middle East in the Multipolar Era: Why America's Allies are Flirting with Russia and China. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/middle-east/middle-east-multipolar-era>December7 (accessed: 11.12.2024).
30. Stronski P. A Difficult Balancing Act: Russia's Role in the Eastern Mediterranean. Available at: <https://carnegieendowment.org/2021/06/28/>

difficult-balancing-act-russia-s-role-in-eastern-mediterranean-pub-84847 (accessed: 03.12.2024).

31. Tudoroiu T. The reciprocal constitutive features of a Middle Eastern partnership: The Russian-Syrian bilateral relations. *Journal of Eurasian Studies*. 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 143–153.

32. Wagner J. P. The Effectiveness of Soft & Hard Power in Contemporary International Relations. Available at: https://www.e-ir.info/2014/05/14/the-effectiveness-of-soft-hard-power-in-contemporary-international-relations/#google_vignette (accessed: 15.11.2024).

33. Willson E. J. III. Hard Power, Soft Power, Smart Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, Vol. 616, No. 1, pp. 110–124.

34. Yahya M. The Arab World and the Ukraine conflict: The Quest for Nonalignment. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/arab-world-and-ukraine-conflict-quest-nonalignment-35707> (accessed: 22.11.2024).

Поступила: 05.07.2025

Принята к печати: 13.10.2025

Сведения об авторах

Равиль Рамилевич Асмятуллин
кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 115054, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
ORCID: 0000-0001-6549-2040
E-mail: rav.asmyatullin@gmail.com

Адиля Рашидовна Бяшарова
кандидат экономических наук, доцент
кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
ORCID: 0000-0003-3068-7109
E-mail: Byasharova.AR@rea.ru

Information about the authors

Ravil R. Asmyatullin
PhD, Associate Professor
of the Department of World Economy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics, 36 Stremyanny
Lane, Moscow, 115054,
Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-6549-2040
E-mail: rav.asmyatullin@gmail.com

Adilya R. Byasharova
PhD, Associate Professor
of the Department of World Economy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-3068-7109
E-mail: Byasharova.AR@rea.ru

DOI: <http://x.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-76-85>

ДЕМОГРАФИЯ VS ИММИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

Н. М. Забазнова, И. Ю. Мурадова, Е. И. Соколова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Для современной Германии актуализируются демографическая и миграционная проблемы как оказывающие дестабилизирующее влияние на социально-экономические процессы в стране и Европе. Поскольку международная миграция населения и трудовых ресурсов остается важным направлением и фактором включения национальной экономики в мировую, то она выступает и фактором глобализации, затрагивая целый комплекс различных внутристрановых аспектов. В статье проанализированы современные тренды, причины, возможные негативные последствия демографических и миграционных процессов в Германии с точки зрения национальной экономики и социальной сферы. Период исследования – 2020–2024 гг. (отчасти затрагивает 2010 и 2025 гг.) – выбран как содержащий серьезные изменения в Германии, в том числе и в социально-демографической и миграционной сферах. Источники статистической информации – отчеты международных организаций. Авторы приходят к выводу о том, что демографическая и миграционная ситуация остается весьма непростой и фактически обостряется и нарастает, несмотря на усилия государства. Это требует от правительства поиска новых методов регулирования этих проблем и, на наш взгляд, более самостоятельных.

Ключевые слова: демографическая проблема, международная миграция населения, социально-экономическое развитие, мировая экономика, нестабильность, глобализация.

DEMOGRAPHY VS IMMIGRATION IN GERMANY: AN ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION

Natalya M. Zabaznova, Irina Y. Muradova, Ekaterina I. Sokolova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Demographic and migration issues are becoming relevant for modern Germany as they have a significant impact on socio-economic processes in the country and in Europe, often destabilizing. Since international migration of the population and labor resources, in particular, remains an important direction and factor in the integration of the national economy into the global one, it also acts as a factor of globalization, affecting a whole range of different domestic aspects. The article aims to analyze current trends, causes, and possible negative consequences of demographic and migration processes in Germany from the point of view of the national economy and the social sphere. The study period is 2020–2024. (partly affecting 2010 and 2025 for comparison) – selected as containing major changes in Germany, including in the socio-

demographic and migration spheres. Sources of statistical information are reports of international organizations. The authors conclude that the demographic and migration situation remains very difficult and is actually escalating and increasing, despite the efforts of the state, which, accordingly, requires the government to find new methods of regulating these problems and, in our opinion, more independent ones.

Keywords: demographic problem, international population migration, socio-economic development, world economy, instability, globalization.

Введение

Современная Европа, ядром которой традиционно остается Германия, сталкивается с рядом социально-экономических проблем. Социально-экономические процессы, происходящие в экономике Германии, входящей в «Большую семерку» и «Большую двадцатку» стран мира, вызывают научный интерес исследователей, стремящихся проанализировать причины, особенности, перспективы складывающейся ситуации. Авторы практически единодушно отмечают, что «...страна столкнулась с рядом сложнейших экономических и политических проблем, которые существенно обострились осенью 2022 г.» [2. – С. 87].

Так, весьма негативно на социально-экономические и в целом гуманитарные процессы в Германии повлияло введение антироссийских санкций в 2014 г. [10]. Глобальная коронавирусная эпидемия, несмотря на оказывавшуюся государственную поддержку [11], серьезно подорвала уровень научно-промышленного потенциала [3], изменила позиции страны на мировых рынках [5]. Рост глобальной нестабильности и углубление трансформационных процессов в мире [13], декарбонизация, охватывающая все страны мира [14], в том числе и Германию [7], цифровизация как общемировая тенденция [9] стимулируют не только обострение конкуренции на мировых рынках, но и глубокие гуманитарные процессы [12], все больше затрагивающие, помимо стран с развивающимися рынками, и государства, относящиеся к группе высокоразвитых, таких как Германия. На наш взгляд, обострение проблем современной Германии во многом вызвано внутренними демографическими процессами, а также внешней миграцией населения. Этому аспекту посвящено данное исследование, которое может иметь теоретическое и практическое значение не только для Германии, но и для других стран с аналогичными проблемами.

Результаты исследования

В результате роста глобальной волатильности и актуализации современных трендов, например декарбонизации [7], происходит постепенное снижение эффективности экономики Германии, хотя темп роста ВВП страны, согласно данным ЮНКТАД, показан как положительный за исследуемый период (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Основные макроэкономические показатели Германии в 2015–2024 гг.*

	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Население, тыс. чел.	80 831	83 629	83 697	84 086	84 548	84 552
Городское население, % от общего	78,97	77,45	77,54	77,65	77,77	77,89
ВВП, млн долл.	3 468 154	3 940 143	4 348 297	4 163 596	4 525 704	4 658 977
Подушевой доход, тыс. долл.	42 906	47 115	51 953	49 516	53 528	55 102
Экспорт, млн долл.	1 258 924	1 382 533	1 627 375	1 676 473	1 702 278	1 681 655
Импорт, млн долл.	1 054 814	1 171 782	1 411 439	1 583 619	1 467 598	1 421 796

* Составлено по данным: URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/>

В последнее время Германия сталкивается с такими проблемами, как инфляция, безработица, замедление экономического роста, рост социальных расходов, нехватка квалифицированной рабочей силы и нерегулярная миграция. Германия также должна адаптироваться к глобальным политическим и экономическим изменениям, таким как Brexit, санкции США и ЕС против России [6], китайско-американская торговая война и изменение климата. Рост цен на энергоносители, сокращение поставок сырья и сбои в глобальных цепочках поставок являются одними из наиболее серьезных проблем, которые Германии придется решать.

Обращает на себя внимание проблема снижения темпов роста населения страны, несмотря на те меры, которые принимает правительство для его стимулирования [4], что и обеспечивает увеличение подушевого дохода (табл. 1). В то же время трудовые ресурсы остаются одним из важнейших факторов производства, т. е. роста национальной экономики, интеллектуального и инновационного потенциала и в целом конкурентоспособности страны в мире.

Немецкий рынок труда сохраняет низкий уровень безработицы и высокий спрос на специалистов. Немецкая экономика по-прежнему предлагает множество возможностей для тех, кто хочет инвестировать, работать, учиться или жить в Германии. Следует отметить, что в Германии современная система образования. В Германии много престижных университетов и институтов мирового класса с высоким уровнем образования. Все это привлекает иностранных мигрантов, а также то обстоятельство, что, получив немецкий паспорт, они получают возможность путешествовать по странам шенгенского соглашения и жить в разных культурах. Правительство Германии упростило процесс признания иностранных дипломов, чтобы квалифицированным специалистам было проще найти работу. Кроме того, значительно сократились сроки оформления виз для квалифицированных работников, что обеспечивает

более быструю интеграцию в рынок труда и помогает решить проблему нехватки кадров в ключевых отраслях [8].

Обзор данных о миграции в Германии представлен в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Данные о миграции в Германии в 2025 г.

Категория	Показатели
Иностранное население	14,3 млн (17% от общей численности населения)
Коэффициент чистой миграции	1,753 на 1 000
Увеличение уровня миграции	7,5%
Сокращение количества ходатайств о предоставлении убежища	34%
Преимущественные страны-доноры	Сирия, Афганистан, Турция, Индия, Китай
Количество иностранных студентов	450 000
Выдача виз квалифицированным работникам	200 000
Основные направления для экспатов	Берлин, Мюнхен, Гамбург, Штуттгарт, Кельн
Рост арендной платы	8,5%
Уровень безработицы	3,8%
Рост уровня заработной платы	5,2%

* Источник: [15].

Статистические данные комплексно характеризуют сложившуюся ситуацию как достаточно острую и сложную, особенно в сфере притока иностранных граждан в поисках работы, а также желающих получить немецкий паспорт. В частности, по имеющимся данным, в 2025 г. чистый коэффициент миграции в Германии составит 1,753 на 1 000 человек, а уровень иммиграции – 7,5%. Наиболее привлекательными для иммигрантов из Сирии, Афганистана и других стран, сталкивающихся с экономическими и социальными проблемами, становятся крупнейшие города Германии.

Особенно резко выросла миграция иностранных граждан в Германию в 2022 г. с последующим сокращением ее объемов (табл. 3). Федеральное статистическое управление (Destatis) ¹ фиксирует в Германии неуклонный рост (начиная с 2010 г.) количества мигрантов, прежде всего трудовых, из тех стран, которые не являются членами ЕС². Имеет место и обратная ситуация – растет количество выезжающих из Германии граждан этой страны.

¹ URL: https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html

² URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/_node.html

Т а б л и ц а 3
Миграция населения между Германией и другими странами в 2010-2024 гг.* (в чел.)

Год	Человек, всего			Граждане Германии			Иностранцы граждане		
	Прибытие	Отъезд	Чистая миграция	Прибытие	Отъезд	Чистая миграция	Прибытие	Отъезд	Чистая миграция
2010	7 982 82	670 605	127 677	114 752	141 000	-26 248	683 530	529 605	153 925
2020	118 6702	966 451	220 251	191 883	220 239	-28 356	994 819	746 212	248 607
2021	1 323 466	994 303	329 163	183 650	247 829	-64 179	1 139 816	746 474	393 342
2022	2 665 772	1 203 683	1 462 089	184 753	268 167	-83 414	2 481 019	935 516	1 545 503
2023	1 932 509	1 269 545	662 964	191 356	265 035	-73 679	1 741 153	1 004 510	736 643
2024	1 694 192	1 264 009	430 183	189 107	269 986	-80 879	1 505 085	994 023	511 062
Всего	9 600 923	6 368 596	3 232 327	1 055 501	1 412 256	-356 755	8 545 422	4 956 340	3 589 082

* Составлено по данным: Migration flows Migration between Germany and foreign countries, 1950 to 2024. - URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration/Tables/migration-year-01.html>

В результате растущей цифровизации экономики страны [1] 70% новых рабочих мест в Германии заняты иммигрантами, а в сфере инженерии, информационных технологий, производства и здравоохранения все еще ощущается нехватка рабочей силы. С 2024 г. Германия ввела новую иммиграционную систему, получившую название Opportunity card. Этот метод можно сравнить с канадской системой начисления баллов или экспресс-въезда, в соответствии с которой правительство Канады выдает визы специалистам по профессиям, для которых существуют квоты. По данным иммиграционной службы Германии, ежегодно в страну будет привлекаться около 400 тыс. квалифицированных работников. Правительство Германии ежегодно объявляет о вакансиях, для которых не хватает квалифицированной рабочей силы. По этой причине, основываясь на списке объявленных профессий, возможности получения Opportunity card также будут отличаться.

Условия получения немецкой карты Opportunity card включают в себя:

- наличие высшего образования, связанного с востребованной профессией;
- минимум 3 года опыта работы по профессии;
- уровень владения немецким языком должен быть не ниже B1;
- возраст до 35 лет.

При этом таможенные проверки прибывающих стали более строгими.

Заключение

Германия остается одной из ведущих экономик Европы, хотя проблемы – внутренние, региональные и глобальные – в стране в последние годы нарастают. Одна из таких проблем – демографическая – вынуждает государство создавать привлекательные условия для иностранной миграции трудовых ресурсов и населения в целом. Благодаря развитому рынку труда, низкому уровню безработицы и благоприятной государственной политике Германия является одним из привлекательных мест для иностранных соискателей работы и предлагает хорошие условия иммигрантам. Крупные промышленные города, такие как Берлин, Мюнхен, Штутгарт и Кельн, выступают основными центрами привлечения рабочей силы и предоставляют больше возможностей для трудоустройства, чем сельские или восточные районы.

Цифровая трансформация в различных отраслях экономики Германии приведет к повышению производительности труда, конкурентоспособности и созданию новых рабочих мест. Германия инвестирует в искусственный интеллект, Интернет вещей и другие новые технологии. Тем не менее такие проблемы, как нехватка квалифицированной рабочей

силы в области технологий и кибербезопасности, также должны быть решены.

Современные меры регулирования демографических и иммиграционных проблем, в том числе социальное обеспечение, не в полной мере отвечают интересам страны, сохраняя ряд проблем. Поэтому, на наш взгляд, Германии важно разработать новые более адекватные меры, в большей степени соответствующие национальным интересам на перспективу.

Список литературы

1. Ачалова Л. В. Цифровая трансформация: опыт Германии // Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития : сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции : в 2 т. – М., 2020. – С. 57–60.
2. Белов В. Б. Экономика Германии на фоне актуальных хозяйственно-политических вызовов // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 5 (29). – С. 87–101. – DOI: 10.15211/vestnikieran5202287101
3. Бирюков И. А., Игнатов Р. Е. Экономика Германии в 2024 году: вызовы и возможности // Проблемы развития современного общества : сборник научных статей 9-й Всероссийской национальной научно-практической конференции : в 3-х т. – Курск, 2024. – С. 483–485.
4. Богомолова Ю. И. Некоторые направления политики стимулирования рождаемости в Германии // Богомоловские чтения – 2022 : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – М., 2022. – С. 6–10.
5. Бяшарова А. Р., Ачалова Л. В. Анализ двусторонней торговли России и Германии в условиях санкций // Международная торговля и торговая политика. – 2022. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 148–161. – DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-148-161
6. Крамаренко Н. С. Оценка влияния санкций в отношении России на экономику Германии // Экономические исследования и разработки. – 2024. – № 5. – С. 80–92.
7. Марьин Е. В. Немецкий план по декарбонизации Германии // Инновационная экономика и современный менеджмент. – 2022. – № 3 (39). – С. 14–15.
8. Надеждин А. Е. Миграционные процессы в ФРГ: особенности и перспективы // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2024. – Т. 4. – № 4. – С. 242–259. – DOI:10.19181/demis.2024.4.4.15
9. Новые тренды цифровизации. Россия и мир. – М. : Инфра-М, 2023.

10. Хасбулатов Р. И., Ачалова Л. В. Санкции Запада против России как фактор, препятствующий установлению нового международного гуманистического порядка // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. – № 3. – С. 45–51.
11. Чувычкина И. А. Экономика Германии в период коронавируса: последствия и новые вызовы // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 3 (47). – С. 88–103. –DOI: 10.31249/espr/2021.03.05
12. Чухарев А. В. Динамика и особенности внутренних миграционных процессов в объединенной Германии // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1 (14). – С. 115–126. – DOI: 10.31249/snsn/2024.01.07
13. Шкваря Л. В., Охотский А. И. Экономические трансформации в XXI веке и направления адаптации к новым условиям деглобализации: финансовый аспект // Научное обозрение. – Серия 1: Экономика и право. – 2025. – № 1. – С. 105–111.
14. Шкваря Л. В., Сергеева Д. Р. Декарбонизация экономики: теоретические аспекты // Россия и Азия. – 2025. – № 1 (31). – С. 48–59.
15. Khan I. Migration Trends in Germany: Latest Data and Analysis for 2025. – UTL: <https://germanyexpats.com/migration-trends-in-germany-2025-data/>

References

1. Achalova L. V. Tsifrovaya transformatsiya: opyt Germanii [Digital Transformation: the German Experience]. *Tsifrovaya ekonomika: tendentsii i perspektivy razvitiya: sbornik tezisev dokladov natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Digital Economy: Trends and development prospects: Collection of Abstracts of the *national scientific and practical conference*], in 2 vol. Moscow, 2020, pp. 57–60. (In Russ).
2. Belov V. B. Ekonomika Germanii na fone aktualnykh khozyaystvenno-politicheskikh vyzovov [The German Economy Against the Background of Current Economic and Political Challenges]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences], 2022, No. 5 (29), pp. 87–101. (In Russ). DOI: 10.15211/ vestnikieran5202287101
3. Biryukov I. A., Ignatov R. E. Ekonomika Germanii v 2024 godu: vyzovy i vozmozhnosti [The German Economy in 2024: Challenges and Opportunities]. *Problemy razvitiya sovremennogo obshchestva: sbornik nauchnykh statey 9-y Vserossiyskoy natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of Development of *modern society*: Collection of Scientific Articles of the 9th All-Russian National Scientific and Practical Conference], in 3 vol. Kursk, 2024, pp. 483–485. (In Russ).

4. Bogomolova Yu. I. Nekotorye napravleniya politiki stimulirovaniya rozhdaiemosti v Germanii [Some Directions of Fertility Promotion Policy in Germany]. *Bogomolovskie chteniya – 2022: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Bogomolov Readings – 2022: Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2022, pp. 6–10. (In Russ).

5. Byasharova A. R., Achalova L. V. Analiz dvustoronney torgovli Rossii i Germanii v usloviyakh sanktsiy [Analysis of Bilateral Trade between Russia and Germany in the Context of Sanctions]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2022, Vol. 8, No. 2 (30), pp. 148–161. (In Russ). DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-148-161

6. Kramarenko N. S. Otsenka vliyaniya sanktsiy v otnoshenii Rossii na ekonomiku Germanii [Assessment of the Impact of Sanctions Against Russia on the German Economy]. *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki* [Economic Research and Development], 2024, No. 5, pp. 80–92. (In Russ).

7. Marin E. V. Nemetskiy plan po dekarbonizatsii Germanii [The German plan for the Decarbonization of Germany]. *Innovatsionnaya ekonomika i sovremenniy menedzhment* [Innovative Economics and Modern Management], 2022, No. 3 (39), pp. 14–15. (In Russ).

8. Nadezhdin A. E. Migratsionnye protsessy v FRG: osobennosti i perspektivy [Migration Processes in Germany: Features and Prospects]. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya* [DEMIS. Demographic research], 2024, Vol. 4, No. 4, pp. 242–259. (In Russ). DOI:10.19181/demis.2024.4.4.15

9. Novye trendy tsifrovizatsii. Rossiya i mir [New Trends in Digitalization: Russia and the World]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ).

10. Khasbulatov R. I., Achalova L. V. Sanktsii Zapada protiv Rossii kak faktor, prepyatstvuyushchiy ustnovleniyu novogo mezhdunarodnogo gumanisticheskogo poryadka [Western Sanctions Against Russia as a Factor Preventing the Establishment of a New International Humanistic Order]. *Menedzhment i biznesadministrirovanie* [Management and Business Administration], 2015, No. 3, pp. 45–51. (In Russ).

11. Chuvychkina I. A. Ekonomika Germanii v period koronavirusa: posledstviya i novye vyzovy [The German Economy During the Coronavirus Period: Consequences and New Challenges]. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii* [Economic and social problems of Russia], 2021, No. 3 (47), pp. 88–103. (In Russ). DOI: 10.31249/espr/2021.03.05

12. Chukharev A. V. Dinamika i osobennosti vnutrennikh migratsionnykh protsessov v obedinennoy Germanii [Dynamics and Features of Internal Migration Processes in United Germany]. *Sotsialnye novatsii i sotsialnye nauki* [Social Innovations and Social Sciences], 2024, No. 1 (14), pp. 115–126. (In Russ). DOI: 10.31249/snsn/2024.01.07

13. Shkvarya L. V., Okhotskiy A. I. Ekonomicheskie transformatsii v XXI veke i napravleniya adaptatsii k novym usloviyam deglobalizatsii: finansoviy aspekt [Economic Transformations in the XXI Century and the Directions of Adaptation to New Conditions of Deglobalization: a Financial Aspect]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1: Economics and Law], 2025, No. 1, pp. 105–111. (In Russ).

14. Shkvarya L. V., Sergeeva D. R. Dekarbonizatsiya ekonomiki: teoreticheskie aspekty [Decarbonization of Economics: Theoretical Aspects]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2025, No. 1 (31), pp. 48–59. (In Russ).

15. Khan I. Migration Trends in Germany: Latest Data and Analysis for 2025. Available at: <https://germanyexpats.com/migration-trends-in-germany-2025-data/>

Поступила: 01.09.2025

Принята к печати: 13.10.2025

Сведения об авторах

Наталья Михайловна Забазнова
старший преподаватель кафедры
иностраных языков
№ 3 РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: nmzabaznova@gmail.com

Ирина Юрьевна Мурадова
старший преподаватель кафедры
иностраных языков
№ 3 РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: gryad@mail.ru

Екатерина Иосифовна Соколова
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Yoltash82@mail.ru

Information about the authors

Natalya M. Zabaznova
Senior Lecturer of the Department
of Foreign Languages
N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: nmzabaznova@gmail.com

Irina Y. Muradova
Senior Lecturer of the Department
of Foreign Languages
N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: gryad@mail.ru

Ekaterina I. Sokolova
PhD, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages
N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: Yoltash82@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-86-100>

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ ЛОГИСТИКИ

М. К. Речкин

Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск, Россия

Актуальность статьи заключается в отображении текущего положения взаимоотношений двух стран в области транспортного взаимодействия и потенциала их дальнейшего развития. Цель исследования – выявить основные перспективы транспортно-логистического взаимодействия между Россией и Китаем. Автором выделяются отдельные проекты в сфере транспорта, в частности, инициатива «Один пояс – один путь», отражаются ключевые эффекты от реализации таких проектов. В качестве методологии применялся анализ открытых новостных и статистических источников, размещенных в Интернете. Приведены позиции экспертов на основе анализа литературы по теме. Отмечены предпосылки укрепления и углубления взаимоотношений двух стран, сделан вывод о перспективности дальнейшей транспортно-логистической интеграции, в том числе за счет потенциала сибирских регионов. Совершенствование логистических процессов в сфере транспорта способно существенно укрепить торговые связи между Россией и Китаем как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Это создаст новые возможности для увеличения товарооборота, который в 2024 г. уже достиг рекордных значений. Оптимизация существующих логистических маршрутов и строительство новых в будущем позволят наращивать показатели взаимной торговли двух стран-партнеров.

Ключевые слова: логистика, транспортные коридоры, транспортная инфраструктура, Россия и Китай, «Один пояс – один путь».

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE FIELD OF TRANSPORT LOGISTICS

Mark K. Rechkin

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

The purpose of the study is to identify the main prospects for transport and logistics cooperation between Russia and China. The relevance of the article is to reflect the current state of relations between the two countries in the field of transport cooperation and the potential for their further development. Individual projects in the field of transport are highlighted, in particular, the One Belt – One Road initiative is noted, and the key effects of the implementation of such projects are reflected. The methodology used was the analysis of open news and statistical sources posted on

the Internet. The positions of experts based on the analysis of literature on the topic are presented. As a result of the study, the prerequisites for strengthening and deepening relations between the two countries were noted, and a conclusion was made about the prospects for further transport and logistics integration, including through the potential of the Siberian regions. Improving logistics processes in the field of transport can significantly strengthen trade relations between Russia and China in both the short and long term. This will create new prospects for increasing trade turnover, which has already reached record levels in 2024. Optimization of existing logistics routes and the construction of new ones in the future will allow increasing the indicators of mutual trade between the two partner countries.

Keywords: logistics, transport corridors, transport infrastructure, Russia and China, One Belt – One Road.

Введение

Сложно отрицать, что в последние годы партнерские взаимоотношения России и Китая значительно укрепились и продолжают расширяться. Это вносит крупный вклад в дружественные обмены между двумя странами. В связи с тем, что экономические и политические центры стран значительно удалены друг от друга, транспортный аспект приобретает ключевое значение в их взаимодействии [9].

Важно отметить, что в марте 2023 г. в ходе государственного визита в Россию Председателя КНР Си Цзиньпина стороны приняли Совместное заявление о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 г. В документе зафиксирован ряд основных направлений, одним из которых является развитие взаимосвязанной логистической системы.

В этом контексте стоит также обратить внимание на Сибирь как на важнейший регион, являющийся связующим звеном в транспортном сообщении России и Китая. Так, в ближайшие десятилетия Сибирь должна стать одним из ключевых макрорегионов, который призван играть важную роль в достижении национальных целей Российской Федерации¹. В то же время необходимо понимать, что экономика Сибири основывается преимущественно на тяжелых грузах, в связи с чем снятие логистических ограничений – важнейший шаг на пути к реализации ее потенциала.

Вместе с тем Российской Федерации стоит учитывать имеющиеся риски в сфере трансконтинентальных транспортных коридоров с участием Китая [6].

Цель исследования: выявить основные перспективы развития логистики между Россией и Китаем.

¹ См.: Об основных трендах развития торговли России и Китая. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/>

Задачи исследования: определить актуальный статус взаимоотношений России и Китая; выявить основные проекты в рамках логистического взаимодействия России и Китая; определить эффекты от развития торгово-экономического потенциала России и Китая.

Статус взаимоотношений России и Китая

На политическом уровне Китай и Россия уже долгое время являются близкими партнерами, основываясь на взаимных доверительных отношениях. В 2019 г. отношения между странами были выведены на принципиально новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства России и Китая, что ознаменовало начало одного из наиболее благоприятных периодов российско-китайских отношений [5].

Общий переход на качественно новый этап развития двустороннего сотрудничества во многом обусловлен ростом глобальной нестабильности, что оказывает давление как на Россию, так и на Китай, которые вынуждены отстаивать собственные стратегические интересы, в том числе и совместными усилиями [7]. Помимо прочего, в противостояние постепенно вовлекаются и другие страны. Конфликт, разрастаясь, начинает приобретать масштаб региональной проблемы, которая в конечном счете может затронуть стратегические интересы всех крупных держав Евразийского континента, в числе них и Китай.

Укрепление контактов России и Китая в условиях растущей напряженности взаимоотношений с Западом, по мнению экспертов, – вполне логичное, закономерное течение событий. На сегодняшний день состояние российско-китайских двусторонних отношений характеризуется как стабильное и обладающее существенным потенциалом для дальнейшего укрепления и развития. На это указывает в том числе факт регулярных официальных встреч Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Российской Федерации Владимира Путина в мае 2023 г., в мае 2024 г., в мае 2025 г. В рамках официальных визитов стороны обсуждали актуальные направления развития политического, торгового, экономического взаимодействия.

Встреча лидеров двух стран следует установкам принятой в конце марта 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой отмечено, что необходимо уделять «приоритетное внимание развитию обоюдовыгодного сотрудничества во всех сферах, оказанию взаимопомощи и укреплению координации на международной арене в интересах обеспечения безопасности, стабильности, устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях как в Евразии, так и в других частях мира» [1. – С. 101].

В контексте рассматриваемого нами вопроса важно отметить, что в указанной Концепции зафиксирован ряд основных направлений, одним

из которых является развитие взаимосвязанной логистической системы [10]. Совместное заявление о подготовке программы развития ключевых направлений экономического сотрудничества до 2030 г. открывает пути для формирования новых механизмов международного уровня.

Ожидается, что основной ориентир будет взят на расширение торговли энергоресурсами и продукцией электротехнической промышленности.

Обратимся к статистическим данным. Показатели динамики торговли между двумя странами продолжают расти. Так, за период 2014–2024 гг. в целом наблюдался положительный вектор развития, даже с учетом перепадов в показателе прироста (рис. 1).

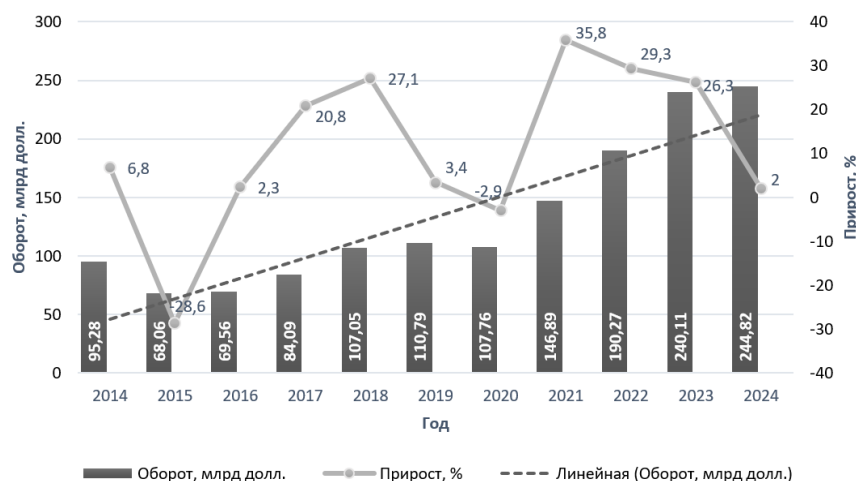

Рис. 1. Динамика торговли России и Китая, 2014–2024 гг.¹

В 2024 г. торговые отношения между Россией и Китаем придерживались устойчивой динамики. По данным Центрального банка Российской Федерации, доля Китая в российском экспорте выросла на 1% по сравнению с предыдущим годом и составила 31%, а в импорте – на 2% и составила 39%. Торговый оборот между странами достиг рекордного показателя в 244,8 млрд долларов, увеличившись на 1,9%. При этом рост экспорта из КНР в Российскую Федерацию замедлился до 4,1%, а импорт из России в Китай вырос только на 1% [10].

Аналитики отмечают влияние вторичных санкций на экономические взаимоотношения между странами, которые наиболее заметно стали

¹ См.: Об основных трендах развития торговли России и Китая. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/>

проявляться с марта 2024 г. Тем не менее к июлю показатели экспорта из Китая восстановились, доля российского рынка в китайской торговле вернулась к отметке 3,3%. Также Россия проработала вопрос переориентации импортных потоков. При этом доля недружественных стран в данном контексте сократилась до 18%, ранее она составляла более 50%.

Приведенные показатели указывают на очевидное укрепление взаимоотношений двух государств. Китай стал основным поставщиком товаров, замещая европейскую продукцию. Например, импорт транспортных средств из КНР увеличился до 25,5 млрд долларов, превысив объемы поставок из стран Европы до введения санкций. Однако в таких категориях, как фармацевтика и медоборудование, зависимость от европейских поставок все еще сохраняется, что, по оценкам экспертов, является одной из уязвимых сторон российского рынка. Выделяется также группа авиационной техники, где Китай, ввиду ограниченных производственных возможностей, не смог нарастить поставки, тогда как импорт из ЕС упал до нулевого значения [2].

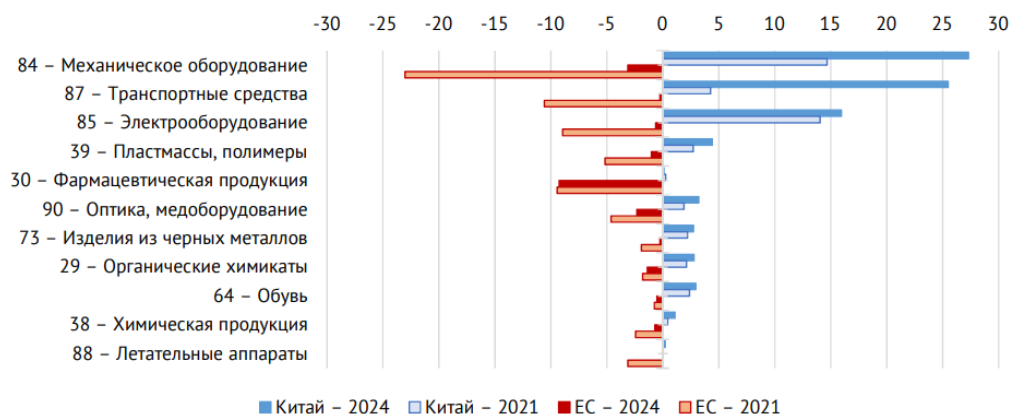

Рис. 2. Сравнительная динамика поставок крупнейших товарных групп из ЕС и Китая в Россию в 2024 г. относительно 2021 г. [4]

Более того, в 2024 г. выросла значимость железнодорожных перевозок, а также увеличились объемы автомобильного транзита между Россией и Китаем. Так, в 2024 г. между Россией и Китаем по железной дороге перевезли 175 млн т грузов. По итогам 2024 г. АО «Российские железные дороги» увеличили перевозки грузов в сообщении с Китаем на 9% по сравнению с 2023 г.¹

¹ РЖД увеличили грузоперевозки с Китаем на 9% в 2024 году. – URL: <https://clck.ru/3MeBCJ>

Проекты по развитию транспортной связанности России и Китая

Рассмотрим некоторые формы развития транспортной инфраструктуры и взаимодействия России и Китая в этой сфере, опирающейся на страновые, глобальные и международные процессы развития транспортной дипломатии¹.

Наиболее известной является инициатива «Один пояс – один путь».

За последние годы в Китае наметилась тенденция к переосмыслению стратегии развития внутренней и внешней политики государства. Причем Китай все более укрепляется в осмыслении своей позиции как одной из крупнейших экономик мира и тяготеет к самостоятельному инновационному развитию.

В то же время внутриполитически страна все еще сталкивается с рядом проблем, вызванных неравномерным развитием отдельных регионов и относительно молодых отраслей, возникших в последние десятилетия китайского экономического бума. Так, например, отдаленные от морских путей районы, такие как Синьцзян-Уйгурский, Нинся-Хуэйский, значительно отстают от темпов развития более преуспевающих. Также имеет место кризис перепроизводства в ряде промышленных отраслей, что подразумевает необходимость выхода на зарубежные рынки.

Стремление Китая к интеграционному взаимодействию закономерно, однако на уровне сразу нескольких подобных проектов на евразийском пространстве существует конкуренция. Ввиду сложившегося положения в 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином была озвучена идея возвращения проекта Шелкового пути, а в 2015 г. был представлен проект «Один пояс – один путь».

Реализация подобного стратегического проекта может в перспективе приобрести глобальный масштаб наравне с другими МТК в Евразии [11]. Однако он так и не приобрел окончательной формы, не оформлены географические рамки проекта, не сформулирован перечень потенциальных партнеров Китая. Тем не менее проект претендует на трансконтинентальный характер: в перспективе, он позволит связать Азию, Европу и Африку.

Проект «Один пояс – один путь» состоит из двух основных элементов: сухопутный экономический пояс, объединяющий страны на Евразийском континенте, – ЭПШП и морской шелковый путь XXI в. из Китая в Индийский океан, Персидский залив и Средиземное море, а также в направлении южной части Тихого океана.

¹ См.: Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия : учебник для магистратуры. – Москва : Экон-Информ, 2022.

ЭПШП предполагает создание трех основных экономических коридоров: северного (Китай – Центральная Азия – Россия), центрального (Китай – Центральная и Западная Азия) – Персидский залив/Средиземное море, южного (Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия). Катализаторами развития коридоров должны стать строительство транспортной и логистической инфраструктуры по всем направлениям¹. К этим ключевым катализаторам можно отнести ряд инфраструктурных проектов, которые имеют весомое значение для территорий Сибири: модернизация Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, развитие коридора «Китай – Монголия – Россия», а также развитие северных морских портов России.

Транссибирская магистраль – ключевой маршрут для грузоперевозок из Китая в Европу (рис. 3). Утвержден третий этап работ по ее модернизации до 2035 г. Он включает возведение тоннелей, мостов и других объектов инфраструктуры.

Рис. 3. Транссиб и БАМ²

Строительство коридора «Китай – Монголия – Россия» по объемам может быть сопоставимо с БАМом. Проект подразумевает создание двух железнодорожных коридоров: Северо-Сибирской магистрали с ответвлениями от Нижневартовска до Белого Яра в Томской области и от Таштагола в Кемеровской области до Урумчи в Китае, а также Центрально-

¹ См.: Стратегическая дорога. – URL: <https://edupressa.vm.ru/gazeta/otkrytyj-urok/strategicheskaya-doroga/>

² Там же.

Евразийского транспортного коридора, который пройдет через Республику Тыва на юг через границу России в Монголию (рис. 4). Здесь также предполагаются два ответвления: одна ветка пойдет в китайский Эрлянй, другая – до Урумчи.

Рис. 4. Севсиб и ЦЕТК

В настоящее время осуществляются транзитные перевозки через Монголию. Маршрут уменьшает время доставки грузов между регионом Сибирского федерального округа и Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, пока еще отстающим по уровню социально-экономического развития от других регионов КНР [8]. Он является хорошей альтернативой при проблемах в Забайкалье для грузов, находящихся на севере Китая или на границе с Казахстаном. В частности, данный маршрут в перспективе должен соединить юг страны с Северным морским путем. Расширение логистики позволит разгрузить Транссиб и увеличить товарооборот Сибири с азиатскими партнерами. Новые возможности получит экономика Красноярского края, Хакасии, Алтайского края, Кемеровской, Иркутской областей, Республики Тыва. Также это

позволит сделать республику транзитной площадкой для экспортно-импортных операций Китая и Монголии. Представители КНР это направление также считают перспективным. Связанность с Северным морским путем через речное судоходство по Енисею логична, так как портовая инфраструктура в городе Лесосибирске уже имеется на достаточном уровне. Оттуда грузы можно перегружать на баржи и идти вниз по Енисею¹.

Китай и Россия активно прорабатывают вопрос развития и расширения портов во Владивостоке и Находке.

В условиях растущего грузопотока и изменения глобальных торговых маршрутов Северный морской путь становится все более важным. Он проходит вдоль северного побережья России и соединяет европейские и дальневосточные порты страны.

Китайские компании планируют организовать регулярные рейсы по Северному морскому пути (СМП) (рис. 5). Это позволит доставлять грузы из Китая в Россию и далее в Европу за 25–27 дней – в два раза быстрее, чем через альтернативные маршруты. Запуск круглогодичной навигации по СМП зависит от того, когда будет создан необходимый ледокольный флот [4].

Рис. 5. Северный морской путь²

Развитие транспортной логистики способно в кратко- и долгосрочной перспективе положительно сказаться на двусторонних торговых отношениях между Российской Федерацией и КНР. В первую очередь следует отметить перспективы дальнейшего роста товарооборота между

¹ См.: Маршрут новой ж/д в Китай через Туву оптимален с точки зрения логистики. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/exclusives/glava-tuvy-vladislav-hovalygmarsrut-novoy-zh-d-v-kitay-cherez-tuvu-optimalen-s-tochki-zreniya-logistiki>

² См.: В мире растет число стран, желающих использовать и осваивать Северный морской путь. – URL: <https://www.ural56.ru/news/657188/>

двумя странами. Достигший в 2024 г. рекордных показателей совокупный объем взаимной торговли может возрасти с учетом модернизации существующих и строительства новых логистических маршрутов.

Эффекты развития логистического взаимодействия России и Китая

Россия рассматривает партнерство с Китаем как средство развития Дальнего Востока страны. Минвостокразвития России и Министерство коммерции КНР предполагают путем совместных усилий расширить взаимодействие в рамках проектов промышленной и инфраструктурной направленности на Дальнем Востоке.

Соответствующий меморандум подписан в ходе официального визита в Россию Председателя КНР Си Цзиньпина. Стороны договорились поднять на новый уровень российско-китайское производственное сотрудничество, стимулировать проекты, ориентированные на международную промышленную кооперацию, применять механизмы проектного финансирования, совместно строить и эксплуатировать инфраструктуру, а также наращивать трансграничное взаимодействие, в том числе задействуя введенные в строй новые мостовые переходы, – «Нижнеленинское – Тунцзян» и «Благовещенск – Хэйхэ».

Формирование потенциала для укрепления экономик двух государств может защитить их от последствий усиления санкционного давления на Российскую Федерацию и риска наложения санкций на отрасли китайской экономики со стороны США и их союзников. Оптимизированная система международных торговых связей предоставит Москве и Пекину возможность быстро переориентироваться на расширение торгового взаимодействия с такими странами, как Иран, Пакистан, Индия, государствами Персидского залива и Средней Азии в том случае, если процесс расшатывания экономических отношений с Европейским союзом и США продолжится. Такое развитие событий будет минимизировать отрицательные последствия потенциального обострения разногласий с западными странами.

Достигнутые еще в 2015 г. договоренности по сопряжению китайской инициативы «Пояс и путь» с Евразийским экономическим союзом должны воплотиться в жизнь. В совместном заявлении стороны определили приоритетные направления для развития взаимодействия, включая укрепление взаимосвязанности в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок, а также разработали проекты инфраструктурного соразвития в целях расширения и оптимизации региональных производственных сетей.

Сопряжение двух интеграционных проектов стало фундаментом инициативы Президента России В. В. Путина – Концепции так называемой

мого Большого евразийского партнерства (БЕП). Данный проект предусматривает создание широкого общекионтинентального интеграционного контура, равноправного и взаимовыгодного партнерства, в котором будут принимать участие все государства Евразии. Причем проект, приостановленный в 2022 г., вновь приобретает актуальность. Новая Концепция внешней политики России ставит целью преобразование Евразии в единое общекионтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания; главный инструмент достижения этого – БЕП [1].

Проекты транспортной связанности России и Китая носят комплексный характер. На это обращает внимание А. Тажибаев в аналитическом докладе Центра аналитических исследований Евразийского экономического союза «Евразийский мониторинг» на тему «Роль России и Китая в развитии транспортно-логистического потенциала Евразии». В докладе предлагается обратить внимание на PEST-анализ влияния транспортных артерий России и Китая на ситуацию в Евразии (таблица).

**PEST-анализ влияния транспортных артерий
России и Китая на ситуацию в Евразии***

Политические факторы	Экономические факторы
Россия и Китай придерживаются активного политического взаимодействия в рамках Евразийского союза, инициативы «Один пояс – один путь». Стабильность политики России и Китая положительно сказывается на реализации крупных проектов развития инфраструктуры. Геополитическая нестабильность является источником рисков: санкции, торговые войны	Транспортные маршруты, соединяющие Россию и Китай, имеют ключевое значение в экономическом развитии Евразии. Рост торговли и экономической активности требует развития эффективной транспортной инфраструктуры для перевозки товаров. Разнятся цели сотрудничества России и Китая: Китай заинтересован в поиске новых рынков сбыта, в то время как Россия хочет перестроить свои транспортные потоки. Страны Центральной Азии усиливают свой транспортный и логистический потенциал в связи с увеличивающимся спросом
Социокультурные факторы	Технологические факторы
Развитие транспортного сообщения между Россией и Китаем будет способствовать культурному, идейному обмену, а также обмену людьми между двумя государствами. Рост мобильности населения будет способствовать развитию туристической сферы, культурному и образовательному обмену	Внедрение и развитие новых технологических транспортных решений (электрификация и автоматизация) будут сопутствовать разностороннему развитию транспортной инфраструктуры в соответствии с актуальными мировыми тенденциями. Использование систем мониторинга и управления, развитие интеллектуальной транспортной системы будут способствовать повышению эффективности и безопасности транспортного сообщения

* Источник: Аналитический доклад: Роль России и Китая в развитии транспортно-логистического потенциала Евразии. – URL: <https://ea-monitor.kz/nashi-proekty/analiticheskij-doklad-rol-rossii-i-kitaya-v-razvitii-transportno-logisticheskogo-potencziala-evrazii/>

Вместе с тем улучшение ситуации с пропускной способностью пограничных пунктов является необходимым фактором устойчивого развития транспортных связей двух государств, причем это сказывается как на автомобильных, так и на железнодорожных перевозчиках. Проблемы есть и у российской, и у китайской стороны¹.

Заключение

Даже с учетом ряда проблем, наличие которых вполне ожидаемо, активное развитие российско-китайской логистики очевидно. Существующие проблемы говорят о необходимости комплексных мер, к ним можно отнести стимулирование производства контейнеров в России для снижения зависимости от китайских аналогов; развитие альтернативных платежных систем; цифровое обеспечение логистических операций; общую модернизацию транспортной инфраструктуры [3].

Что касается Сибири, снятие инфраструктурных ограничений за счет строительства, в том числе транспортной инфраструктуры по стандартам, обеспечивающим конкурентоспособность с ведущими мировыми городами, а также реализация проектов по созданию современной транспортной таможенно-логистической инфраструктуры – в числе основных положений утвержденной правительством Российской Федерации Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года.

Крайне важно обеспечение оптимальной транспортной доступности Сибирских регионов – улучшение связанности с западом и востоком страны, с сопредельными государствами Азии, а также внутри самого региона. В первую очередь, это возможно путем развития ключевых объектов транспортной инфраструктуры Сибири – расширение пропускной способности Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, создание новых железных дорог меридианной направленности, таких как дорога «Курагино – Кызыл – Элегест – Монголия», малых аэропортов, автодорог, развитие маршрутов речного транспорта.

Таким образом, основные перспективы укрепления транспортно-логистического взаимодействия между Россией и Китаем видятся в расширении реализации совместных транспортных проектов, а также в сопряжении отдельных интеграционных инициатив. В том числе важен территориальный фактор – высокий транзитный потенциал России, в особенности Сибири. Углубление транспортно-логистической интеграции позволит двум странам укрепить свои политические позиции, дать

¹ См.: Аналитический доклад: Роль России и Китая в развитии транспортно-логистического потенциала Евразии. – URL: <https://ea-monitor.kz/nashi-proekty/analiticheskij-doklad-rol-rossii-i-kitaya-v-razviii-transportno-logisticheskogo-potencziala-evrazii/>

дополнительный толчок экономическому и культурному развитию, а также внедрению технологических инноваций, в том числе выражающихся в унификации ключевых процессов.

Список литературы

1. Дмитриева М. О., Токолькошев Д. К., Шегирбаев О. А. Перспективы укрепления логистического взаимодействия России и Китая в контексте «Нового Шелкового пути» и фактор Республики Казахстан // *Общественные науки и современность*. – 2023. – № 5. – С. 98–109. – DOI: 10.31857/S0869049923050088
2. Кнобель А. Ю., Фиранчук А. С. Итоги внешней торговли в 2024 году // *Мониторинг экономической ситуации в России*. – 2025. – № 2 (284). – С. 1–4.
3. Коньшев В. Н., Лагутина М. Л. Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии? // *Управленческое консультирование*. – 2016. – № 11 (95). – С. 57–67.
4. Левченко С. Россия-Китай: возможности и ограничения логистики в 2024 году // *Business Quarterly*. – 2024. – № 3. – С. 44–47.
5. Лю Ч. Развитие логистических отношений России и Китая // *Журнал прикладных исследований*. – 2024. – № S1. – С. 147–154. – DOI: 10.47576/2949-1878.2024.48.10.022
6. Краснорова Б. А., Кротов А. В. Потенциальные риски реализации транснациональных проектов в Центральной Евразии // *Россия и Азия*. – 2020. – № 1 (10). – С. 8–15.
7. Фролова Е. Д., Кондратьева М. В. Факторы развития российско-китайских внешнеторговых отношений в высокотехнологичных отраслях // *Россия и Азия*. – 2024. – № 2 (28). – С. 19–35.
8. Хэ Минцзюнь. Синьцзян: экономическая история, современность и борьба с международным терроризмом // *Россия и Азия*. – 2018. – № 2 (3). – С. 37–44.
9. Чжан Т. Тенденции развития китайско-российских отношений в сфере железнодорожного транспорта // *Мир транспорта*. – 2023. – Т. 21. – № 1. – С. 40–48.
10. Чугунов А. Китайское замещение импорта РФ получилось частичным. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7460232>
11. Шкваря Л. В., Евстратенко А. В., Килочицкая М. А. Перспективы и особенности развития международных транспортных коридоров на Евразийском континенте // *Транспорт в интеграционных процессах мировой экономики : материалы IV Международной научно-практической онлайн-конференции / под ред. проф. В. Г. Гизатуллиной*. – Гомель, 2023. – С. 85–89.

References

1. Dmitrieva M. O., Tokoldoshev D. K., Shegirbaev O. A. Perspektivy ukrepleniya logisticheskogo vzaimodeystviya Rossii i Kitaya v kontekste «Novogo Shelkovogo puti» i faktor Respubliki Kazakhstan [Prospects for Strengthening Logistical Cooperation between Russia and China in the Context of the "New Silk Road" and the Factor of the Republic of Kazakhstan]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2023, No. 5, pp. 98–109. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869049923050088
2. Knobel A. Yu., Firanchuk A. S. Itogi vneshney torgovli v 2024 godu [Results of Foreign Trade in 2024]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii*. [Monitoring the Economic Situation in Russia], 2025, No. 2 (284), pp. 1–4. (In Russ.).
3. Konyshchev V. N., Lagutina M. L. Vozmozhno li sopryazhenie kitayskoy i rossiyskoy modeley integratsii v Evrazii? [Is it Possible to Combine Chinese and Russian Models of Integration in Eurasia?]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting], 2016, No. 11 (95), pp. 57–67. (In Russ.).
4. Levchenko S. Rossiya-Kitay: vozmozhnosti i ogranicheniya logistiki v 2024 godu [Russia-China: opportunities and limitations of logistics in 2024]. *Business Quarterly* [Business Quarterly], 2024, No. 3, pp. 44–47. (In Russ.).
5. Lyu Ch. Razvitie logisticheskikh otnosheniy Rossii i Kitaya [Development of Logistics Relations between Russia and China]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Journal of Applied Research], 2024, No. S1, pp. 147–154. (In Russ.). DOI: 10.47576/2949-1878.2024.48.10.022
6. Krasnoyarova B. A., Krotov A. V. Potentsialnye riski realizatsii transnatsionalnykh proektov v Tsentralnoy Evrazii [Potential Risks of Implementing Transnational Projects in Central Eurasia]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2020, No. 1 (10), pp. 8–15. (In Russ.).
7. Frolova E. D., Kondrateva M. V. Faktory razvitiya rossiysko-kitayskikh vneshnetorgovykh otnosheniy v vysokotekhnologichnykh otraslyakh [Factors of Development of Russian-Chinese Foreign Trade Relations in High-Tech Industries]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 2 (28), pp. 19–35. (In Russ.).
8. Khe Mintszyun. Sintszyan: ekonomicheskaya istoriya, sovremennost i borba s mezhdunarodnym terrorizmom [Economic History, Modernity and the Fight Against International Terrorism]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2018, No. 2 (3), pp. 37–44. (In Russ.).
9. Chzhan T. Tendentsii razvitiya kitaysko-rossiyskikh otnosheniy v sfere zhelezno-dorozhnogo transporta [Trends in the Development of Sino-Russian Relations in the Field of Railway Transport]. *Mir transporta* [The World of Transport], 2023, Vol. 21, No. 1, pp. 40–48. (In Russ.).

10. Chugunov A. Kitayskoe zameshchenie importa RF poluchilos cha-stichnym [The Chinese Substitution of Russian Imports Turned Out to be Partial]. (In Russ.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7460232>

11. Shkvarya L. V., Evstratenko A. V., Kilochitskaya M. A. Perspektivy i osobennosti razvitiya mezhdunarodnykh transportnykh koridorov na Evraziyskom kontinente [Prospects and Features of the Development of International Transport Corridors on the Eurasian Continent]. *Transport v integratsionnykh protsessakh mirovoy ekonomiki: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsi* [Transport in the Integration Processes of the World Economy: Materials of the IV International Scientific and Practical online Conference], edited by V. G. Gizatullinua. Gomel, 2023, pp. 85–89. (In Russ.).

Поступила: 27.07.2025

Принята к печати: 01.11.2025

Сведения об авторе

Марк Константинович Речкин
соискатель СГУПС.
Адрес: ФГБОУ ВО «Сибирский
государственный университет путей
сообщения (СГУПС)», 630049,
Новосибирская обл., Новосибирск,
ул. Дуси Ковальчук, д. 191.
E-mail: 777markvel777@gmail.com

Information about the author

Mark K. Rechkin
Applicant of STU.
Address: Siberian State University
of Railway Transport,
191 Dusi Kovalchuk Street, Novosibirsk
region, Novosibirsk, 630049,
Russian Federation.
E-mail: 777markvel777@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-101-116>

ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА АФРИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. Ю. Шарова

Институт Африки Российской академии наук,
Москва, Россия

Энергетический парадокс Африки заключается в том, что, обладая колоссальными энергетическими ресурсами, как традиционными, так и возобновляемыми, континент до сих пор остается наименее электрифицированным регионом мира. При существующих подходах масштабы энергетической бедности будут все нарастать, чему во многом способствует финансовая и технологическая зависимость африканских стран от основных партнеров. Они в свою очередь могут навязывать выбор той или иной технологической модели развития электроэнергетики, в том числе концепцию энергетического перехода. В статье определены технико-экономические особенности возобновляемой энергетики, которые при широком ее внедрении ограничивают возможности Африканского континента обеспечить всеобщий доступ к надежным и недорогим источникам энергии. Предложено разработать план развития современной энергетической системы Африки, главной целью которой стало бы ускоренное социально-экономическое развитие, индустриализация, улучшение качества жизни населения. Определены основные принципы построения указанной энергетической системы.

Ключевые слова: энергетическая бедность, Африка, возобновляемая энергетика, энергетический переход, единый рынок электроэнергии.

ELECTRICITY SECTOR IN AFRICA: CURRENT STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

Anna Yu. Sharova

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The African energy paradox lies in the fact that, despite huge energy resources, both traditional and renewable, the continent remains the least electrified region in the world. With existing approaches, the scale of energy poverty will continue to grow. This situation is largely caused by the financial and technological dependence of African countries on their main partners. These partners can impose the choice of a particular technological model for the development of the electricity sector, including the concept of the energy transition. The article identifies the technical and economic specifics of renewable energy that, if implemented widely, limit the African continent's ability to ensure universal access to reliable and affordable energy sources. It proposes the development of a plan for a modern African energy system, whose main goal

would be accelerated socio-economic development, industrialization, and improved quality of life for the population. The fundamental principles for building this energy system are defined.

Keywords: energy poverty, Africa, renewable energy, energy transition, single electricity market.

Введение

На фоне роста спроса и цен на электроэнергию в США [7] и в мире отставание Африканского континента в энергетической сфере становится все заметнее. В 2023 г. потребление электроэнергии в Африке достигло почти 782 ТВт·ч, или всего 2,8% мирового показателя¹. При этом в рассматриваемом году в Африке проживало 18% мирового населения. Потребление электроэнергии в Индии и Китае – государствах, сопоставимых с Африкой по количеству населения, – составляло 1 800 и 9 203 ТВт·ч соответственно, т. е. в 2,3 и 11,8 раз больше.

Африка по-прежнему остается наименее электрифицированным регионом мира. В 2023 г. в Африке южнее Сахары проживало более 585 млн человек, или 46,5% населения, без доступа к электроэнергии². Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, в 2030 г. в мире будет насчитываться около 660 млн человек без доступа к электроэнергии, из них 560 млн, или 85%, будут проживать в Африке южнее Сахары³.

Если ситуация в электроэнергетической сфере Африки не поменяется коренным образом в обозримом будущем, то континент рискует еще больше отстать от других регионов мира в социально-экономическом развитии, индустриализации, обеспечении качества жизни и здоровья населения, а также в продвижении и использовании новых и стремительно распространяющихся технологий, таких как искусственный интеллект, центры обработки данных, цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека. Эти технологии сегодня требуют большого количества дешевой и надежной электроэнергии. Население Африки является самым молодым в мире и, согласно прогнозам, к 2050 г. его доля в мировом населении составит 25,6%, а среди лиц моложе 24 лет – 36,9%⁴. Именно эти молодые люди станут потребителями этих технологий.

Цель исследования – выявить особенности современного состояния электроэнергетических систем стран Африки, определить проблемы и обосновать возможные пути их развития в условиях ограниченных ресурсов.

¹ Energy Statistics Data Browser. – URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics>

² World Bank Open Data. – URL: <https://data.worldbank.org/>

³ World Energy Outlook 2023. – URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2023>

⁴ World Population Prospects 2024. – URL: <https://population.un.org/wpp/>

В статье использовался системный подход к изучению объекта исследования, были применены методы экономического, экономико-статистического, социально-экономического анализа.

Современное состояние

В 2023 г. суммарные установленные электрические мощности достигли в Африке чуть более 250 ГВт (253130 МВт). Лидерами по данному показателю традиционно являются ЮАР (62 333 МВт, или 25% континентального показателя) и Египет (60 069 МВт, 24%). Таким образом, на две страны приходится почти половина всех установленных мощностей в Африке.

Топ-12 стран по рассматриваемому показателю приведен в табл. 1. Доли остальных государств составляют 1% и менее.

Т а б л и ц а 1

Топ-12 стран Африки по установленным электрическим мощностям, 2023 г.*

Страна	Установленная мощность, МВт	Доля в суммарном континентальном показателе, %
1. ЮАР	62 333	25
2. Египет	60 069	24
3. Алжир	27 809	11
4. Нигерия	14 289	6
5. Марокко	11 245	4
6. Ливия	11 239	4
7. Тунис	6 889	3
8. Ангола	6 448	3
9. Гана	5 675	2
10. Эфиопия	5 644	2
11. Судан	3 894	2
12. Замбия	3 857	2

* Табл. 1; 2 составлены по: Energy Statistics Data Browser. – URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics>

В период 2020–2023 гг. общий прирост установленных мощностей в Африке составил 6,3%. При этом наибольший рост наблюдается в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ) без гидроэнергии – 25,2%. Мощности гидроэлектростанций выросли на 8,7%, теплоэлектростанций – на 3,8%. Лидерами по приросту установленных мощностей за 2020–2023 гг. стали ЦАР – 182,2%, Нигер – 42,4%, Буркина-Фасо – 41,5%, Того – 39,3%, Лесото – 37,8%, Сомали – 34,3%, Мавритания – 30,3%, Гвинея – 28,4%, Зимбабве – 28,3%, Замбия – 26,2%, Демократическая Республика Конго (ДРК) – 23%, Мали – 22,6%, Бурунди – 20,8%, что скорее свидетель-

ствуется о низкой изначальной базе, чем о реальном скачке рассматриваемого показателя. Согласно оценкам, отрицательное влияние пандемии COVID-19, охватившей мир в 2020 г., на электроэнергетический сектор было не столь масштабным в силу долгосрочного характера контрактов, а также социально-экономической значимости проектов.

Основным источником электроэнергии в Африке является природный газ, на который в 2023 г. приходилось 43,9% всех установленных мощностей. За ним следовал уголь (20,3%) и гидроэнергия (15,9%). В укрупненном виде энергобаланс выглядит следующим образом: ископаемые источники энергии – 73,7%, гидроэнергия – 15,9%, ВИЭ за исключением гидроэнергии – 9,7%, атомная энергия – 0,7%.

Атомная энергия вырабатывается на единственной в Африке АЭС «Коберг» в ЮАР мощностью 1 880 МВт; в 2022 г. на ней было произведено 10,1 млрд кВт·ч электроэнергии. При этом существуют страновые и субрегиональные особенности¹. Так, например, в Центральной и Восточной Африке основным источником электроэнергии является гидроэнергия, на нее в 2023 г. приходилось 62 и 56% установленных мощностей соответственно. Структура генерирующих мощностей по субрегионам Африки представлена в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Структура генерирующих мощностей по субрегионам Африки (в %)

Субрегион	Ископаемое топливо	Гидроэнергия	ВИЭ без гидроэнергии	Атомная энергия
Северная Африка	87,7	5,4	6,9	0
Центральная Африка	34,4	62,0	3,6	0
Восточная Африка	29,0	56,0	15,0	0
Западная Африка	71,4	23,0	5,6	0
Южная Африка	74,9	6,2	15,9	3

Общая структура производства электроэнергии не меняется на протяжении десятилетий: три постоянных основных источника – уголь, газ и гидроэнергия – лишь менялись местами. В начале 1990-х гг. природный газ обошел гидроэнергию, заняв второе место, а в начале 2010-х гг. уголь прочно укрепился на первом месте. Основные изменения касаются места и роли возобновляемых источников энергии (помимо гидроэнергии) в энергетическом балансе Африки. За первую четверть XXI в. именно на

¹ Для определения субрегионов Африки и входящих в них стран используется классификация ООН. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/overview/>

ВИЭ приходится наибольший прирост установленных мощностей и суммарной выработки электроэнергии. Так, установленные мощности ВИЭ (помимо гидроэнергии) в Африке возросли в 30 раз (с 1 ГВт в 2000 г. до 31 ГВт в 2024 г.), а выработка ими электроэнергии – почти в 18 раз (с 2,8 млрд кВт·ч в 2000 г. до 52,2 млрд кВт·ч в 2023 г.)¹.

Парадоксальным является тот факт, что при существующей энергетической бедности Африканский континент обладает колоссальными энергетическими ресурсами, как традиционными, так и возобновляемыми. В Африке сосредоточено 7,2% мировых запасов нефти (Ливия, Нигерия, Алжир), 6,9% – природного газа (Нигерия, Алжир, Египет, Ливия), 1,4% – угля (ЮАР, Зимбабве, Ботсвана)². Ежегодно в Африке добывается 15,5% потребляемого в мире урана (Намибия, Нигер, ЮАР)³.

Оценки потенциала развития ВИЭ на континенте сильно отличаются, тем не менее все эксперты сходятся во мнении, что Африка богата и солнечными, и ветровыми, и водными, и геотермальными ресурсами для удовлетворения своих потребностей в электроэнергии. Солнечные ресурсы в Африке распределены достаточно равномерно. Показатель суммарной солнечной радиации, поступающей на горизонтальную поверхность, достигает 2 000 кВт·ч/кв. м/год на более чем 85% территории континента, что является одним из самых высоких показателей в мире. Средний потенциал фотоэлектрической солнечной энергии оценивается в Африке в 1 600–1 700 кВт·ч/год и достигает более 2 100 кВт·ч/год в наиболее солнечных регионах⁴. Потенциал ветроэнергетики в Африке оценивается в 110 и 461 ГВт (по оценкам Африканского банка развития⁵ и Международного агентства по возобновляемым источникам энергии⁶ соответственно), гидроэнергетики – 350 и 283 ГВт, геотермальной – 15 ГВт.

¹ Regional Trends. Gata. International Renewable Energy Agency (IRENA). – URL: <https://www.irena.org/Data/View-data-by-topic/Capacity-and-Generation/Regional-Trends>

² Statistical Review of World Energy 2021. BP. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statisticalreview/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>

³ 2017–2018 Minerals Yearbook: Africa. United States Geological Survey (USGS). – URL: <https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2017-18/myb3-2017-18-africa.pdf>

⁴ Solar resource maps of Africa. – URL: <https://solargis.com/resources/free-maps-and-gis-data?locality=africa>

⁵ Africa must optimise all it has to achieve universal energy access, says African Development Bank head. – URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/pressreleases/africa-must-optimise-all-it-has-achieveuniversal-energy-access-says-african-developmentbank-head-64099>

⁶ Renewable Energy Market Analysis. Africa and its regions. – URL: <https://www.irena.org/Publications/>

Проблемы

Одной из главных причин сложившегося парадокса является финансовая и технологическая зависимость Африки от других стран, а следовательно, невозможность формировать и проводить собственную, независимую энергетическую политику в целях социально-экономического развития континента и его жителей.

Основными инвесторами в электроэнергетику Африки являются Китай, Франция, Германия, Великобритания, международные организации и финансовые учреждения, такие как Всемирный банк, Африканский банк развития, Голландский банк развития, Немецкий национальный банк развития и др. Согласно различным оценкам, на них приходится до 85% всех поступающих инвестиций¹. Именно эти инвесторы определяют географию и отрасли электроэнергетики, куда поступают капиталовложения. География поступлений достаточно узка: значительная их доля направлена в ЮАР, Египет, Марокко, Нигерию, Камерун и Кению. География Китая – крупнейшего инвестора электроэнергетики Африки – несколько отличается: вложения направлены в Анголу (43% суммарных инвестиций в электроэнергетику за 2000–2022 гг.), ЮАР, Эфиопию, Судан и Замбию².

Что касается технологий, то на данный момент лидерство удерживает традиционная энергетика. Так, из 110 млрд долларов, вложенных в 2024 г. в энергетику Африки, почти 70 млрд пришлось на ископаемые виды топлива (нефть, газ, уголь)³. Китай также отдает приоритет традиционным источникам – углю, газу и гидроэнергии, которая зачастую относится к традиционным возобновляемым источникам энергии. В 2000–2024 гг. при помощи Китая в Африке было введено в эксплуатацию 23 574 МВт новых генерирующих мощностей. Из них 44,7% приходилось на угольные электростанции, 37,1% – на гидроэлектростанции, 13,4% – на газовые электростанции. На ветряные и солнечные электростанции пришлось суммарно 3% мощностей⁴.

Тем не менее в последние годы наблюдается давление со стороны основных инвесторов на выбор Африкой той или иной энергетической технологии. Этот вопрос становится особенно актуальным в свете того, что, согласно оценкам исследователей, африканский выбор модели будущего развития энергетики, основанной на возобновляемых источниках

¹ Energy Financing Trends. – URL: <https://www.icafrica.org/en/topics-programmes/energy/energy-financing-trends/>

² Chinese Loans to Africa Database. – URL: <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/>

³ World Energy Investment 2024. – URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024>

⁴ China's Global Power Database. – URL: <https://www.bu.edu/cgp/>

энергии, или на разумном балансе между традиционными и возобновляемыми источниками энергии, во многом предопределит и выбор всего мира [4] в связи с той возрастающей ролью, которую начинает играть и будет играть Африканский континент в обозримом будущем [5].

Особенно ярко это прослеживается в европейской энергетической политике в Африке. В 2021 г. Европейский союз, страны которого активно инвестируют в энергетику Африки, принял стратегию «Глобальные ворота» (The Global Gateway), важное место в которой отводится сотрудничеству с Африкой. На нее придется половина всех инвестиций, запланированных на 2021–2027 гг., – 150 из 300 млрд евро. Они будут направлены в пять важнейших отраслей, среди которых ускорение зеленого перехода (Accelerating the green transition). Целью является увеличение генерирующих мощностей в возобновляемой энергетике Африки к 2030 г. на 300 ГВт.

В 2022 г. на VI саммите «ЕС – Африка» была предложена новая Инициатива по развитию зеленой энергетики ЕС – Африка. В ее рамках к 2030 г. планируется обеспечить доступ к электроэнергии 100 млн африканцев, на что будет потрачено 3,4 млрд евро в виде грантов для поддержки проектов в области возобновляемой энергетики, энергоэффективности и энергетического перехода. Рассматриваемая Инициатива нацелена не на улучшение жизни африканцев, а на достижение ЕС собственных целей. Дополнительные мощности по производству возобновляемой энергии, которые должны быть сооружены в Африке в рамках Инициативы, будут использованы для производства зеленого водорода, импорт которого в Европу должен достичь к 2030 г. 10 млн т, согласно Европейскому зеленому пакту. Ускоренный энергетический переход на основе развития возобновляемой энергетики, который навязывается традиционными партнерами Африки, зачастую рассматривается одним из проявлений неокOLONиализма на континенте [2].

Возобновляемая энергетика обладает рядом технико-экономических ограничений, которые ставят под сомнение повсеместное внедрение и использование концепции энергетического континента в качестве эффективного решения проблемы энергетической бедности на Африканском континенте.

Во-первых, возобновляемые источники энергии, прежде всего солнце и ветер, не покрывают пиковую часть нагрузки. Для всеобщей электрификации, индустриализации и улучшения качества жизни населения за счет расширения доступа к электроэнергии требуется покрытие базовой части нагрузки, составляющей не менее 80% в сутки. В государствах-лидерах по доле ВИЭ в суммарной генерации электроэнергии (например, в Дании, Германии, Португалии и др.) на момент начала активного

их внедрения был обеспечен 100%-ный доступ населения к электроэнергии на протяжении достаточно длительного периода времени.

Во-вторых, стохастический характер выработки электроэнергии из ВИЭ, прежде всего на солнечных и ветряных электростанциях, приводит к необходимости установки систем накопления энергии и резервных источников питания для обеспечения бесперебойного энергоснабжения, что ведет к удорожанию себестоимости электроэнергии. Использовать генерируемую электроэнергию возможно только при благоприятных погодных условиях, однако в данном случае речь не идет о скачке в социально-экономическом развитии на основе всеобщей электрификации.

В-третьих, возрастание доли ВИЭ в общем энергобалансе приводит к потере ее устойчивости и надежности, снижению качества электроэнергии, более быстрому износу оборудования и необходимости использования передовых и сложных технических решений для нивелирования указанных проблем. Все это увеличивает стоимость электроэнергии и усложняет работы системы.

В-четвертых, широкое использование технологий возобновляемой энергетики в странах Глобального Юга ведет к их большей технологической зависимости от стран Глобального большинства, которые разрабатывают и владеют данными технологиями.

Наконец, экологическая нейтральность возобновляемой энергетики находится под большим вопросом. Энергетический переход в целом и внедрение ВИЭ в частности требуют использования минералов, спрос и цена на которые постоянно возрастает. В первую очередь – это литий, никель, кобальт и графит, широко применяемые в производстве аккумуляторов; редкоземельные элементы, необходимые для магнитов, вращающих ветряные турбины и электродвигатели; медь и алюминий, используемые в значительных количествах для линий электропередач (ЛЭП). Африка располагает богатыми запасами почти всех минералов из приведенного списка, а по некоторым позициям отдельные африканские страны занимают ведущее место в мире [1].

В Африке добывается 23% бокситов – основного сырья для производства алюминия. При этом на Гвинею приходится 22% мирового показателя. Добыча также ведется в Сьерра-Леоне, Гане, Кот-д'Ивуаре, Танзании и Мозамбике. 74,7% мировой добычи кобальта осуществляется в Африке, значительная доля (72,3%) которой сосредоточена в одном из беднейших государств мира – ДРК.

Кобальт разрабатывается также на Мадагаскаре, в ЮАР, Замбии и Зимбабве. Африка обеспечивает 6,4% мирового производства меди: она добывается в Замбии, ДРК, ЮАР, Эритрее, Мавритании и др. Доля Аф-

рики в мировом производстве графита составляет 14,7%. Континентальными лидерами являются Мадагаскар и Мозамбик¹.

Вплоть до начала 2020-х гг. страны Африки не играли серьезной роли в общемировом производстве лития, однако, по данным Геологической службы США, в Африке есть ряд стран, где могут располагаться существенные запасы. Так, добыча и производство лития осуществляются в ДРК, Зимбабве, Мали, Мозамбике, Намибии, Нигерии, Танзании, Уганде, ЮАР. Намибия и ДРК длительное время являлись основными поставщиками германия на мировые рынки; Нигерия, Марокко и Египет располагают значительными запасами иттрия, Намибия и ДРК – кадмия, Гвинея – галлия и т. д. [1].

Африка, бесспорно, – богатый континент и во многом недоразведанный, поэтому на сегодняшний момент о многих значительных запасах важнейших элементов неизвестно. Схватка за богатые ресурсы континента обостряется с каждым годом, и выиграет ли он от набирающего обороты энергетического перехода или попадет в новый круг зависимости и колониализма, предугадать пока не представляется возможным.

Важной проблемой, тормозящей расширение доступа населения к электроэнергии, является неразвитость передающих и распределительных сетей, их малая мощность, недостаточная протяженность и большие потери при передаче электроэнергии.

Протяженность ЛЭП высоких классов напряжения составляет в Африке всего 26 тыс. км, в то время как в Индии, например, площадь которой почти в 10 раз меньше Африканского континента, а население почти равно его населению, протяженность ЛЭП достигает 430 тыс. км. Ввод новых генерирующих мощностей в Африке идет темпами, опережающими развитие сетей, что приводит к невозможности их использования.

Так, проектная среднегодовая выработка электроэнергии на ГЭС «Возрождение» в Эфиопии составит 15 760 млн кВт·ч, что соответствует гарантированной установленной мощности 1 800 МВт, проектная же установленная мощность электростанции – 5 150 МВт, т. е. почти в три раза больше, что свидетельствует о запроектированной недогрузке ГЭС по крайней мере на первоначальном этапе [6]. На различных стадиях реализации в настоящий момент в Африке находятся сотни проектов в области генерации электроэнергии (только в гидроэнергетике – около 100 проектов суммарной мощностью более 27 ГВт).

Десять наиболее крупных электроэнергетических проектов представлены в табл. 3.

¹ 2020–2021 Annual Tables, USGS Minerals Yearbook 2020–2021, v. III. – URL: <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/africa-and-middle-east>

Т а б л и ц а 3

Десять наиболее значимых проектов в Африке по строительству новых генерирующих мощностей, которые завершатся в ближайшие 5 лет

Название проекта	Страна	Мощность, МВт	Планируемая дата ввода в эксплуатацию*
ТЭС «Умаш» (Бискра)	Алжир	1 328	2025 г.
Oumache (Biskra) Combined Cycle Power Plant			
СЭС «Нур Мидельт» комбинированного типа	Марокко	800	2025 г.
Noor Midelt Solar Power Project			
ГЭС «Койса»	Эфиопия	2 160	2025 г.
Koysha Hydroelectric Plant			
ГЭС «Какуло Кабаса»	Ангола	2 172	2026 г.
Caculo Cabaça Hydroelectric Power Station			
ГеоЭС «Нгози»	Танзания	600	2027 г.
Ngozi Geothermal Power Plant			
ГЭС «Шоле»	Камерун, Конго	600	2027 г.
Chollet Hydroelectric Plant			
АЭС «Эд-Дабба»	Египет	4 800	2028 г.
El Dabaa Nuclear Power Plant			
ГЭС «Мамбилла»	Нигерия	3 050	2030 г.
Mambilla Hydroelectric Power Station			
ГЭС «Мфанда Нкува»	Мозамбик	1 500	2031 г.
Mphanda Nkuwa Hydropower Project			
ГЭС «Инга 3»	ДРК	11 050	–
Inga 3 Hydropower Plant**			

* Сроки ввода в эксплуатацию являются приблизительными, так как они часто откладываются и редко соответствуют первоначально заявляемым.

** Планируется начать строительство в 2026 г.

Несмотря на существование пяти региональных рынков электроэнергии в Африке, относительные показатели экспорта и импорта остаются низкими. Так, в 2021 г. в Восточноафриканском энергетическом пуле доля экспорта в суммарном производстве электроэнергии составила всего 0,9%, доля импорта в суммарном потреблении электроэнергии – 1,9%; в Центральноеафриканском энергетическом пуле – 0,5 и 5,4% соответственно; в Южноафриканском – 8,2 и 10,1%; в Западноафриканском – 4,8 и 5,3%; в Магрибском комитете по электроэнергетике – 1,2 и 2,7%¹. За исключением государств, входящих в Южный и Западный пулы, экс-

¹ Africa Energy Portal: Database. – URL: <https://africa-energy-portal.org/database>

порт и импорт играют незначительную роль в энергобалансах африканских стран. Большинство африканских стран являются импортерами электроэнергии. Существуют также чистые импортеры (например, Бурунди, Джибути, Судан, Танзания, Ливия, Камерун, Ботсвана, Эсватини, и др.). Такие страны, как Бурунди, Джибути, Мозамбик, Лесото, Намибия, Эсватини, Бенин, Буркина-Фасо, Либерия, Нигер, Того сильно зависят от импорта электроэнергии, покрывая более половины своего потребления за счет него. В Джибути и Нигере эта доля достигает более 90%. Чистыми экспортерами являются Нигерия и Эфиопия; в энергобалансах Египта, Уганды, Мозамбика, ЮАР, Замбии, Ганы, Кот-д'Ивуара, Алжира и Марокко экспорт превосходит импорт.

В 2021 г. было объявлено о создании Единого энергетического рынка Африки, который после его запуска, запланированного на 2040 г., станет крупнейшим в мире общеконтинентальным энергетическим объединением. Успех реализации столь амбициозного проекта во многом зависит от развития энергетической инфраструктуры, как на уровне генерации, так и на уровне сооружения межсистемных ЛЭП.

В силу исторических и культурных особенностей Африканский континент тяготеет к интеграции и коллективному решению крупных задач. Расширение трансграничной торговли электроэнергией могло бы способствовать решению проблемы энергодефицита в Африке [3]. Зачастую природно-географические условия на континенте делают более технически и экономически целесообразным снабжение того или иного региона из соседнего государства, чем из другой части той же страны.

Мощный стимул к развитию торговли электроэнергией в Восточноафриканском энергетическом пуле был дан с вводом в эксплуатацию в 2022 г. межсистемной ЛЭП постоянного тока Эфиопия – Кения напряжением 500 кВ и протяженностью 1 045 км. Стоимость строительства оценивается в 1,3 млрд долларов, которые были предоставлены Всемирным банком и Африканским банком развития. В I квартале 2023 г. по данной линии было передано 223 715 МВт·ч электроэнергии из Эфиопии, где стоимость ее генерации на ГЭС значительно ниже, в Кению¹. В конце 2023 г. также была введена в эксплуатацию важная для Восточноафриканского энергообъединения ЛЭП напряжением 220 кВ и протяженностью 172 км, соединившая Уганду и Руанду.

К 2025–2026 гг. ожидается окончание строительства ЛЭП Кения – Танзания напряжением 400 кВ, которая завершит объединение энергосетей Восточной Африки, а также линии Танзания – Замбия напряжением 400 кВ, которая свяжет Восточноафриканский и Южноафриканский энергетические пулы, что откроет новые возможности для торговли элек-

¹ Eastern Africa Power Pool. – URL: <https://eappool.org/>

троэнергией, как внутри, так между субрегионами Африки. В планах также объединение энергосистем Эфиопии и Судана, которое усилит энергетические связи Восточной Африки со странами Ближнего Востока (в дополнение к уже построенной ЛЭП Египет – Иордания).

Планируется также ввести в эксплуатацию или усилить мощность следующих межсистемных ЛЭП в рамках Восточноафриканского энергопула и увеличить их пропускную способность до 4 720 МВт:

- Бурунди – ДРК (53 МВт);
- Бурунди – Руанда (27 МВт);
- ДРК – Руанда (104 МВт);
- ДРК – Уганда (140 МВт);
- Эфиопия – Судан (1 200 МВт);
- Кения – Танзания (500 МВт);
- Кения – Уганда (370 МВт);
- Танзания – Уганда (279 МВт).

Центральноафриканский энергетический пул является наименее развитым рынком Африки, в котором торговля электроэнергией находится на низком уровне, что обусловлено рядом причин. В Центральной Африке расположены одни из беднейших и наименее электрифицированных стран Африки. Торговля электроэнергией во многом ограничена из-за неразвитости межсистемных ЛЭП и их небольшой пропускной способности. В Центральноафриканском энергетическом пуле введены в эксплуатацию следующие межсистемные ЛЭП:

- ДРК – Конго напряжением 220 кВ;
- ДРК – Бурунди – Руанда напряжением 70 и 110 кВ;
- ДРК – Замбия напряжением 220 кВ, которая связывает Центральноафриканский и Южноафриканский энергетические пулы;
- ДРК – ЦАР напряжением 6,6 кВ;
- ДРК – Ангола напряжением 15 кВ;
- ДРК – Руанда напряжением 15 кВ;
- Бурунди – ДРК напряжением 15 кВ;
- две ЛЭП среднего класса напряжения между ДРК и Замбией.

В Южноафриканском энергетическом пуле, который считается наиболее развитым в Африке, введены в эксплуатацию следующие межсистемные ЛЭП:

- Намибия – Замбия напряжением 132 кВ;
- три ЛЭП ДРК – Замбия напряжением 220 кВ каждая;
- две ЛЭП Замбия – Зимбабве напряжением 330 кВ каждая;
- Зимбабве – Ботсвана напряжением 132 кВ и ЛЭП Зимбабве – Ботсвана напряжением 400 кВ;

- три ЛЭП Ботсвана – ЮАР напряжением 132 кВ каждая и ЛЭП Ботсвана – ЮАР напряжением 400 кВ;
- две ЛЭП ЮАР – Лесото напряжением 132 кВ каждая;
- Зимбабве – Мозамбик напряжением 330 кВ;
- ЛЭП постоянного тока ЮАР – Мозамбик напряжением 533 кВ и две ЛЭП переменного тока ЮАР – Мозамбик напряжением 275 и 110 кВ;
- Мозамбик – Эсватини напряжением 400 кВ;
- две ЛЭП ЮАР – Эсватини напряжением 400 и 132 кВ.

На различных стадиях реализации находятся следующие межсистемные ЛЭП: Намибия – Ангола; Ангола – ДРК; Замбия – Танзания; Малави – Мозамбик.

Небольшие объемы торгуемой электроэнергии в рамках Западноафриканского энергетического пула объясняются наличием незначительного избытка мощности по рынку (в 2022 г. этот показатель составил 2 200 МВт, или 13,6% доступной мощности; в таких странах, как Буркина-Фасо, Нигер, Мали, Того и Бенин, пиковая нагрузка превосходила уровень доступной мощности), а также недостаточной мощностью межсистемных ЛЭП, которая заметно увеличилась в 2022–2023 гг. В Западноафриканском энергетическом пуле введены в эксплуатацию следующие межсистемные ЛЭП:

- Сенегал – Мали напряжением 225 кВ (введена в 2023 г.);
- Сенегал – Гамбия – Гвинея-Бисау – Гвинея напряжением 225 кВ (введена в 2022 г.);
- Мали – Кот-д’Ивуар напряжением 225 кВ;
- Кот-д’Ивуар – Гана напряжением 225 кВ;
- Гана – Того – Бенин – Нигерия напряжением 330 кВ;
- Кот-д’Ивуар – Либерия – Сьерра-Леоне – Гвинея напряжением 225 кВ (введена в 2022 г.);
- Кот-д’Ивуар – Буркина-Фасо напряжением 225 кВ;
- Буркина-Фасо – Гана напряжением 225 кВ (по территории Буркина-Фасо) и 330 кВ (по территории Ганы);
- Сенегал – Мавритания напряжением 225 кВ связывает Западноафриканский энергетический пул и Магрибский комитет по электроэнергетике.

На различных стадиях реализации находятся следующие межсистемные ЛЭП:

- Гвинея – Мали напряжением 225 кВ и протяженностью 1 054 км;
- Нигерия – Нигер – Буркина-Фасо напряжением 330 кВ и протяженностью 880 км;
- Гана – Кот-д’Ивуар напряжением 330 кВ и протяженностью 296 км;

- Гана – Буркина-Фасо – Мали напряжением 330 кВ.

В странах Северной Африки, входящих в Магрибский комитет по электроэнергетике, введены в эксплуатацию следующие межсистемные ЛЭП:

- две ЛЭП Марокко – Алжир напряжением 400 кВ и две ЛЭП Марокко – Алжир напряжением 220 кВ;
- две ЛЭП Алжир – Тунис напряжением 150 кВ, одна ЛЭП Алжир – Тунис напряжением 90 кВ, одна ЛЭП Алжир – Тунис напряжением 220 кВ и одна ЛЭП Алжир – Тунис напряжением 400 кВ;
- ЛЭП Тунис – Ливия напряжением 220 кВ;
- Ливия – Египет напряжением 400 кВ.

Энергосистема стран Северной Африки соединена с энергосистемами Ближнего Востока (через ЛЭП Египет – Иордания) и Западной Европы (через две ЛЭП Марокко – Испания напряжением 400 кВ каждая).

Объединение энергосистем и создание региональных энергетических рынков несут ряд преимуществ, таких как: уменьшение суммарной установленной мощности электростанций; оптимизация использования генерирующих ресурсов и повышение экономичности выработки электроэнергии; расширение доступа к электроэнергии и повышение надежности электроснабжения потребителей; повышение экономической эффективности энергетического сектора за счет увеличения конкуренции среди поставщиков; привлечение инвестиций в энергетический сектор.

Заключение (перспективы)

Что касается перспектив развития электроэнергетического комплекса Африки, то в первую очередь предполагается использовать не концепцию энергетического перехода, а план развития обновленной, современной, объединенной энергетической системы континента, главными целями которой являются ускоренное социально-экономическое развитие, индустриализация, улучшение качества жизни населения. Основными принципами построения указанной энергетической системы могли бы стать:

- опора на собственные энергетические ресурсы, покрывающие прежде всего базовую часть нагрузки (углеводороды, гидроэнергия, атомная, ВИЭ);
- развитие и модернизация передающих и распределительных сетей и систем;
- использование современных технологий, как в генерации, так и в распределении электроэнергии (золотулавливающие установки, установки малой мощности, в том числе в гидро- и атомной энергетике, распределенная генерация, интеллектуальные энергосистемы и др.);

- трансфер технологий, развитие местных энерготехнических производств, подготовка высококвалифицированных кадров;
- построение энергопроизводственных циклов;
- объединение энергосистем и развитие торговли электроэнергией.

По всем указанным направлениям Африка могла бы плодотворно сотрудничать с Россией.

Список литературы

1. Абрамова И. О., Шарова А. Ю. Геостратегические риски при переходе к зеленым технологиям (на примере Африки) // Геология рудных месторождений. – 2023. – Т. 65. – № 5. – С. 428–443. – DOI: 10.31857/S0016777023050027.
2. Волков С. Н. Ускоренный энергетический переход – новое проявление неокOLONиализма в Африке // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – № 10 (144). – DOI: 10.18254/S207987840032671-7.
3. Новикова З. С., Калиниченко Л. Н. ЭКОВАС: энергетическая и цифровая инфраструктура как фактор региональной интеграции и развития // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 7. – С. 58–67. – DOI: 10.31857/S032150750026540-6.
4. Симонов К. Энергетическая сверхдержава 2.0 // Энергетическая политика. – 2024. – № 7 (198). – С. 60–75. – DOI: 10.46920/2409-5516_2024_7198_60.
5. Фитунни Л. Л., Абрамова И. О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 11. – С. 5–13. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-5-13.
6. Шарова А. Ю. Перспективы развития гидроэнергетики Африки // Вестник Российской академии наук. – 2024. – Т. 94. – № 6. – С. 527–539. – DOI: 10.31857/S0869587324060033.
7. Saul J., Nicoletti L., Pogkas D., Bass D., Malik N. AI Data Centers Are Sending Power Bills Soaring. – URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2025-ai-data-centers-electricity-prices/>

References

1. Abramova I. O., Sharova A. Yu. Geostrategicheskie riski pri perekhode k zelenym tekhnologiyam (na primere Afriki) [Geostrategic Risks in the Transition to Green Energies (Using the Example of Africa)]. Geologiya

rudnykh mestorozhdeniy [Geology of Ore Deposits], 2023, Vol. 65, No. 5, pp. 428–443. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0016777023050027.

2. Volkov S. N. Uskorenniy energeticheskiy perekhod – novoe proyavlenie neokolonializma v Afrike [Accelerated Energy Transition – A New Manifestation of Neocolonialism in Africa]. Elektronniy nauchno-obrazovatelniy zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Magazine "History"], 2024, Vol. 15, No. 10 (144). (In Russ.). DOI: 10.18254/S207987840032671-7.

3. Novikova Z. S., Kalinichenko L. N. EKOVAS: energeticheskaya i tsifrovaya infrastruktura kak faktor regionalnoy integratsii i razvitiya [ECOWAS: Energy and Digital Infrastructure as a Factor of Regional Integration and Development]. Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today], 2023, No. 7, pp. 58–67. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026540-6.

4. Simonov K. Energeticheskaya sverkhderzhava 2.0 [Energy Superpower 2.0]. Energeticheskaya politika [Energy Policy], 2024, No. 7 (198), pp. 60–75. (In Russ.). DOI: 10.46920/2409-5516_2024_7198_60.

5. Fituni L. L., Abramova I. O. Razvivayushchiesya strany v novom uravnenii postkrizisnogo miroustroystva [Developing Countries in the New Equation of the Post-Crisis World Order]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 2022, Vol. 66, No. 11, pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-5-13.

6. Sharova A. Yu. Perspektivy razvitiya gidroenergetiki Afriki [Prospects for the Development of Hydropower in Africa]. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2024, Vol. 94, No. 6, pp. 527–539. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869587324060033.

7. Saul J., Nicoletti L., Pogkas D., Bass D., Malik N. AI Data Centers Are Sending Power Bills Soaring. (In Russ.). Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/2025-ai-data-centers-electricity-prices/>

Поступила: 21.10.2025

Принята к печати: 23.10.2025

Сведения об авторе

Анна Юрьевна Шарова

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра
глобальных и стратегических
исследований Института Африки РАН.
Адрес: Институт Африки Российской ака-
демии наук, 123001, Москва,
ул. Спиридоновка, 30/1.
ORCID: 0000-0003-4439-9028
E-mail: sharova.inafr@gmail.com

Information about the author

Anna Yu. Sharova

PhD, Senior Research Fellow,
Centre for Global and Strategic Studies
Institute for African Studies of the RAS.
Address: Institute for African Studies
of the RAS, 30/1 Spiridonovka Street,
Moscow, 123001,
Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-4439-9028
E-mail: sharova.inafr@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-117-132>

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫХОДА РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА НА РЫНКИ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ СТРАН АСЕАН: КЛЮЧЕВЫЕ БАРЬЕРЫ ДЛЯ ЭКСПОРТА

М. Г. Гирич

Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации, Россия, Москва

А. Д. Левашенко

Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Россия, Москва

Статья посвящена анализу ограничений выхода российских продавцов и маркетплейсов на рынок электронной коммерции стран АСЕАН. В условиях санкций рынок АСЕАН может стать одним из ключевых направлений для экспорта, что обусловлено прогнозируемым среднегодовым ростом трансграничной торговли в регионе и значительным присутствием зарубежных поставщиков. Проанализированы барьеры в рамках законодательства об электронной коммерции, такие как продвижение товаров местного производства (например, за счет установления минимальной импортной цены), установление требований к регистрации и лицензированию иностранных продавцов и платформ, требования по назначению контактного лица и пр. Дана оценка, насколько такие требования могут быть протекционистской политикой стран против иностранных продавцов (с точки зрения подходов ВТО, ОЭСР). Рассмотрены кросс-секторальные требования для ведения бизнеса, например, требование локализации компаний (открытие филиала или местной компании), а также специальные ограничения на иностранные инвестиции в розничной торговле.

Ключевые слова: барьеры, экспорт, маркетплейсы, торговля.

PROSPECTS FOR RUSSIAN BUSINESSES ENTERING THE ASEAN COUNTRIES' E-COMMERCE MARKETS: KEY EXPORT BARRIERS

Maria G. Girich

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Antonina D. Levashenko

Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

The focus of this article is the analysis of the limitations faced by Russian sellers and marketplaces when entering the e-commerce market of ASEAN countries. In the context of sanctions, the ASEAN market may become one of the key export destinations, due to its

projected average annual cross-border trade growth and the significant presence of foreign suppliers. The authors analyze barriers in e-commerce legislation, such as the promotion of locally produced goods (e. g., by setting a minimum import price), the establishment of requirements for the registration and licensing of foreign sellers and platforms, requirements for the appointment of a contact person, etc. The authors assess the extent to which such requirements may constitute protectionist policies by countries against foreign sellers, from the perspectives of the WTO and the OECD. The authors considered cross-sectoral requirements for doing business, such as requirements for the localization of companies (opening a branch or local company), as well as special restrictions on foreign investment in retail trade.

Keywords: barriers, exports, marketplace, trade.

Введение

Сегодня рынки стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) являются перспективными направлениями экспорта российских товаров через каналы электронной коммерции. Правительство Российской Федерации приняло Стратегию представления на ключевых международных мероприятиях достижений России в различных отраслях экономики и культуры. Одна из целей Стратегии – развитие сотрудничества с АСЕАН, расширение рынков сбыта российской продукции, поддержка экспорта российских товаров, в том числе высокотехнологичной продукции¹. Кроме того, Россия и АСЕАН имеют Дорожную карту по торговле и инвестициям, направленную на кооперацию в сфере цифровой торговли².

Вместе с тем рынки стран АСЕАН перспективны с точки зрения торговли товарами иностранных продавцов. По прогнозам, до 2030 г. среднегодовой темп роста трансграничного рынка электронной коммерции в Юго-Восточной Азии составит 11,14% [13]. Через маркетплейсы стран АСЕАН активно торгуют продавцы из Китая и Кореи, что связано с Всесторонним региональным экономическим партнерством, которое позволяет снижать тарифы на ввоз товаров (4–8%), так как продавцы могут размещать товарные запасы на специализированных хабах в Малайзии и Таиланде, используя зоны отсрочки пошлин для предварительного размещения товаров [13]. В России подобные соглашения могут реализовываться со странами АСЕАН через ЕАЭС.

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2025 г. № 394-р «Об утверждении Стратегии представления на ключевых международных мероприятиях достижений России в различных отраслях экономики и культуры». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411437067/?ysclid=mh3awfb1m7323567819>

² См.: Дорожная карта торгово-инвестиционного сотрудничества России и АСЕАН на 2021–2025 годы. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/a6feb6841f147d971be22b63961be9f9/ASEAN-Russia%20Trade%20and%20Investment%20Cooperation%20Roadmap%202021-2025.pdf>

В странах АСЕАН работает ряд крупных платформ, таких как Shopee, Lazada, Tokopedia и пр. [6]. Например, доля Shopee на рынках стран АСЕАН составляет от 40 до 70% (на Филиппинах – 60%, во Вьетнаме – 79%, в Малайзии – 61%, в Индонезии – 43% и пр.), доля Lazada варьируется от 7 до 22% (в Таиланде – 22%, в Индонезии – 9%, в Малайзии – 13%) [3]. При этом платформы предоставляют специальные программы для продавцов из Кореи и Китая для торговли товарами. Так, Lazada имеет программу для торговли товарами зарубежных продавцов из Гонконга и Китая, при этом регистрация коммерческого предприятия в стране АСЕАН не потребуется [4]. Это создает потенциал для российских продавцов с точки зрения возможности договориться с платформами о запуске магазинов российских продавцов на платформах в странах АСЕАН.

Данная статья направлена на выявление барьеров, связанных с выходом российских продавцов и маркетплейсов на рынок электронной коммерции стран АСЕАН. Стоит отметить, что в статье рассматриваются маркетплейсы, позволяющие сторонним продавцам продавать товары потребителям, аналогичные агрегаторам товаров в России¹ в части B2C электронной коммерции². Важно отметить, что страны АСЕАН широко подходят к определению платформ, которые задействованы в электронной коммерции. В Индонезии³ в качестве субъекта электронной коммерции выделяются не только маркетплейсы, но и классифайды (площадки, объединяющие продавцов и покупателей, когда процесс заключения сделки происходит за пределами платформы), а также социальные сети, позволяющие продавцам размещать предложения товаров (например, формировать витрины товаров). Аналогичный подход применяется во Вьетнаме, Филиппинах, Камбодже, Лаосе, Таиланде.

Рассмотрим опыт стран АСЕАН с точки зрения требований к деятельности иностранных продавцов на маркетплейсах и выхода иностранных маркетплейсов на рынок АСЕАН для определения барьеров, с которыми сталкиваются или столкнутся российские экспортеры, планирующие участвовать в B2C электронной коммерции. Выделим два основных аспекта. Во-первых, за последние 5 лет страны АСЕАН⁴ приняли законы о регулировании электронной коммерции, которые установили

¹ В рамках Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

² Торговля товарами между продавцами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, и потребителями, приобретающими товары или услуги для личных, бытовых целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

³ См.: Постановление Правительства Индонезии № 80 2019 г. (PP 80/2019) «О торговле через электронную систему». – URL: <https://aseanconsumer.org/read-legislation-government-regulation-number-80-year-2019-on-commerce-through-electronic-system-e-commerce>

⁴ За исключением Малайзии, Сингапура и Брунея.

требования, в том числе к иностранным продавцам и платформам. При этом некоторые правила создают значительные барьеры для российских компаний в части возможности выхода на рынки этих стран, например, требования к лицензированию для иностранных компаний, ограничения на иностранные инвестиции в электронной коммерции, продвижение товаров местного производства (например, за счет установления минимальной импортной цены) и пр. Поэтому важно оценить, насколько такие требования могут быть протекционистской политикой стран против иностранных продавцов (с точки зрения подходов ВТО, ОЭСР).

Во-вторых, для стран АСЕАН (особенно Вьетнама, Лаоса, Мьянмы, Таиланда, Индонезии) характерны более строгие кросс-секторальные требования для ведения бизнеса, в частности, требования локализации компаний (открытия филиала или местной компании), а также специальные требования для иностранных компаний в сфере розничной торговли, одним из каналов осуществления которой является электронная коммерция. Такие требования влияют на возможности торговли через платформы российскими товарами. Практика показывает, что маркетплейсы в странах АСЕАН отказывают иностранным продавцам в торговле, если отсутствует приземление бизнеса.

Барьеры при осуществлении электронной коммерции

Анализируя законодательство об электронной коммерции стран АСЕАН, можно выделить несколько типов барьеров, с которыми будут сталкиваться российские продавцы или маркетплейсы.

Первый тип ограничений – это поддержка местных предпринимателей и товаров местного производства через механизм минимальной импортной цены (Minimum Import Price), т. е. установление пороговой импортной цены, ниже (или выше) которой ввоз или продажа иностранных товаров ограничивается [5]. Так, в Индонезии применяется минимальная цена на товары иностранного происхождения, продаваемые в Индонезии, – не менее 100 долларов за единицу за фрахт на борту (чистая цена товара без учета доставки, страховки, таможи и прочих затрат после отгрузки)¹. При этом обязанность в отношении мониторинга стоимости товаров иностранных продавцов возложена на платформы, т. е. платформе запрещено продавать иностранные товары по стоимости ниже 100 долларов. Устанавливается список отдельных категорий товаров, которыми иностранным продавцам разрешается торговать без учета пра-

¹ См.: Постановление Министра торговли Индонезии № 31 от 2023 г. «О лицензировании бизнеса, рекламе, руководстве и надзоре за субъектами бизнеса в торговле через электронные системы». – URL: <https://www.iccc.or.id/wp-content/uploads/2023/10/MOT-Regulation-No.-31-of-2023-regarding-Business-Licensing-Advertising-Guidance-and-Supervision-of-Business-Actors-in-Trade-Through-Electronic-SystemsSSEK.pdf>

вила минимальной стоимости, однако такие товары связаны с товарами креативных индустрий и образованием, наукой (книги, учебная литература, ПО, игры, онлайн-подписки на кино, музыку и пр.)¹

По Международной классификации ЮНКТАД 2019 г. подобная мера по установлению минимальной импортной цены считается нетарифным барьером наравне с установлением справочных цен² и противоречит правилам ВТО, в частности, статье III Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) о применении национального режима. Согласно этой статье, страны не должны вводить какие-либо внутренние сборы, которые могут давать преимущество местным товарам перед импортными, включая контроль максимальных цен при импорте.

На данный момент в ВТО еще не поступало жалоб на введение Индонезией минимальной импортной цены, однако в ВТО есть практика разбирательств, когда в 2000 г. Корея ввела требования, чтобы импортная говядина продавалась только в специализированных магазинах, либо в супермаркетах на отдельных витринах, что привело к отказу многих мясных лавок (особенно МСП) от торговли импортной говядиной³. Требование нарушало пункт 4 ГАТТ статьи III, так как ограничивался доступ импортного товара к обычным каналам дистрибуции (магазинам), изменялись условия конкуренции и создавался неблагоприятный режим для импортного товара по сравнению с аналогичным отечественным.

Норма о минимальной цене импорта в Индонезии также нарушает статью XI ГАТТ (в части количественных ограничений), если вводит ограничения на импорт (т. е. создает невозможность ввоза товаров). В деле против Кореи было признано нарушение статьи XI ГАТТ, так как Корея создала специальное государственное предприятие, отвечавшее за импорт и распределение говядины, которое могло закупать импортную говядину через тендеры. Однако на практике часто тендеры проводились с задержками, ограничивался выпуск говядины на рынок (например, запасы импортной говядины накапливались на складах), искусственно затруднялся доступ потребителей к иностранному товару, что снижало и объемы импорта. Норма, введенная Индонезией, влияет на ограничение импорта

¹ См.: Постановление Министра торговли Индонезия № 1998 от 2023 г. «Об определении готовых товаров иностранного происхождения по цене ниже минимальной цены товара, разрешенной к импорту через торговых поставщиков через электронные системы». – URL: [https://jdih.kemendag.go.id/pdf/Regulasi/2023/Salinan%20Kepmendag%20nomor%201998%20tahun%202023%20\(Positive%20List\).pdf](https://jdih.kemendag.go.id/pdf/Regulasi/2023/Salinan%20Kepmendag%20nomor%201998%20tahun%202023%20(Positive%20List).pdf)

² Международная классификация нетарифных мер ЮНКТАД - версия 2019 года <https://unctad.org/publication/international-classification-non-tariff-measures-2019-version>

³ См.: World Trade Organization: KOREA – measures affecting imports of fresh, chilled and frozen beef report of the Panel. WT/DS169/R. 2000, 31 July. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/161r_e.pdf

более дешевых товаров через маркетплейсы, в том числе из России, поскольку искусственно занижается как спрос на импортные товары (могут быть более дорогими, чем товары местного производства), так и предложение (продавцам невыгодно продавать товары по завышенной цене из-за снижения спроса). Индонезийские юристы подтвердили, что данная мера носит протекционистский характер, вводит неравные (менее выгодные) условия для торговли иностранными товарами по сравнению с товарами местного производства [7].

Стоит также отметить, что в Индонезии платформы обязаны применять дополнительные меры поддержки для продвижения индонезийских товаров по сравнению с иностранными (статья 32), например, проводить онлайн-выставки индонезийских товаров, создавать специальные страницы на платформах с индонезийской продукцией, проводить акции, снижать стоимость доставки для индонезийских товаров и пр. Данное требование также противоречит требованиям ВТО, хотя напрямую не вводит ограничения на импорт. Оно может нарушать статью III ГАТТ (о национальном режиме), которая запрещает внедрять меры, затрагивающие внутреннюю продажу, предложение о продаже, перевозку, распределение или использование товаров.

Подводя итог, можно отметить, что мера по минимальной стоимости иностранных товаров существует только в Индонезии, однако является торговым барьером для российских продавцов по выходу на рынок Индонезии, если товар стоит менее 100 долларов (например, продукты питания или крафтовые изделия народного творчества). Это формирует асимметричные условия конкуренции для российских продавцов, особенно в сегменте недорогой продукции. В виде исключения требование минимальной стоимости смогут избежать разработчики игр (при торговле играми или фильмами на дисках).

Второй тип ограничений в странах АСЕАН – требования получения разрешений (или лицензий) для электронной коммерции. В некоторых странах АСЕАН введены требования к получению лицензий или разрешений на деятельность в сфере электронной коммерции, либо регистрации в специализированных реестрах как условие доступа для продавцов к торговле через маркетплейсы. Такие требования выдвигаются ОЭСР в рамках Индекса DSTRI, который оценивает ограничения торговли цифровыми услугами¹, в частности, при оценке возможности оказания услуг маркетплейсами.

¹См.: Digital Services Trade Restrictiveness Index Simulator. – URL: <https://sim.oecd.org/Default.ashx?lang=En&ds=DGSTRI>

В Мьянме продавцам и платформам, в том числе иностранным, требуется зарегистрироваться в системе Минторговли eComReg¹. Постановлением № 50 2023 г.² электронная коммерция признается видом деятельности, связанным с оказанием услуг первой необходимости (регулируется Законом о товарах и услугах первой необходимости 2012 г.)³. Можно отметить, что в Мьянме наиболее строгое ограничение по сравнению с другими странами АСЕАН, так как требуется не просто зарегистрироваться в реестре, а локализоваться в стране путем открытия дочерней компании или филиала. Так, для регистрации требуется создать компанию по законам Мьянмы или быть резидентом Мьянмы (проживать), иметь фактический адрес, по которому ведется деятельность (склад, офис) и представить доказательства (договор аренды и пр.). Невыполнение требования регистрации наказывается тюремным заключением от 6 месяцев до 3 лет и штрафом до 500 тыс. кьят (примерно 238 долларов)⁴.

Иные страны АСЕАН также предъявляют требования регистрации, лицензирования, однако менее обременительные. Например, в Камбодже Закон об электронной коммерции 2019 г.⁵ требует получения специальной лицензии для юридических лиц и филиалов иностранных компаний⁶ для торговли через любые онлайн-системы, включая социальные сети. Данное требование будет распространяться как на национальных продавцов и платформы, так и на иностранных, которые планируют вести бизнес в Камбодже. При этом для получения лицензии платформе потребуется проводить платежи только через поставщиков платежных услуг, одобренных Национальным банком.

Другой пример – Филиппины, где продавцам и платформам требуется регистрация через Бюро электронной коммерции в Базе данных

¹ См.: Уведомление Министерства торговли Мьянмы № 51/2023 1385 от 21 июля 2023 г. – URL: <https://www.lincolnmyanmar.com/wp-content/uploads/2024/05/Notifications-on-online-sales-businesses.pdf>

² См.: Уведомление Министерства торговли Мьянмы № 50/2023 1385 от 21 июля 2023 г. – URL: <https://www.lincolnmyanmar.com/wp-content/uploads/2024/05/Notifications-on-online-sales-businesses.pdf>

³ См.: Закон Мьянмы о товарах и услугах первой необходимости 2012 г. – URL: [https://www.myanmartradeportal.gov.mm/uploads/legals/2018/5/The%20Essential%20Supplies%20and%20Services%20Law%202012\(Eng\).pdf](https://www.myanmartradeportal.gov.mm/uploads/legals/2018/5/The%20Essential%20Supplies%20and%20Services%20Law%202012(Eng).pdf)

⁴ См.: Закон о компаниях Мьянмы 2017 г. – URL: <https://myanmar-law-library.org/topics/myanmar-companies-law/myanmar-companies-law-unofficial-translation-2017.html>

⁵ См.: Закон об электронной торговле Камбоджи 2019 года. – URL: <https://commerce-cambodia.com/2021/06/13/law-on-electronic-commerce-of-kingdom-of-cambodia/>

⁶ См.: Подзаконный акт от 24 августа 2020 г. № 134 «О классификации, формальностях и процедурах выдачи разрешений или лицензий на посредническую деятельность и деятельность по предоставлению услуг электронной коммерции, а также об изъятиях»; Приказ министра торговли Камбоджи от 9 октября 2020 года № 290 «О выдаче разрешения на лицензию поставщикам услуг электронной коммерции».

онлайн-бизнеса. Такая регистрация дает право вести торговлю через маркетплейсы на Филиппинах. При этом иностранные компании обязаны регистрироваться, если имеют минимальный контакт, т. е. проводят сделки, принимают заказы с территории Филиппин, либо потребители из Филиппин имеют доступ к цифровой платформе и пр.¹

Таким образом, при выходе российских продавцов, маркетплейсов на рынки стран АСЕАН потребуется соблюдение требований лицензирования, либо регистрации в бизнес-реестрах, а также выполнение сопутствующих требований, таких как подключение одобряемых национальными органами услуг поставщиков платежных услуг, локализация (регистрация местной компании или филиала), уплата сборов за получение лицензий (в Камбодже лицензия стоит 250 долларов) и пр. По оценкам ЮНСИТРАЛ, любые требования о регистрации и лицензировании (в том числе для уплаты налогов, торговли или импорта отдельных видов товаров) являются барьером для проведения онлайн-транзакций, из-за которых могут увеличиваться издержки для бизнеса, особенно иностранных МСП [4].

Третий тип ограничений – требования по назначению контактного лица для работы иностранных платформ на рынке страны АСЕАН. Если такие российские платформы, как Ozon, Wildberries, «Яндекс.Маркет», запланируют выход на рынки стран АСЕАН, им как иностранным платформам потребуется назначить представителя или контактное лицо (например, во Вьетнаме, Таиланде и Индонезии), либо открыть представительство (во Вьетнаме) для взаимодействия с органами власти.

Во Вьетнаме такое требование должны выполнять платформы, которые работают под вьетнамским доменным именем, имеют сайт на вьетнамском языке или через сайт платформы проходит более 100 тыс. транзакций из Вьетнама за год. В Таиланде требование распространяется на платформы, которые имеют годовой доход от оказания услуг в Таиланде более 1,56 млн долларов, либо имеют среднемесячное количество пользователей более 5 тыс. При этом у таких платформ сайты должны быть на тайском языке, либо с тайским доменным именем, что позволяет оплачивать покупки; либо платформа выплачивает поставщику поисковой системы вознаграждение за предоставление пользователям из Таиланда доступа к цифровой платформе (фактически таргетинг на тайский рынок через поисковую систему) и пр. В Индонезии таким требованием охватываются иностранные платформы, которые провели более 1 тыс. сделок с потребителями за год, либо доставили потребителям более 1 тыс. заказов за год, либо их трафик составил не менее 1% местных пользователей

¹ См.: Закон об иностранных инвестициях Филиппин 1991 года. – URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra1991/ra_7042_1991.html

Интернета из Индонезии за год¹. Во Вьетнаме этим требованием охватываются более крупные платформы, тогда как в Индонезии и Таиланде под регулирование могут подпадать и более мелкие иностранные продавцы.

Следует обратить внимание на то, что к представителям платформ могут устанавливаться дополнительные требования. Например, в Индонезии такой представитель должен иметь специализированную лицензию на осуществление торговой деятельности. В Таиланде и Вьетнаме схожих ограничений нет. Хотя интересно, что во Вьетнаме² функции мониторинга за иностранными продавцами возложены на платформы, в частности, они вправе потребовать от продавца назначить торгового агента во Вьетнаме. Требование по назначению представителя определяется учеными как требование по наличию местного контактного лица [3]. Одной из первых юрисдикций, которая ввела такое требование для платформ, стал Евросоюз, когда Закон о цифровых услугах (Регламент 2022/2065 от 19 октября 2022 г.) установил обязанность для иностранных платформ, не имеющих представительства в ЕС, назначить юридическое или физическое лицо, которое будет действовать как законный представитель государства, где оказываются услуги платформы. Хотя сама идея назначения местного представителя или контактного лица в цифровой сфере зародилась еще в 1995 г., когда ЕС принял Директиву 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 24 октября 1995 г. о защите персональных данных, установив обязанность иностранных контролеров данных (в России аналог – оператор данных), которые не локализованы в ЕС, назначить представителя для взаимодействия с органами власти. Более современные нормы были введены в 2017–2020 гг. Германией, Турцией, которые требовали наличия контактного лица для социальных сетей.

По проведенным исследованиям видно, что из 17 изученных юрисдикций (ЕС как юрисдикция с одним режимом) 13 имеют требования к наличию местного контактного лица или местного офиса для иностранных платформ [8].

В России также существуют требования о приземлении крупных иностранных платформ. Закон о приземлении³ требует, чтобы иностранные платформы с посещаемостью более 500 тыс. пользователей из России в сутки, которые распространяют рекламу в России, либо обраба-

¹ Трафик характерен для онлайн-платформ, поставляющих цифровые услуги как аудио-визуальные сервисы, социальные сети и др.

² См.: Постановление Правительства Вьетнама от 16 мая 2013 года № 52/2013/ND-CP «Об электронной коммерции». – URL: <https://luatminhkhue.vn/en/decre-no-52-2013-nd-cp-dated-may-16--2013-of-the-government-on-e-commerce.aspx>

³ См.: Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46991>

тывают сведения о российских лицах, либо получают от них деньги, создавали дочерние компании, либо открывали филиал или представительство. Эти требования коснулись маркетплейса AliExpress, агрегатора «Авиасейлс» (всего 27 цифровых компаний). Однако в России более обременительные требования, так как требуется не просто назначение лица, которое будет представлять интересы иностранной платформы, а открытие офиса. Поэтому требование приземления выполнили только 7 компаний. Стоит отметить, что требование о приземлении считается барьером в соответствии с Международной классификацией нетарифных мер ЮНКТАД, если оно влияет на доступ к государственным закупкам, возможность получить разрешение на ведение деятельности.

Соответственно, можно сделать вывод, что ряд стран АСЕАН имеют обременительные требования для ведения бизнеса, которые создают существенные барьеры для ведения бизнеса российскими компаниями. Например, Европейский центр международной политической экономики разработал [9] индекс ограничения торговли цифровыми услугами, оценив требования к деятельности в электронной коммерции (требования регистрации, лицензирования, правила онлайн-продаж и пр.). Среди 65 стран Индонезия заняла 4-е место, Вьетнам – 5-е место, Таиланд – 10-е место по уровню барьеров и ограничений в торговле. Некоторые ученые определяют политику стран в Юго-Восточной Азии, включая страны АСЕАН, как цифровой протекционизм (digital protectionism), когда страны намеренно вводят требования локализации, барьеры для иностранных платформ, чтобы защитить конкуренцию на внутреннем рынке [11].

При этом если российский продавец осуществляет разовые транзакции на рынке стран АСЕАН, отправляет товары с территории России (не ввозит в страну АСЕАН как импортер), то требования регистрации, лицензирования, локализации могут не применяться. Однако, как показывает практика, крупные платформы (Lazada, Shopee) не позволяют иностранным продавцам работать на платформах без регистрации, так как требуют регистрационный бизнес-номер (который невозможно получить без регистрации иностранным продавцам местного юридического лица или филиала), наличия лицензий и разрешений, полученных от местных органов, а также регистрацию для налоговых целей.

Барьеры с точки зрения требований к ведению розничной торговли

Для того чтобы компания могла вести бизнес в стране АСЕАН, нужно выделить еще два типа барьеров, связанных с осуществлением розничной торговли (B2C), одним из каналов которой является электронная коммерция. Прежде всего, это общее кросс-секторальное требование по локализации иностранных компаний (открытие филиала или реги-

страция дочерней компании), которое осложняется в электронной коммерции ограничениями на иностранные инвестиции в розничной торговле. Другое требование связано с необходимостью получения лицензий и одобрений, чтобы получить право работать в розничной торговле.

Важно отметить необходимость локализации компании путем регистрации иностранной компании в качестве филиала или местной компании. Страны АСЕАН вводят ограничения на ведение бизнеса только на постоянной основе. Так, на Филиппинах постоянство¹ означает непрерывность коммерческих сделок или договоренностей, либо получение коммерческой выгоды (прибыли), например, получение от покупателей заказа товаров на Филиппинах. Такой критерий чаще всего оценивается в судебной практике. Например, в деле *Eriks PTE Ltd. v. Court of Appeals and Enriquez*² иностранная компания за 8 месяцев 16 раз продала свою продукцию филиппинскому покупателю, суд признал такие сделки ведением бизнеса на постоянной основе. Поэтому, если российская компания начинает на постоянной основе совершать регулярные сделки с покупателями из стран АСЕАН, в том числе через местные маркетплейсы, это потребует открытия филиала, либо создания местной компании. Само по себе требование локализации компании, например, по Международной классификации нетарифных мер ЮНКТАД, не является нетарифным барьером, если только это не приводит к дополнительным ограничениям для иностранных компаний. В опыте стран АСЕАН можно выделить два типа ограничений, которые создают барьеры для регистрации иностранной компании.

Во-первых, это ограничения на иностранный капитал, либо установление требований к минимальному капиталу при регистрации компаний в сфере розничной торговли.

Так, в Лаосе³ при регистрации⁴ не допускается 100%-ное владение иностранцами компаний в сфере розничной торговли (допустимо до 70–90% в зависимости от размера капитала). Соответственно, российская компания не сможет открыть в Лаосе компанию, которая будет на 100% принадлежать российским владельцам. Таким образом, российские платформы или продавцы для регистрации компании будут вынуждены

¹ См.: Закон об иностранных инвестициях Филиппин 1991 г. – URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra1991/ra_7042_1991.html

² См.: Решение Верховного суда Манилы 6 февраля 1997 г. № 118843. – URL: https://lawphil.net/judjuris/juri1997/feb1997/gr_118843_1997.html

³ См.: Указ Лаоса по электронной торговле № 1296/GOV. – URL: <https://ilawasia.com/laos-e-commerce-business-license/>

⁴ См.: Решение об оптовой и розничной торговле Министерства промышленности и торговли Лаоса № 1005/MOIC.ITD. – URL: <https://www.laotradeportal.gov.la/en-gb/site/display/886>

делиться бизнесом с местными компаниями, чтобы получить право работать в сфере B2C-продаж, в том числе через платформы. Другой пример – Таиланд¹, где действует требование по получению лицензии на ведение деятельности в розничной торговле в Департаменте бизнеса Таиланда для иностранных компаний, а также для компаний, которые планируют создать местную дочернюю компанию с иностранным участием более 50%. Для получения лицензии потребуется минимальный капитал от 3 млн бат (~92,7 тыс. долларов).

Во-вторых, это требования к наличию местного/локального элемента в компании. В Малайзии², если иностранная компания хочет создать филиал, либо зарегистрировать дочернюю компанию с иностранным владением более чем 50%, она должна либо купить недвижимость для торговой деятельности (например, для открытия распределительного центра, склада или офиса), либо получить одобрение Комитета по дистрибуторской торговле. При этом для получения такого одобрения потребуется наличие акционеров из Малайзии, либо назначение директорами компании малайцев, найм персонала из Малайзии (допускается иметь только 15% низкоквалифицированных иностранных работников от общего числа сотрудников), использование местных аэропортов и портов для экспорта и импорта товаров, использование местных профессиональных услуг (например, услуг местных бухгалтеров, юристов) и пр.

Таким образом, можно говорить о высоком уровне ограничений в сфере дистрибуции (розничной торговле, электронной коммерции). Это подтверждает и Индекс ограничений регулирования прямых иностранных инвестиций ОЭСР. Среди стран мира Лаос занимает 2-е место, Филиппины – 5-е, Малайзия – 9-е, Индонезия – 12-е, Таиланд – 16-е по уровню ограничений иностранных инвестиций в сфере розничной торговли, обгоняя Китай – 16-е место. По подсчетам ЭСКАТО [11], среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона наиболее высокие ограничения на иностранную собственность в Индонезии, Лаосе и Таиланде (выше только у Индии, в Китае – ниже).

Подобные требования будут ограничивать возможности российских компаний по выходу на рынки стран АСЕАН, так как это потребует привлечения локальных партнеров, дополнительных издержек на получение различных лицензий и разрешений. Например, по оценкам ОЭСР, если бы страны АСЕАН хотя бы наполовину снизили количество ограниче-

¹ См.: Закон Таиланда о иностранном бизнесе, В.Е. 2542 1999 г. URL: <https://library.siam-legal.com/thai-law/foreign-business-act-general-sections-1-4/>

² См.: Руководство по участию иностранных инвесторов в дистрибуторских торговых услугах в Малайзии. – URL: <https://www.kpdn.gov.my/images/muat-turun/gp-2022-1.pdf>

ний на торговлю услугами, в том числе в цифровой сфере, то затраты иностранного бизнеса могли бы снизиться на 6–14% [8].

Выводы

Таким образом, можно отметить, что наиболее обременительные требования для торговли в сфере B2C электронной коммерции установлены в Индонезии (из-за требований по минимальной стоимости иностранных товаров), Вьетнаме, Лаосе, Мьянме, Камбодже, Малайзии, Филиппинах, Таиланде (из-за требований локализации компаний, необходимости получения лицензий, ограничений для иностранных инвестиций в секторе электронной коммерции и пр.).

Для того чтобы снизить влияние рассмотренных ограничений для упрощения торговли российских компаний со странами АСЕАН, требуется заключение соглашения между ЕАЭС и АСЕАН по цифровой торговле, в которое могут войти такие аспекты, как принятие мер по взаимному признанию лицензий на ведение бизнеса, на торговлю отдельными видами товаров и услуг, взаимному признанию электронных цифровых подписей (потребуется при регистрации компании), а также возможность создания единого окна для упрощенного режима регистрации компаний из стран ЕАЭС в АСЕАН и, наоборот, отказ от бумажного документооборота (например, обмен информацией между таможенными органами) и пр. Подобные соглашения заключаются Чили, Новой Зеландией, Сингапуром – Соглашение о партнерстве в области цифровой экономики.

Кроме того, возможно расширение сети российских торговых представительств в странах АСЕАН (на данный момент есть только в Индонезии), которые могут оказывать услуги помощи в регистрации компаний, уплате налогов, поиске партнеров и представителей в странах АСЕАН и пр. Российский экспортный центр (РЭЦ) совместно с торговыми представительствами может содействовать участию магазинов российских продавцов на крупных маркетплейсах, таких как Lazada, Shopee (в их программах для иностранных продавцов), через договоренности или заключение соглашений о сотрудничестве. Такую практику РЭЦ имеет в Китае: на 12 китайских маркетплейсах действуют 32 российских магазина [1]. Кроме того, возможна поддержка российских предприятий за счет введения дополнительных субсидий на покрытие затрат по регистрации и лицензированию в странах АСЕАН.

Список литературы

1. Россия и Китай расширяют сотрудничество в новых форматах, 2025. – URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/rossiya-i-kitay-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-novykh-formatakh-rets-na-pmef-2025/

2. 10 Largest Online Marketplaces in Southeast Asia, 2025. – URL: <https://www.tmogroup.asia/insights/must-know-southeast-asia-online-marketplaces/>.
3. *Afina Y.* Towards a Global Approach to Digital Platform Regulation: Preserving Openness Amid the Push for Internet Sovereignty: Research Paper. – London : Royal Institute of International Affairs, 2024. – URL: <https://doi.org/10.55317/9781784135935>
4. *Carnegie D.* The Impact of Non-Tariff Measures On Women's E-Commerce Businesses in Developing Countries : Technical and statistical report, 2024. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditc2024d1_en.pdf.
5. *Changanaqui F., Messerlin P.* The Economic Effects of Minimum Import Prices: With an Application to Uruguay : Working Papers, 1992. – URL: <https://sciencespo.hal.science/hal-03607576/document>
6. *Chen W.* Momentum Works' Ecommerce in Southeast Asia 2024 : report. – URL: <https://thelowdown.momentum.asia/new-report-ecommerce-in-southeast-asia-achieved-us114-6-billion-gmv-in-2023/>
7. *Deradjat A. A.* New Indonesian Regulation Attempts to Control Growth of 'Social Commerce', 2023. – URL: <https://www.abnrlaw.com/news/new-indonesian-regulation-attempts-to-control-growth-of-social-commerce-1>
8. Developing the OECD Services Trade Restrictiveness Index for ASEAN : report to the ASEAN Coordinating Committee on Services, 2022. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/services-trade-restrictiveness-index/measuring-the-regulatory-environment-for-services-trade-in-the-asean-region/Developing%20the%20ASEAN%20STRI_OECD_final.pdf.
9. *Ferracane M. F.* Digital Trade Restrictiveness Index, 2018. – URL: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2018/05/DTRI_FINAL.pdf.
10. *Hill R.* World First: Guide to selling on Lazada as an international seller, 2025. – URL: <https://www.worldfirst.com/nz/blog/ecommerce-seller-resources/selling-on-lazada/>
11. *Kaewkamol P.* Addressing digital protectionism in asean: towards better regional governance in the digital age, 2018. – URL: https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/03/PR180321_Addressing-Digital-Protectionism-in-ASEAN.pdf.
12. *Pandey A.* Digital Trade Regulatory Review for Asia-Pacific, Africa, and Latin America and the Caribbean, 2023. – URL: <https://dtri.uneca.org/assets/data/publications/ESCAP-2023-RP-Digital-trade-regulatory-review-Asia-Pacific-Africa-Latin-America-Caribbean-en.pdf>

13. Southeast Asia Cross-Border E-Commerce Market Size & Share Analysis – Growth Trends & Forecasts (2025–2030), 2025. – URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/southeast-asia-cross-border-e-commerce-market>.

References

1. Rossiya i Kitay rasshiryayut sotrudnichestvo v novykh formatakh [Russia and China Expand Cooperation in New Formats], 2025. (In Russ). Available at: URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/rossiya-i-kitay-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-novykh-formatakh-rets-na-pmef-2025/
2. 10 Largest Online Marketplaces in Southeast Asia, 2025. Available at: <https://www.tmogroup.asia/insights/must-know-southeast-asia-online-marketplaces/>.
3. Afina Y. Towards a Global Approach to Digital Platform Regulation: Preserving Openness Amid the Push for Internet Sovereignty: Research Paper. – London : Royal Institute of International Affairs, 2024. Available at: <https://doi.org/10.55317/9781784135935>
4. Carnegie D. The Impact of Non-Tariff Measures On Women's E-Commerce Businesses in Developing Countries : Technical and statistical report, 2024. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/ditc2024d1_en.pdf.
5. Changanaqui F., Messerlin P. The Economic Effects of Minimum Import Prices: With an Application to Uruguay : Working Papers, 1992. Available at: <https://sciencespo.hal.science/hal-03607576/document>
6. Chen W. Momentum Works' Ecommerce in Southeast Asia 2024 : report. Available at: <https://thelowdown.momentum.asia/new-report-e-commerce-in-southeast-asia-achieved-us114-6-billion-gmv-in-2023/>
7. Deradjat A. A. New Indonesian Regulation Attempts to Control Growth of 'Social Commerce', 2023. Available at: <https://www.abnrlaw.com/news/new-indonesian-regulation-attempts-to-control-growth-of-social-commerce-1>
8. Developing the OECD Services Trade Restrictiveness Index for ASEAN : report to the ASEAN Coordinating Committee on Services, 2022. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/services-trade-restrictiveness-index/measuring-the-regulatory-environment-for-services-trade-in-the-asean-region/Developing%20the%20ASEAN%20STRI_OECD_final.pdf.
9. Ferracane M. F. Digital Trade Restrictiveness Index, 2018. Available at: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2018/05/DTRI_FINAL.pdf.

10. Hill R. World First: Guide to selling on Lazada as an international seller, 2025. – URL: <https://www.worldfirst.com/nz/blog/ecommerce-seller-resources/selling-on-lazada/>

11. Kaewkamol P. Addressing digital protectionism in asean: towards better regional governance in the digital age, 2018. Available at: https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/03/PR180321_Addressing-Digital-Protectionism-in-ASEAN.pdf.

12. Pandey A. Digital Trade Regulatory Review for Asia-Pacific, Africa, and Latin America and the Caribbean, 2023. Available at: <https://dtri.uneca.org/assets/data/publications/ESCAP-2023-RP-Digital-trade-regulatory-review-Asia-Pacific-Africa-Latin-America-Caribbean-en.pdf>

13. Southeast Asia Cross-Border E-Commerce Market Size & Share Analysis – Growth Trends & Forecasts (2025–2030), 2025. Available at: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/southeast-asia-cross-border-e-commerce-market>.

Поступила: 29.09.2025

Принята к печати: 13.10.2025

Сведения об авторах

Гирич Мария Георгиевна

научный сотрудник Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России.
Адрес: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 119285, Москва, Воробьёвское ш., 8.
ORSID: 0000-0001-8093-2665
E-mail: girichmari@mail.ru

Левашенко Антонина Давидовна

старший научный сотрудник, и. о. заведующей лабораторией анализа лучших международных практик Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара.
Адрес: Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1.
ORCID: 0000-0003-2029-3667
E-mail: antonina.lev@gmail.com

Information about the authors

Maria G. Girich

Researcher of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.
Address: Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 8 Vorobyovskoe Highway, Moscow, 119285, Russian Federation.
ORSID: 0000-0001-8093-2665
E-mail: girichmari@mail.ru

Antonina D. Levashenko

Senior Researcher, Head of the Laboratory for Best International Practices Analysis, Gaidar Institute for Economic Policy.
Address: Gaidar Institute for Economic Policy, 3-5 Gazetny Lane, Bldg. 1, Moscow, 125993, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-2029-3667
E-mail: antonina.lev@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-133-144>

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В НАПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА И СБЫТА ЭФИРНЫХ МАСЕЛ

О. Н. Гутникова

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

Статья посвящена исследованию состояния ресурсной базы Российской Федерации и Республики Крым в отношении сырья для производства эфирных масел, оценки инфраструктуры регионального рынка парфюмерной и косметической продукции, в том числе по категории эфирных масел и резиноидов. Определены региональные производители, формирующие товарообеспечивающую систему рынка эфирных масел. Исследована статистическая информация, отражающая состояние отрасли растениеводства в направлении наращивания площадей, отведенных под выращивание многолетних и однолетних эфироносных культур. Рассмотрено состояние внешнеторговых операций, определены направления внешнеэкономической политики, касающиеся наращивания экспорта в страны-партнеры. Оценен экспортный потенциал страны и региона с позиции производства и сбыта эфирных масел, установлены потенциальные экспортеры региональной продукции. Отмечено сокращение объемов импорта эфирных масел и резиноидов, обусловленное наращиванием внутреннего производства. Определены инструменты государственного регулирования, направленные на поддержку отрасли и развитие экспорта.

Ключевые слова: экспорт, ресурсы, потенциал, производство, сбыт.

EXPORT POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN THE DIRECTION OF PRODUCTION AND SALES OF ESSENTIAL OILS

Olga N. Gutnikova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol. Russia

This article examines the resource base of the Russian Federation and the Republic of Crimea for essential oils and assesses the infrastructure of the regional perfume and cosmetics market, including essential oils and resinoids. Regional producers that form the supply chain for the essential oils market are identified. Statistical information reflecting the state of the crop production industry in terms of increasing the area allocated for growing perennial and annual essential oils is analyzed, and the dynamics of changes in the gross harvest of essential oil crops are noted. The status of foreign trade operations is examined, and foreign economic policy

directions for increasing exports to partner countries are identified. The export potential of the country and the region in terms of the production and sale of essential oils is assessed, and potential exporters of regional products are identified. A decrease in the volume of essential oils and resinoids imported is noted, due to an increase in domestic production. Government regulation instruments aimed at supporting the industry and developing exports are identified.

Keywords: export, resources, potential, production, sales.

Введение

Эфирные масла представляют собой нерастворимые в воде многокомпонентные жидкие смеси летучих органических соединений, содержащихся в эфиромасличных растениях, обуславливающие их ароматические свойства. Спектр их применения широк: они являются сырьем для производства парфюмерно-косметической продукции; входят в состав лекарственных препаратов, находят применение в качестве лечебно-профилактических средств при ароматерапии; используются в пищевой промышленности и производстве технических бытовых средств. Особенность эфирных масел – их способность отражать суть запаха растения (растений), из которого они получены. Все масла относятся к концентрированным жидкостям, слабо растворимым в воде, при этом хорошо растворимым в бензине, спирте, липидах и жирных маслах, что дает возможность использовать их в качестве ароматических веществ для производства ряда продукции химической промышленности. Особую роль эфирные масла играют при производстве парфюмерных и косметических товаров, именно они составляют основной объем цветочных композиций, придающих запах и аромат продукции [9. – 112].

Для Республики Крым производство эфирных масел уже много десятилетий является одной из самых потенциально значимых отраслей сельского хозяйства. Этому способствует широко развитая ресурсная база, наличие большого числа сельскохозяйственных угодий, используемых для выращивания эфироносков. На фоне окультуренного выращивания эфиромасличных растений в регионе имеет место наличие большого числа дикоросов, сбор и заготовка которых осуществляется местным населением. Разнообразие сырья, его высокое качество и наличие возможности переработки на местах сбора делают отрасль более рентабельной, привлекательной для инвестиций. Способствует развитию производства эфирных масел и высокий интерес со стороны зарубежных партнеров к продукции, стоимость которой значительно ниже, чем аналоги, представленные на мировом рынке. Этот аспект подтверждается существовавшими много лет связями региональных производителей с предприятиями стран Европы, ранее закупавшими сырье для производства известной парфюмерной продукции и косметики. Так, еще в советские годы массово осуществлялись поставки крымского масла лаванды, шал-

фея и розового масла во Францию и Германию. Как показывают архивные материалы, в 80-х гг. прошлого века средние объемы производства лавандового масла достигали 100 тыс. т, производство масла шалфея колебалось в пределах 15–10 тыс. т, а розового масла – достигало 2,0 тыс. т в год. Более половины продукции экспортировалось в Европу и Азию, что позволяло обеспечивать порядка 10% дохода регионального бюджета [6. – С. 38–39].

Распад Союза, сокращение инвестиций в отрасль, переориентация ряда производств на более дешевые синтетические эфирные масла к началу 2000 гг. практически уничтожили промышленность в Крыму. Впоследствии это оказало негативное влияние на сокращения поставок сырья в страны, которые были потенциальными партнерами. Отрасль, считавшаяся самой доходной и развитой, была практически уничтожена, сельскохозяйственные угодья в силу падения спроса на эфирносы были переведены под выращивание других культур, заготовка у населения прекращена, а также разрушена сама система региональной заготовительной деятельности [1– С. 23].

Толчок к развитию производства эфирных масел в регионе произошел после вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Реализация ряда программ импортозамещения, стратегического развития отраслей и комплексов позволила не только получить необходимое внешнее финансирование для восстановления производства, но и способствовала развитию внешнеэкономической деятельности, ориентируя экспортный потенциал в сторону стран Азии. Как итог, к 2025 г. в Республике Крым отмечается интенсивное восстановление отрасли, около 60% всех площадей возделывания эфирносов в России размещены именно в этом регионе.

Вместе с тем имеет место ежегодное увеличение посевных площадей, выделенных под эфирносы. Только за последние четыре года в регионе в рамках господдержки заложено более 400 га эфиромасличных культур. Как отмечают эксперты рынка, за счет инвестиций в отрасль восстанавливаются мощности таких крупных производителей, как Алуштинский эфиромасличный совхоз-завод, комбинат «Крымская роза», фито-завод «Радуга», растет число мелких перерабатывающих предприятий, развивается система фирменной торговли. На момент исследования в Крыму «культурно» выращивается около 25 наименований эфирносов, в том числе малораспространенных, таких как полынь Таврическая, шалфей Мускатный, мелисса, тимьян и др. [3; 5].

Особые изменения в отрасли коснулись внешнеэкономической деятельности. Интенсивно формируется интерес ряда стран Азии к региональной продукции. Так, в 2024 г. регион начал экспортировать эфирные масла в Индию, несколько крымских компаний подписали договоры с представителями Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). Предприя-

тие «Крымская натуральная коллекция» вышло со своей продукцией на рынки Казахстана и Китая [4].

Сейчас экспортный потенциал во многом обеспечивается за счет качества готового сырья, производство которого базируется на многолетнем опыте, а также кооперации производителей с научно-исследовательскими институтами, интенсивно занимающимися селекционными работами, уделяющими особое внимание повышению урожайности, устойчивости растений к низким температурам и засухам.

Как итог, региональное предложение по группе эфирных масел характеризуется балансом соотношения цена и качество, а разнообразие этого предложения формирует особый интерес в условиях развивающегося мирового рынка косметики и парфюмерии, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Результаты исследования

Как показал анализ официальной информации [7; 8], производство эфирных масел в Республике Крым является одной из самых динамично развивающихся областей промышленной переработки. К началу 2025 г. в регионе свою деятельность по производству эфирных масел осуществляют шесть предприятий, в том числе ООО «АФ «Тургеневская» (роза, лаванда, мята и кориандр), АО «Алуштинский эфиромасличный завод» (лаванда, роза, розмарин, шалфей, иссоп и кориандр), ООО «Эфир» (лаванда), ООО «Конкрет» (лаванда, шалфей, роза), ООО «Полиада-Крым» (чайное дерево, цитрусовые, хвойные, гвоздика и др.) и ООО «Тиара» (лаванда, роза, мята, шалфей, душица, зверобой, железница, чабрец, цикорий и др.). Часть из них относится к предприятиям полного цикла, осуществляющим самостоятельное обеспечение своей ресурсной базы за счет выращивания эфироносных. На производстве косметической и парфюмерной продукции, в составе которой используются местные эфирные масла, специализируются региональные крупные монополисты, такие как ООО «Крымская роза», НПФ «Царство ароматов», ООО «Крым-Аромат» и пр., благодаря чему региональный рынок более чем на 60% сформирован из местного предложения.

Ресурсное обеспечение переработки и производства эфирных масел характеризуется высокой потребностью – 90% выпускаемой продукции ориентировано на местное сырье. К началу 2024 г. посевные площади под эфиромасличными культурами в регионе достигли 85,8 тыс. га, из которых 1,4 тыс. га отведены под многолетние эфиромасличные насаждения (табл. 1). Ежегодно аграрии осуществляют закладку новых посадок, что увеличивает площади многолетних насаждений в среднем на 20–25%. Восстановление ресурсного потенциала связано с расширением выращивания лаванды (более 800 га насаждений), розы (более 110 га) и шалфея.

Среди однолетних эфиромасличных культур отрасль растениеводства специализируется на выращивании кориандра посевного, в 2024 г. под культурой было занято порядка 63 тыс. га посевных площадей. Регион также специализируется на выращивании таких однолетних культур, как анис, фенхель обыкновенный, тмин, мята перечная, чабер садовый и чабер горный, шалфей мускатный.

Т а б л и ц а 1

Потенциал Республики Крым в направлении ресурсного обеспечения эфиромасличной отрасли*

Показатель	Год					Прирост, %
	2019	2020	2021	2022	2023	
Площадь эфиромасличных культур в Республике Крым, тыс. га	27,6	38,9	43,8	64,0	85,8	210,9
Площадь эфиромасличных культур в Российской Федерации, тыс. га	51,8	68,1	85,6	94,6	103,0	98,8
Доля Республики Крым в общем объеме посевных площадей, %	53,3	57,1	51,2	67,7	65,0	22,0
Валовый сбор семян эфиромасличных культур в Республике Крым, тыс. т	23,92	20,65	57,36	69,08	70,30	193,9
Валовый сбор семян эфиромасличных культур в Российской Федерации, тыс. т	41,97	40,84	103,83	95,7	98,4	134,5
Доля Республики Крым в общем объеме валового сбора семян эфиромасличных культур, %	57,0	50,6	55,5	72,2	71,4	25,3
Валовый сбор цветочно-травянистой продукции эфиромасличных культур в Республике Крым, тыс. т	5,78	2,15	2,38	2,41	3,62	-37,4
Валовый сбор цветочно-травянистой продукции эфиромасличных культур в Российской Федерации, тыс. т	9,09	7,90	5,18	2,55	4,64	-49,0
Доля Республики Крым в общем объеме валового сбора цветочно-травянистой продукции эфиромасличных культур, %	63,6	27,2	45,9	94,5	78,0	22,6
Объемы производства эфирных масел в Республике Крым, т	24,2	51,3	82,5	76,8	225,0	829,8
Объемы производства эфирных масел в Российской Федерации, т	113,6	171,0	305,6	301,4	795,2	600,0
Доля Республики Крым в общем объеме производства эфирных масел, %	21,3	30,0	27,0	25,5	28,3	32,4

* Источники: [3]; Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. – URL: 82.rosstat.gov.ru (дата обращения: 10.09.2025); Рынок эфирных масел в России в 2024 году: динамика, ключевые игроки и тенденции. – URL: <https://маркетинговые-исследования.pf/news/rynok-efirnyh-masel-v-rossii-2017-2024/>

Так, выращивание культурных эфирносов позволяет обеспечить более чем на 300% ресурсную потребность региональных производителей. Это дает возможность не только производить продукцию из местного сырья, но и формирует условия для оптимального выхода региона на другие рынки. На основе данных официальной статистики можно сделать вывод, что за период 2019–2023 гг. объем производства эфирных масел в регионе вырос в восемь раз. В целом по России внутреннее производство указанной продукции увеличилось на 600%, чему способствовали переориентация ряда промышленных производств на отечественное сырье, рост спроса на эфирные масла в отраслях химической, парфюмерно-косметической и медицинской промышленности. Согласно статистическим данным, Крым в 2023 г. обеспечил 28,3% внутреннего производства эфирных масел, обойдя такие регионы, как Краснодарский край (25%) и Алтайский край (20%). Стоит отметить, что торговая марка «Эфирные масла Крыма» вошла в тройку российских лидеров, поднявшись на уровень таких заметных национальных игроков, как «Империя Ароматов» (Москва) и «Ароматика» (Санкт-Петербург). В данном контексте стоит обратить внимание на то, что возможности лидирования для торговой марки обеспечены уникальностью предложения, ориентированного на розовое и лавандовое эфирные масла, тогда как «Империя Ароматов» специализируется преимущественно на производстве хвойных масел из пихты и сосны, а «Ароматика» – на выпуске синтетических масел – аналогов натуральным.

На фоне роста переработки объемы площадей, отведенных под эфиромасличные культуры, показали рост за этот же период только в пределах 210%. Увеличение выхода масла из общего объема зеленой массы и семенного материала обеспечивается за счет развития новых технологий переработки, модернизации оборудования, повышения качества сырья.

В разрезе категорий прирост в 193,9% показали валовые сборы семян эфиромасличных культур, что позволило региону обеспечить 25,3% общего всероссийского урожая семян эфиромасличных культур и выйти на первое место среди регионов по урожайности эфирносов, а по категории семян кориандра – обеспечить более 50% внутренних потребностей. По категории цветочно-травянистой продукции эфиромасличных культур за последние 5 лет урожайность снизилась на 37,4%. Основная причина – недостаток насаждений многолетних эфирносов, уничтоженных после развала СССР, длительность и затратность их восстановления, а также отсутствие должного спроса на сырье со стороны перерабатывающих производств, большинство из которых ориентированы на использование синтетических эфирных масел. Однако этот показатель ниже, чем в целом по стране, где падение урожайности цветочно-

травянистой продукции эфиромасличных культур отмечено на уровне 49%. Тем не менее национальная отрасль показывает в последние три года значительный прирост урожайности сырья, а также стабильный и интенсивный рост переработки, что позволяет не только обеспечить внутренний спрос, но и сформировать высокий потенциал для наращивания экспорта эфирных масел в страны-партнеры.

Что касается экспорта эфирных масел, по России этот показатель в 2023 г. составил 851, млн долларов, при этом на страны ближнего зарубежья и страны СНГ пришлось более 60% вывезенной продукции (табл. 2)

Т а б л и ц а 2

Структура экспортно-импортных операций по категории эфирных масел и резиноидов в Российской Федерации*

Показатель	Год				Прирост, %
	2020	2021	2022	2023	
Экспорт эфирных масел и резиноидов в Российской Федерации – всего, млн долл.	522,2	655,3	746,3	851,9	63,1
Импорт эфирных масел и резиноидов в Российской Федерации – всего, млн долл.	618,7	599,7	769,5	564,7	-8,7
Коэффициент соотношения экспорта/импорта	0,84	1,09	0,97	1,51	79,8

* Источники: Анализ рынка эфирных масел в России в 2019–2023 гг., Прогноз на 2024–2028 гг. – URL: https://businessstat.ru/images/demo/essential_oils_russia_demo_businessstat.pdf (дата обращения: 16.09.2025); Торговля в России. 2023 : статистический сборник / Росстат. – М., 2023.

Из табл. 2 следует, что по России за четыре года экспорт эфирных масел и резиноидов увеличился на 63,1%, тогда как импорт показал отрицательный результат, сократившись за аналогичный период на 8,7%. Коэффициент соотношения экспорта и импорта эфирных масел составил в 2023 г. 1,51 по сравнению с 0,84 в 2020 г. Основная причина – сокращение импорта из ряда зарубежных стран, а также отдельных стран Азии. Как отмечает ряд экспертов, «...в 2018 году Германия обеспечивала 24,8% импорта эфирных масел и их компонентов. На долю Нидерландов приходилось 20,1% импорта, на Австрию – 9,5%, на Францию – 9,4%» [2. – С. 31]. К 2022 г. ситуация изменилась: 70% импорта эфирных масел и в целом парфюмерно-косметической продукции ввозилось из Франции, Китая и Индии, а к 2024 г. этот показатель сократился до 40%. На основании этого можно говорить о наращивании экспортного потенциала страны в отношении эфирных масел и их составляющих.

В разрезе регионов отметим, что по Республике Крым экспорт эфирных масел остается минимальным. Причина связана с ограничениями и санкциями, введенными в рамках произошедших политических

событий. Например, в 2020 г. объем экспорта товаров указанной группы составил только 261,81 тыс. долларов (менее 0,5% от общего объема российского экспорта данных товаров)¹. При этом в 2023 г. прирост экспорта указанной группы товаров был отмечен в пределах 458%. На фоне общего увеличения производства и восстановления промышленности объемы вывоза эфирных масел и их компонентов из региона показали интенсивную положительную динамику. Как следует из официальных данных, в 2023 г. вывоз парфюмерной и косметической продукции из региона составил 1,04 млрд рублей, что на 35% больше показателя 2019 г., из них более 40% – группа эфирных масел, на которые пришелся основной объем прироста вывоза (рисунок).

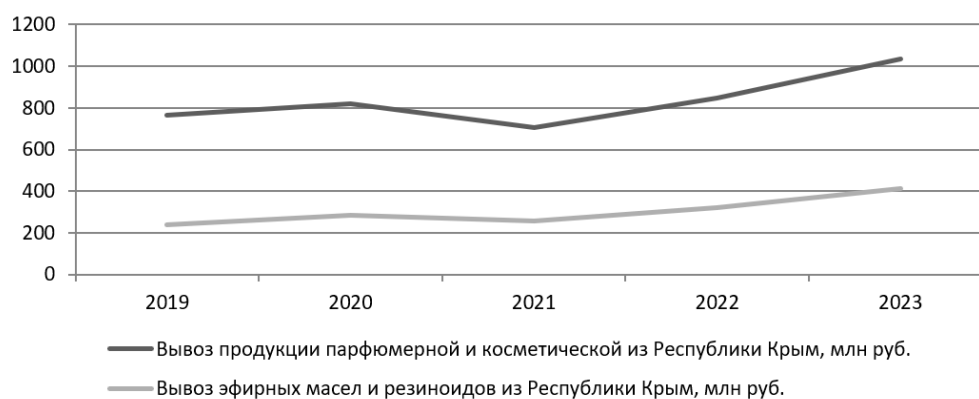

Рис. Динамика изменения объемов вывоза продукции из Республики Крым²

Как следует из рисунка, по категории эфирных масел и резиноидов объем вывоза продукции за пять лет увеличился более чем на 70%, чему способствовало наращивание сотрудничества со странами Азии и Южной Америки.

В 2025 г. крымская делегация в рамках расширения торгово-экономического сотрудничества посетила Венесуэлу с целью формирования новых экономических связей в направлении экспорта региональной продукции и развития морских перевозок. С 2022 г. уже осуществляются поставки эфирного масла лаванды и розы в Китай, с 2024 г. – в Индию.

¹ Статистика внешней торговли России. – URL: <https://statimex24.ru/statistic/33/export/2020-2020/world/35/> (дата обращения: 17.09.2025).

² Республика Крым в цифрах, 2023 : краткий статистический сборник / Крымстат. – Симферополь, 2024.

Особое значение для наращивания объемов готовой продукции оказывает реализуемый инструментарий государственной поддержки, согласно которому только в 2022 г. было выделено 45 млн рублей для предприятий отрасли, выращивающих эфирносы. Для развития региональных производителей Фондом поддержки предпринимательства Крыма создан агропромышленный биотехнологический кластер, позволяющий объединить производственные предприятия данной отрасли для поиска новых оптимальных путей развития и обмена опытом.

Особую роль в наращивании экономического и ресурсного потенциала играет ФГБУН «НИИ сельского хозяйства Крыма», ведущий научные исследования и разработки, а также предприятия, занимающиеся производством косметики на основе натуральных ингредиентов, обеспечивающих спрос на основной объем производимого сырья. Как итог, по прогнозам, к 2030 г. регион может нарастить экспортный потенциал по категории эфирных масел и резиноидов до уровня 15–16% от общего объема импортных операций, осуществляемых по указанной группе в рамках общей национальной экономики.

Стоит также отметить роль государственных регуляторов внешне-экономических сделок в рамках экспорта и импорта эфирных масел и резиноидов. Так, с целью поддержки и наращивания экспорта эфирных масел ужесточены требования к фитосанитарному контролю при ввозе и вывозе товаров, входящих в фитосанитарную группу. Для ограничения ввоза в страну некачественных товаров, не соответствующих национальным регламентам, введены требования к наличию сопроводительных документов, в том числе деклараций и сертификатов качества. В ряде источников отмечается, что «...для поддержки отечественных предприятий и обеспечения условий программ импортозамещения, сокращения импорта на фоне увеличения экспорта предусмотрены компенсационные выплаты, которые предоставляются экспортерам в целях частичного возмещения фактических затрат на производство и транспортировку продукции» [3. – С. 182]. В целом весь инструментарий государственного регулирования направлен на формирование экспортного потенциала производства эфирных масел как по стране, так и по регионам, а также создание условий для выхода отечественных производителей на перспективные мировые рынки.

Заключение

Эфиромасличная отрасль России – одна из приоритетных отраслей сельского хозяйства, обеспечивающих надежный ресурсный потенциал для перерабатывающих предприятий, специализирующихся на производстве эфирных масел, служащих основным сырьем для парфюмерно-косметической продукции, входящих в состав целого перечня продукции

химической промышленности, являющихся ингредиентами ряда медицинских препаратов. По прогнозам экспертов, к 2026 г. национальный рынок эфирных масел может достичь 8–9 млрд рублей, что позволит нарастить экспорт продукции и стабилизировать зависимость от импортного сырья, переориентировав перерабатывающие предприятия на внутренние ресурсы.

В рамках страны особое влияние на развитие отрасли оказывает Республика Крым, являющаяся основоположником производства эфиромасличной продукции. Наличие значительных объемов многолетних и однолетних насаждений культурных эфироносков и дикоросов, имеющийся опыт в переработке, развитие конгломерации перерабатывающих предприятий с научными институтами, позволяют увеличивать выход готового сырья, что делает отрасль более рентабельной и привлекательной для инвестирования.

Как показало исследование, за последние пять лет производство эфирных масел вышло на небывалый ранее уровень. По отдельным статьям отмечается прирост урожайности и производства эфирных масел более чем в 5–6 раз. Полная обеспеченность внутреннего спроса формирует потенциал для наращивания экспорта. Это подтверждено уже налаженными хозяйственными связями со странами Южной Америки, Азии, наличием поставок в ряд стран СНГ.

Таким образом, сохранение существующих тенденций, реализация мер поддержки государственных регуляторов приведут к тому, что отрасль для региона может стать наиболее перспективным драйвером экономического роста, повышающим значимость региона для национальной экономики.

При этом качество крымской продукции на фоне сбалансированности ценового предложения делает отрасль особо привлекательной для стран-партнеров, торговая политика которых направлена на формирование долгосрочных хозяйственных связей.

Список литературы

1. Горбунова К.В., Вечирко О. Н. Перспективы возрождения эфиромасличной отрасли в Республике Крым // Развитие Крыма: проблемы и перспективы : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. – Симферополь : НОО «Профессиональная наука», 2016. – С. 23–30.
2. Демченко Н. П., Вердыш М. В., Попова А. А., Полякова Н. Ю. Анализ показателей импорта и экспорта эфирных масел Российской Федерацией // Ученые записки Крымского федерального университета имени

В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2019. – Т. 5 (71). – № 4. – С. 28–35.

3. Комплексный механизм управления развитием эфиромасличного производства в Республике Крым : монография. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023.

4. Крымская роза и лаванда уходят на Восток. – URL: https://octagon.media/ekonomika/krymskaya_roza_i_lavanda_uxodyat_na_vostok.html (дата обращения: 01.09.2025).

5. Крымские фермеры, выращивающие лекарственные и эфиромасличные культуры, получают господдержку из федерального бюджета - Андрей Рюмшин. – URL: <https://msh.rk.gov.ru/articles/e9b5f90e-3aa9-4dad-9ad6-49637cc08fb5> (дата обращения: 01.09.2025).

6. Паитецкий В. С., Невкрытая Н. В., Мишинев А. В. История, современное состояние и перспективы развития эфиромасличной отрасли // Аграрный вестник Урала. – 2017. – № 11(165). – С. 37–46.

7. Производители эфирных масел Крыма. – URL: <https://productcenter.ru/producers/r-krym-229/catalog-efirnyie-masla-2307> (дата обращения: 10.09.2025).

8. Производство эфирных масел в Крыму. – URL: <https://b2b.house/companies/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC/okved/20.53/> (дата обращения: 10.09.2025).

9. Суздальцева А. В. Эфирные масла и их антибактериальные свойства // Молодой ученый. – 2024. – № 25 (524). – С. 112–114.

References

1. Gorbunova K. V., Vechirko O. N. Perspektivy vozrozhdeniya efiromaslichnoy otrasli v Respublike Krym [Prospects for the Revival of the Essential Oil Industry in the Republic of Crimea]. *Razvitie Kryma: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Development of Crimea: Problems and Prospects: Collection of Scientific Papers on the Materials of the 1st International Scientific and Practical Conference]. Simferopol, NOO «Professionalnaya nauka», 2016, pp. 23–30. (In Russ.).

2. Demchenko N. P., Verdysh M. V., Popova A. A., Polyakova N. Yu. Analiz pokazateley importa i eksporta efirnykh masel Rossiyskoy Federatsiey [Analysis of Import and Export Indicators of Essential Oils by the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie* [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management], 2019, Vol. 5 (71), No. 4, pp. 28–35. (In Russ.).

3. Kompleksniy mekhanizm upravleniya razvitiem efiromaslichnogo proizvodstva v Respublike Krym [Integrated Mechanism for Managing the Development of Essential Oil Production in the Republic of Crimea], monografiya. – Simferopol, IT «ARIAL», 2023. (In Russ.).

4. Krymskaya roza i lavanda ukhodyat na Vostok [Crimean Rose and Lavender Are Heading East]. (In Russ.). Available at: [https:// octagon. media/ekonomika/krymskaya_roza_i_lavanda_ukhodyat_na_vostok.html](https://octagon.media/ekonomika/krymskaya_roza_i_lavanda_ukhodyat_na_vostok.html) (accessed 01.09.2025).

5. Krymskie fermery, vyrashchivayushchie lekarstvennye i efiromaslichnye kultury, poluchat gospodderzhku iz federalnogo byudzheta [Crimean Farmers Growing Medicinal and Essential Oil Crops Will Receive State Support from the Federal Budget]. (In Russ.). Available at: <https://msh.rk.gov.ru/articles/e9b5f90e-3aa9-4dad-9ad6-49637cc08fb5> (accessed 01.09.2025).

6. Pashtetskiy V. S., Nevkrytaya N. V., Mishnev A. V. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya efiromaslichnoy otrasli [History, Current State and Development Prospects of the Essential Oil Industry]. *Agrarniy vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 2017, No. 11 (165), pp. 37–46. (In Russ.).

7. Proizvoditeli efirnykh masel Kryma [Essential Oil Producers in Crimea] (In Russ.). Available at: <https://productcenter.ru/producers/r-krym-229/catalog-efirnyie-masla-2307> (accessed 10.09.2025).

8. Proizvodstvo efirnykh masel v Krymu [Essential Oil Production in Crimea]. (In Russ.). Available at: <https://b2b.house/companies/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC/okved/20.53/> (accessed 10.09.2025).

9. Suzdaltseva A. V. Efirnye masla i ikh antibakterialnye svoystva [Essential Oils and their Antibacterial Properties]. *Molodoy ucheniy* [Young Scientist], 2024, No. 25 (524), pp. 112–114. (In Russ.).

Поступила: 23.09.2025

Принята к печати: 13.10.2025

Сведения об авторе

Ольга Николаевна Гутникова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга, торгового
и таможенного дела института экономики
и управления КФУ им. В. И. Вернадского.
Адрес: ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского»,
295023, Республика Крым,
Симферополь, ул. Севастопольская 21/4.
E-mail: vechirko15@mail.ru

Information about the author

Olga N. Gutnikova

PhD, Associate Professor
of the Department of Marketing, Trade
and Customs Affairs of the Institute
of Economics and Management
of the Vernadsky CFU.
Address: V. I. Vernadsky Crimean Federal
University, 21/4 Sevastopolskaya Street,
Republic of Crimea, Simferopol, 295023,
Russian Federation
E-mail: vechirko15@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-145-154>

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ НА ПРИМЕРЕ ЕАЭС

Е. Л. Агибалова, Н. В. Каржанова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Исследование процессов развития взаимной (внутрирегиональной) торговли стран – участниц интеграционных объединений значительно актуализировалось в настоящее время под влиянием ряда мировых тенденций – фрагментации, цифровизации, необходимости более активно обеспечивать национальные экономические интересы. Цель статьи – проанализировать мировой опыт развития торговли в рамках интеграционных объединений различных макрорегионов и, сконцентрировав внимание на ЕАЭС, исследовать взаимные торговые процессы в объединении с точки зрения факторов, влияющих на них. Объект исследования – проблемы во взаимной торговле в рамках ЕАЭС в условиях роста глобальной нестабильности. В статье проведено исследование аналитических материалов и объективных статистических данных по взаимной торговле на пространстве ЕАЭС. Определены ключевые факторы, способствующие расширению торговли в странах – участницах Евразийского экономического союза. По мнению авторов, исследование внутрорегиональных торгово-экономических связей в ЕАЭС в контексте растущей неустойчивости мировой экономики может играть значимую практическую роль с точки зрения разработки и реализации концепций приспособления стратегий интеграции и торговли к имеющимся и возникающим изменениям. Авторы приходят к выводу о том, что глобальная нестабильность оказывает неоднозначное воздействие на региональные процессы взаимной торговли как в мире в целом, так и в рамках ЕАЭС, создавая не только проблемы для интеграционной торговли, но и новые возможности развития.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция, фрагментация, интеграционное объединение, внутрорегиональная торговля, Евразийский экономический союз, глобальные макрорегионы, глобальные тенденции.

INTRAREGIONAL TRADE: THE ESSENCE AND MAIN OBJECTIVES ON THE EXAMPLE OF THE EAEU

Elena L. Agibalova, Natalya V. Karzhanova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The study of the development of mutual (intraregional) trade in the member countries of integration associations has been significantly updated at the present time under the influence of a number of global trends – fragmentation, digitalization, the need to more actively ensure

national economic interests. The purpose is to analyze the global experience of trade development within the framework of integration associations of various macroregions, and also, focusing on the EAEU, to explore mutual trade processes in the association in terms of factors influencing them, prospects and problems. The object of the study is problems in mutual trade within the EAEU in the context of growing global instability. The article analyzes analytical materials and objective statistical data on mutual trade in the EAEU area. The authors have identified key factors contributing to the expansion of trade in the member countries of the Eurasian Economic Union. According to the authors, the study of intraregional trade and economic relations in the EAEU in the context of the growing instability of the global economy can play a significant practical role in terms of developing and implementing concepts for adapting integration and trade strategies to existing and emerging changes. The authors conclude that global instability has a disparate impact on regional mutual trade processes both in the world as a whole and within the EAEU, creating not only problems for integration trade, but also new development opportunities.

Keywords: regional economic integration, fragmentation, integration association, intraregional trade, Eurasian Economic Union, global macroregions, global trends.

Введение

В последнее время в мире процессы региональной экономической интеграции (фрагментации) значительно усиливаются [3], приобретая новые характеристики, тенденции, создавая новые возможности для стран, прежде всего в сфере торговли [12; 13].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – это международно признанное экономическое интеграционное объединение, площадь которого составляет 20 млн м², а количество жителей – 183 млн человек, или 2,6% от общей численности населения Земли. Объединение вызывает широкий резонанс своей деятельностью и соответствующий научный интерес в различных аспектах [1; 8; 10].

Важнейшим направлением интеграционного сотрудничества стран – участниц ЕАЭС остается торговля между ними, что соответствует как современной экономической теории, так и международной практике. Взаимная торговля стран всегда выступает важнейшим объединяющим элементом и приносит выгоду всем сторонам в силу того, что страны участвуют в ней на основе наиболее выгодных для них направлений специализации и обмена.

В статье 4 Договора о ЕАЭС закреплены основные цели объединения, которые включают формирование единого рынка товаров и услуг, единого рынка капитала и рабочей силы¹. Кроме того, на основе разноплановой гармонизации законодательства в части взаимной торговли и других форм интеграции между Россией, Беларусью, Арменией, Казах-

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 25 мая 2023 г.) (с изм. и доп., вступившими в силу с 24 июня 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

станом и Киргизией осуществляется культурное, научно-техническое, инновационное, транспортное и политическое взаимодействие. Совокупность этого комплексного евразийского кросс-границного сотрудничества сохраняет высокую степень важности для экономического роста всех стран ЕАЭС, а также для того, чтобы в условиях роста разноплановых вызовов мирового уровня совместными усилиями более эффективно противостоять им и повышать конкурентоспособность своих экономик и интеграционного блока в целом. Поэтому процессы гармонизации продолжают развиваться с учетом принципа сохранения национального суверенитета каждой из стран-участниц.

В то же время интеграционные процессы углубляются и в других сферах, таких как инновации, технологии, цифровизация [11], что отражается и на взаимной торговле. В частности, эксперты обращают внимание на рост и качественное развитие глобальной тенденции цифровизации, затрагивающей в той или иной степени все макрорегионы и страны мира [8].

Результаты исследования

ЕАЭС как экономический союз был создан в 2015 г., в то время как экономическая, техническая, промышленная, транспортная, энергетическая, образовательная база для его развития была заложена еще в годы СССР. На протяжении длительного периода, будучи в прошлом составными частями единого государства (СССР), страны сформировали единые промышленные стандарты, единую энергетическую и транспортную системы, образовательные стандарты, а также (в 1990-е гг. и до 2015 г.) создали прочные кооперационные связи в первую очередь между государственными предприятиями (в меньшей степени это касается субъектов хозяйствования, которые относятся к малому и среднему бизнесу). Это позволяет странам ЕАЭС шире и эффективнее использовать наработанные в годы СССР и сохранившиеся до настоящего времени преимущества взаимодополнения, а также решать во многом общие проблемы и задачи, такие как устойчивый экономический и социальный рост, развитие инновационной составляющей, диверсификация национальных хозяйств, обновление транспортной, энергетической, производственной, социальной инфраструктуры, развитие рыночных принципов и институтов, в том числе и финансовых. На основе взаимной торговли страны – члены ЕАЭС в результате трансфера технологий, экспорта и импорта, важных с точки зрения национальных экономик товаров и услуг, формирования новых устойчивых кооперационных и производственных связей, эффективно решают эти задачи. Межнациональный деловой совет, кооперация представителей бизнес-сообществ, обмен делегациями обеспе-

чивают постоянные деловые контакты для выявления новых возможностей и сохраняющихся трудностей в интеграционном процессе¹.

Причем интеграционные процессы в ЕАЭС развиваются как сверху, путем принятия тех или иных решений государствами – участниками организации, направленными на укрепление и развитие взаимодействия, особенно торговли, так и снизу благодаря более или менее успешным попыткам отдельных предприятий, а также граждан, стремящихся найти возможности для выхода на внутренние рынки стран-партнеров на основе взаимной выгоды и с учетом национальных экономических, культурных, исторических и других особенностей и традиций. При этом экономическая интеграция, в частности, взаимная торговля, строится на принципах открытого регионализма, предполагающего отсутствие основополагающих препятствий для развития торговли ЕАЭС и отдельных его стран, с третьими государствами – региональными и внерегиональными. Такая политика содействует социально-экономическому прогрессу в отдельных странах объединения [9] и в целом в ЕАЭС

На основе взаимной торговли и постепенного устранения тех ограничений тарифного и нетарифного характера, которые каждая страна формирует для обеспечения экономической безопасности и поддержки национального товаропроизводителя и потребителя [2], интеграционное объединения качественно развивается, переходя от зоны свободной торговли к Таможенному союзу и общему рынку. Каждый последующий шаг существенно облегчает взаимную торговлю участников интеграционного объединения, создавая уже на этапе общего рынка возможности для того, чтобы товары (а также капитал и рабочая сила) могли перемещаться в едином экономическом пространстве [7].

В этой связи именно внутрирегиональная взаимная торговля в интеграционном объединении в наибольшей степени позволяет оценить уровень и качество развития интеграционного процесса². Она показывает, насколько глубоким и эффективным является региональное взаимодействие. Со своей стороны ВТО, ЮНКТАД, а также отдельные страны уделяют пристальное внимание изучению этого аспекта в региональной интеграции.

Так, база данных ЮНКТАД аккумулирует данные о доле внутрирегиональной торговли (экспорта и импорта) в общем объеме международной торговли (экспорта и импорта) стран того или иного макрорегиона

¹ См.: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 9 декабря 2022 г. № 17 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2023 год. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22vr0017/?ysclid=mckisl9gx155006324>

² См.: Шкваря Л. В. Международная экономическая интеграция : учебное пособие. – М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019.

для сравнения динамики внутрорегиональной торговли, ее объемов в стоимостном выражении, что позволяет качественно анализировать эти процессы в долгосрочном периоде.

В таблице показана динамика доли внутрорегионального экспорта в общем объеме экспорта по основным макрорегионам мира.

Изменение доли внутрорегиональной торговли в 2014–2023 гг.* (в %)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Африка	16,29	19,0	18,53	17,19	17,15	16,78	17,47	14,97	14,71	15,88
Азия	61,34	59,95	59,2	59,83	59,96	59,52	58,56	58,67	58,48	57,93
Америка	56,34	56,04	55,26	54,9	54,66	54,01	52,57	53,35	54,2	54,51
Европа	68,03	66,81	68,24	68,18	68,44	67,95	68,08	68,63	68,5	68,18

* Составлено по: URL:<https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/>

Из статистических данных, приведенных в таблице, можно сделать вывод о том, что наиболее высокая доля внутрорегионального экспорта в исследуемом периоде имела место в Европе. Таким образом, статистические данные подтверждают и экспертные оценки интеграционного процесса в Европейском союзе как наиболее развитом в мире.

Самый низкий показатель внутрорегиональной торговли сохраняется в Африке, что можно объяснить ориентацией экономики и внешней торговли стран континента на государства – бывшие метрополии, которые создавали на протяжении столетий структуру как хозяйственных систем, так и внешнеторговых потоков. Поэтому как результат неразвитой региональной торговли уровень интеграции остается низким, а экономическое и социальное развитие испытывает трудности. При этом доля внутрорегиональной торговли дифференцирована по годам, а на ее величину влияют и внешние факторы¹.

Так, снижение удельного веса внутрорегиональной торговли в Африке как наименее экономически развитом континенте мира в 2021–2022 гг. стало результатом глобальной ковидной рецессии, повлиявшей на мировое производство и сократившей глобальные торговые, финансовые и туристические потоки. Нивелирование или смягчение негативного глобального влияния требуют укрепления интеграции, поскольку расширение взаимной торговли в интеграционном объединении содействует развитию национальных экономик, в том числе и новых, более современных производств, транспорта и связи, совместных проектов и их совокупного финансирования.

¹ Международная торговая политика : учебник для бакалавриата и магистратуры : в 2 ч. – Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс. – Ч. 1. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018.

Все эти процессы обуславливают улучшение отраслевой структуры экономики, роста ее производительности и конкурентоспособности как интеграционного блока, так и его участников. Именно поэтому у стран Америки и Азии такого снижения доли взаимной торговли в 2021–2022 гг. не наблюдалось – их интеграционные процессы оказались более устойчивыми. Вместе с тем в Европе резкая экономическая турбулентность в большей степени, чем внешние факторы, негативно отражается на интеграционном процессе.

В ЕАЭС наращивание взаимного товарооборота (количественный показатель) может привести к ряду качественных изменений, таких как технологическая кооперация, что обеспечит рост доли производимой в национальных экономиках высокотехнологичной продукции. Во внешней торговле оно в большей степени будет соответствовать общемировым векторам развития, особенно в условиях необходимости декарбонизации, цифровизации и др. В то же время сегодня страны ЕАЭС в основном специализируются на производстве и экспорте различных видов сырья, в том числе переработанного, а также трудоемкой и ресурсозатратной промышленной продукции [5]. В свою очередь западноевропейские санкции неоднозначно воздействуют на интеграционный процесс в ЕАЭС [4].

Следовательно, при подведении промежуточных итогов можно говорить о том, что взаимная торговля в региональном интеграционном объединении влияет на социально-экономические процессы, внешнюю торговлю, а также испытывает на себе влияние внутренних (страновых и региональных) и внешних факторов (глобализации, стимулирующей в настоящее время различные формы нестабильности). По мнению экспертов, сегодня в мире растет тенденция к укреплению интеграционных региональных процессов и торговли. Это может положительно повлиять на национальные экономические, социальные и политические процессы, а также решить сохраняющиеся и вновь появляющиеся задачи [3].

По мнению ряда исследователей, эти процессы оказывают растущее (причем зачастую целенаправленное) влияние на интеграционную ситуацию в ЕАЭС.

Заключение

Таким образом, исследование подтверждает, что глобальная нестабильность в целом негативно воздействует на интеграционные процессы, в том числе в ЕАЭС, так как Россия и Беларусь являются подсанкционными странами, а это – две крупнейшие экономики ЕАЭС, «состояние здоровья» которых, особенно России, прямо и косвенно влияет на интеграционный процесс, торговлю, социально-экономическую динамику стран – партнеров по объединению. Они обостряют интеграционную

турбулентность ЕАЭС и других интеграционных объединений в мировых макрорегионах и трансформируют торговлю между странами-участницами, изменяя ее характеристики. По мнению экспертов, и с этим можно полностью согласиться, «Изучение особенностей взаимной торговли в ЕАЭС может обеспечить более глубокое понимание тех возможностей и сильных сторон, а также направлений взаимодействия, которые обеспечили бы перспективные и эффективные векторы развития, поскольку мы исходим из той точки зрения, что, несмотря на существующие трудности, перспектива дальнейшей евразийской интеграции остается привлекательной, поскольку именно объединение усилий позволит каждому государству реализовать потенциал своего роста» [11. – С. 378].

Список литературы

1. Бяшарова А. Р. Внешняя торговля России и Казахстана и роль внешнеторговой политики ЕАЭС // Большое Евразийское партнерство: стратегия и тактика : материалы Российской научно-практической конференции с международным участием и Ежегодного круглого стола студентов и аспирантов. – М., 2022. – С. 34–38.
2. Ильясов П. В., Андреева Е. Л. Влияние нетарифного регулирования на международную торговлю ЕАЭС в условиях усиления протекционизма // Россия и Азия. – 2023. – № 3 (25). – С. 51–57.
3. Крайнов Г. Н. Глобализация и регионализация как векторы мирового развития // Никита Моисеев и современный мир : доклады и материалы конференции. К 30-летию научной школы и МНЭПУ. Москва, 10 ноября 2022 года. – М. : Российская академия наук, 2023. – С. 93–97.
4. Меланьина М. В. Экономические санкции в мировой экономике: теоретические аспекты // Мировая экономика в XXI веке : Value and Values : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. И. А. Айдрус. – М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 100–104.
5. Миничкова В. С. Стимулы и противоречия сотрудничества стран Евразийского экономического союза в энергетической сфере // Вестник Евразийской науки. – 2023. – № 5 (15). – С. 1–12.
6. Новые тренды цифровизации: мир и Россия. – М. : Инфра-М, 2023.
7. Огнева Н. Ф., Броян И. В. Развитие интеграционных процессов стран-членов Евразийского экономического союза // Вестник Евразийской науки. – 2022. – № 3 (14). – С. 1–12.
8. Харитонова Н. И. Актуальная повестка для ЕАЭС // Постсоветские исследования. – 2023. – № 8 (6). – С. 880–889.

9. Чиниев Д. Б. Таджикистан: анализ макроэкономической ситуации и современные тенденции // Россия и Азия. – 2024. – № 2 (28). – С. 81–91.

10. Шкваря Л. В., Асмятуллин Р. Р. Проблемы взаимосвязи климатической повестки и экономического роста в ЕАЭС // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2023. – № 113–114. – DOI: 10.26653/1993-4947-2023-113-114-02

11. Шкваря Л. В. Технологические платформы как предпосылка устойчивого развития стран СНГ в посткризисный период // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2011. – № 4. – С. 374–378.

12. Rethinking Development in the Age of Discontent : Trade and Development Report, 2024. – URL: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2024>

13. World Trade Report 2024 – Trade and Inclusiveness: How to make Trade Work for All. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr24_e.htm

References

1. Byasharova A. R. Vneshnyaya trgovlya Rossii i Kazakhstana i rol vneshnetorgovoy politiki EAES [Foreign Trade between Russia and Kazakhstan and the Role of the EAEU Foreign Trade Policy]. *Bolshoe Evraziyskoe partnerstvo: strategiya i taktika: materialy Rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem i Ezhegodnogo kruglogo stola studentov i aspirantov* [The Great Eurasian Partnership: Strategy and TACTIC, materials of the Russian Scientific and Practical Conference with International Participation and the Annual Round Table of Students and Postgraduates]. Moscow, 2022, pp. 34–38. (In Russ.).

2. Ilasov P. V., Andreeva E. L. Vliyanie netarifnogo regulirovaniya na mezhdunarodnuyu trgovlyu EAES v usloviyakh usileniya protektsionizma [The Impact of Non-Tariff Regulation on the International Trade of the EAEU in the Context of Increased Protectionism]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 3 (25), pp. 51–57. (In Russ.).

3. Kraynov G. N. Globalizatsiya i regionalizatsiya kak vektory mirovogo razvitiya [Globalization and Regionalization as Vectors of World Development]. *Nikita Moiseev i sovremenniy mir: doklady i materialy konferentsii. K 30-letiyu nauchnoy shkoly i MNEPU* [Nikita Moiseev and the Modern World: Reports and Conference Materials. Dedicated to the 30th Anniversary of the Scientific School and MNEPU]. Moscow, 10 November, 2022. Moscow, Rossiyskaya akademiya nauk, 2023, pp. 93–97. (In Russ.).

4. Melanina M. V. Ekonomicheskie sanktsii v mirovoy ekonomike: teoreticheskie aspekty [Economic Sanctions in the Global Economy: Theoretical Aspects]. *Mirovaya ekonomika v XXI veke: Value and Values: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The World Economy in the 21st Century: Value and Values: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], edited by I. A. Aydrus. Moscow, Rossiyskiy universitet druzhby narodov (RUDN), 2019, pp. 100–104. (In Russ.).

5. Minchichova V. S. Stimuly i protivorechiya sotrudnichestva stran Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza v energeticheskoy sfere [Incentives and Contradictions of Cooperation between the Countries of the Eurasian Economic Union in the Energy Sector]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2023, No. 5 (15), pp. 1–12. (In Russ.).

6. Novye trendy tsifrovizatsii: mir i Rossiya [New Trends in Digitalization: the World and Russia]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ.).

7. Ogneva N. F., Broyan I. V. Razvitie integratsionnykh protsessov stran – chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Development of Integration Processes in the Member Countries of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2022, No. 3 (14), pp. 1–12. (In Russ.).

8. Kharitonova N. I. Aktualnaya povestka dlya EAES [The Current Agenda for the EAEU] *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2023, No. 8 (6), pp. 880–889. (In Russ.).

9. Chiniev D. B. Tadzhikistan: analiz makroekonomicheskoy situatsii i sovremennye tendentsii [Tajikistan: Analysis of the Macroeconomic Situation and Current Trends], *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 2 (28), pp. 81–91. (In Russ.).

10. Shkvarya L. V., Asmyatullin R. R. Problemy vzaimosvyazi klimaticheskoy povestki i ekonomicheskogo rosta v EAES [Problems of Interrelation of the Climate Agenda and Economic Growth in the EAEU] *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2023, No. 113–114. (In Russ.). DOI: 10.26653/1993-4947-2023-113-114-02

11. Shkvarya L. V. Tekhnologicheskie platformy kak predposylka ustoychivogo razvitiya stran SNG v postkrizisniy period [Technological Platforms as a Prerequisite for Sustainable Development of the CIS Countries in the Post-Crisis Period] *Gorniy informatsionno-analiticheskiy byulleten (nauchno-tekhnicheskii zhurnal)* [Mining Information and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal)], 2011, No. 4, pp. 374–378. (In Russ.).

12. Rethinking Development in the Age of Discontent : Trade and Development Report, 2024. – URL: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2024>

13. World Trade Report 2024 – Trade and Inclusiveness: How to make Trade Work for All. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr24_e.htm

Поступила: 31.08.2025

Принята к печати: 31.10.2025

Сведения об авторах

Елена Леонидовна Агибалова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Agibalova.EL@rea.ru

Наталья Викторовна Каржанова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Karzhanova.NV@rea.ru

Information about the authors

Elena L. Agibalova
PhD, Associate Professor
of the Department of Foreign
Languages N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Agibalova.EL@rea.ru

Natalya V. Karzhanova
PhD, Associate Professor
of the Department of Foreign
Languages N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Karzhanova.NV@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-155-166>

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ МЕР РАЗВИТИЯ И ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Е. Л. Андреева, В. М. Антоненко

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

В условиях происходящих трансформаций международная торговля продолжает оставаться важнейшей формой внешнеэкономического взаимодействия между странами и углубления международного разделения труда. Наращивание объемов экспорта – одна из приоритетных задач, как на федеральном, так и на региональном уровне. В статье проанализирована специфика внешней торговли Удмуртской Республики. Хотя доля республики в российском экспорте товаров и услуг незначительная, она является лидером среди регионов России по темпам роста несырьевого неэнергетического экспорта. Это связано с отраслевой специализацией региона, имеющего самый большой показатель по доле продукции ОПК в структуре экспорта среди всех регионов России. В регионе прослеживается тенденция по увеличению количества экспортеров в целом, а также доли малого и среднего бизнеса, ведущего экспортную деятельность. Все это говорит о высоком потенциале экспортной деятельности как для отдельно взятых предприятий, так и для экономики региона в целом. В статье обоснована значимость разработки системы мер развития и поддержки экспорта Удмуртской Республики, охарактеризованы ее основные участники, выявлены сильные и слабые стороны, угрозы и возможности существующей инфраструктуры поддержки экспорта, разработаны предложения по совершенствованию мер поддержки экспортной деятельности Удмуртской Республики для реализации стратегической задачи по развитию несырьевого неэнергетического экспорта.

Ключевые слова: экспортный потенциал, механизмы и инструменты государственной поддержки, финансовые и нефинансовые инструменты.

WORKING OUT THE SYSTEM OF MEASURES FOR EXPORT DEVELOPMENT AND SUPPORT IN UDMURT REPUBLIC

Elena L. Andreeva, Valeriia M. Antonenko

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

In terms of happening transformations international trade remains the most important form of countries' economic interaction and of deepening the international labor division. Increase of export volumes is considered as one of priority tasks, both at federal and regional level. The article analyses specifics of Udmurt Republic's foreign trade. Though its share in Russian goods' and services' export isn't significant, it's leader among Russian regions on growth rates

of non-raw non-energetic export. It is related to branchial specialization of the region, having the biggest value on share of products of defense industry in export structure among all Russian regions. Also, the trend is traced in the region of increase of both total exporters number and share of exporting small and medium business. This all says about high potential of export for both individually taken enterprises and region's economy on the whole. The article substantiates special relevance of development of measures' system for export development and support in Udmurt Republic, characterizes its basic participants, reveals strengths and weaknesses, threats and opportunities for existing infrastructure of export support and develops propositions for improvement of support measures for export of Udmurt Republic for realizing the strategic task on development of non-raw non-energetic export.

Keywords: export potential, mechanisms and instruments of state support, financial and non-financial instruments.

Введение

В условиях глобальных трансформаций международная торговля продолжает оставаться важнейшей формой внешнеэкономического взаимодействия между странами. Подчеркивая значимость данного взаимодействия, А. Е. Гасиловский, В. П. Павлюк, А. Е. Чикалова отмечают, что оно является важной составляющей развивающейся национальной экономики и оказывает влияние на ее укрепление и постепенную стабилизацию [1]. В условиях роста тарифных и нетарифных ограничений, влияние которых на ВЭД России нашло отражение в трудах отечественных ученых [2; 4], а также усиления глобальных технологических вызовов, связанных в том числе с цифровизацией [1], возможности представителей малого и среднего предпринимательства, а также крупного бизнеса по самостоятельному развитию экспорта существенно ограничены. Поэтому ведущие государства-экспортеры проводят активную работу по повышению эффективности финансовых и организационных мер поддержки компаний-экспортеров посредством формирования новых мер и механизмов государственной поддержки, основанной на системном принципе, например, системной работе по созданию благоприятного имиджа страны и повышению международной конкурентоспособности региона [5]. Как отмечают А. Ю. Кнобель, А. Н. Лощенкова, системный характер мер и механизмов поддержки экспортеров является одним из определяющих факторов, позволяющих успешно реализовывать экспортный потенциал страны и ее регионов [3].

Современная система поддержки компаний-экспортеров характеризуется взаимодействием правительственных и негосударственных институтов, включая поддержку, оказываемую профильными министерствами и ведомствами, финансовыми структурами, специализированными агентствами и экспертными центрами. В системе поддержки экспорта наиболее ярко проявляется тенденция консолидации институтов и меха-

низмов государственной поддержки, роста их масштабов и общественной значимости.

В России уже сложилась система мер поддержки и развития экспортного потенциала страны. Используются финансовые и нефинансовые инструменты поддержки экспорта. Поддержку экспортерам оказывают как государственные институты федерального и регионального уровня, так и различные отраслевые союзы, ассоциации, негосударственные организации и научные институты [6].

В настоящее время в Российской Федерации работает модель поддержки компаний-экспортеров, основанная на принципе единого окна, при которой ключевую роль в системе поддержки экспортеров играет Российский экспортный центр (РЭЦ), обеспечивающий финансовую и нефинансовую поддержку, а также взаимодействие профильных министерств и ведомств, осуществляющих внешнеэкономические функции.

Результаты исследования

Стратегической целью реализации приоритетного направления «Развитие экспорта» является переход Удмуртской Республики к экспортно ориентированной экономике, что должно отразиться на увеличении несырьевого неэнергетического экспорта региона.

Основу экспорта Удмуртской Республики составляют неклассифицированные товары, к которым относятся оружие и боеприпасы, летательные аппараты, космические аппараты и их части. С 2016 г. в регионе наблюдается тенденция к увеличению экспорта данной категории товаров. Данные показатели связаны с отраслевой специализацией региона – 6 крупнейших заводов военно-космического назначения.

В 2019 г. экспорт продукции оборонно-промышленного комплекса в структуре экспорта Удмуртской Республики составил 60,53% – самый большой показатель среди всех регионов России. Экспорт товаров военного назначения находится в ведении АО «Рособоронэкспорт» – единственной в России структуры, уполномоченной вести экспортно-импортные операции в отношении всего спектра продукции, технологий и услуг военного и двойного назначения.

Еще одна категория товаров, которая составляла значительную часть экспорта Удмуртской Республики – автотехника. Доля экспорта данной продукции за период 2016–2019 гг. составляла от 6,93 до 17,49%. Основная часть экспортируемой автотехники из республики – продукция ООО «ЛАДА Ижевский автомобильный завод», являющегося производственной площадкой АО «Автоваз», поэтому изменение объемов экспорта продукции ООО «ЛАДА Ижевский автомобильный завод» не относится к вопросам регионального уровня.

В позитивную сторону изменился объем экспорта топлива. Если в 2016 г. он составлял основную часть в структуре экспорта региона – 47,45%, то в 2019 – 0,01%, что способствовало качественному изменению структуры экспорта Удмуртской Республики с сырьевого приоритета на несырьевой.

В настоящее время доля экспорта продукции сельского хозяйства, высокотехнологичной инновационной продукции в общем объеме экспорта продукции, произведенной в Удмуртской Республике, незначительная, но имеет устойчивые тенденции к росту, в связи с чем, важнейшей задачей является создание условий для диверсификации экспорта, вовлечение в экспортный оборот новых видов продукции и услуг.

В Удмуртской Республике есть все предпосылки для увеличения объема экспорта и стимулирования субъектов малого и среднего предпринимательства к осуществлению экспортной деятельности.

Для этих целей в регионе создана необходимая инфраструктура поддержки экспорта, включающая скоординированную деятельность следующих структур:

- Министерство экономики Удмуртской Республики;
- Министерство промышленности и торговли Удмуртской Республики;
- Министерство сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики;
- АНО «Корпорация развития Удмуртской Республики»;
- Удмуртская торгово-промышленная палата.

За реализацию внешнеэкономической деятельности в Министерстве экономики Удмуртской Республики отвечает отдел внешнеэкономической деятельности, основными задачами которого являются:

- разработка и реализация государственной политики Удмуртской Республики в области внешнеэкономической деятельности;
- координация деятельности исполнительных органов государственной власти Удмуртской Республики, органов местного самоуправления в Удмуртской Республике, организаций, расположенных на территории Удмуртской Республики, по вопросам внешнеэкономической деятельности;
- разработка и реализация концепций, государственных программ, планов мероприятий по внешнеэкономической деятельности в Удмуртской Республике;
- разработка мер государственного регулирования внешнеэкономической деятельности на территории Удмуртской Республики;

- анализ и планирование основных социально-экономических показателей и приоритетных направлений развития внешнеэкономической деятельности в Удмуртской Республике;

- содействие работе организаций инфраструктуры развития внешнеэкономической деятельности в Удмуртской Республике.

Министерство экономики Удмуртской Республики отвечает за реализацию в регионе Стратегии развития внешнеэкономической деятельности до 2030 года, а также Региональной программы «Развитие экспортной деятельности Удмуртской Республики до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Согласно Приказу Министерства экономического развития Российской Федерации от 18 февраля 2021 г. № 77 Центр поддержки экспорта осуществляет деятельность, направленную на:

- а) увеличение объемов несырьевого экспорта субъекта Российской Федерации, в первую очередь, за счет неэнергетических товаров средних и верхних переделов;

- б) увеличение объемов экспорта услуг субъекта Российской Федерации;

- в) вовлечение новых субъектов малого и среднего предпринимательства в экспортную деятельность;

- г) увеличение доли малого и среднего предпринимательства – экспортеров в общем объеме несырьевого экспорта субъекта Российской Федерации;

- д) отраслевую диверсификацию экспорта субъекта Российской Федерации;

- е) расширение географии поставок субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность на территории субъекта Российской Федерации.

Центр поддержки экспорта Удмуртской Республики участвует в реализации региональной программы «Развитие экспортной деятельности Удмуртской Республики до 2030 года и на перспективу до 2036 года», а также региональных показателей национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Показатель результативности проекта – ежегодный объем экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства в текущем году по экспортным контрактам, заключенным при содействии Центра поддержки экспорта Удмуртской Республики.

Кроме того, АНО «Корпорация развития Удмуртской Республики» осуществляет индивидуальное сопровождение ряда экспортеров. В настоящее время на сопровождении находятся несколько проектов экспортеров, отобранных по текущему объему экспорта и экспортному потенциалу. Индивидуальное сопровождение дает компаниям возможность приоритетного доступа к мерам поддержки, а также обеспечивает си-

стемный подход к поддержке предприятия на каждом этапе развития экспортного проекта.

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики администрирует региональный проект «Экспорт продукции агропромышленного комплекса Удмуртской Республики». Цель проекта – увеличение объема экспорта продукции АПК Удмуртской Республики за счет создания новой товарной массы (в том числе с высокой добавленной стоимостью), создание экспортно ориентированной товаропроводящей инфраструктуры, устранение торговых барьеров (тарифных и нетарифных) для обеспечения доступа продукции АПК на целевые рынки и создания системы продвижения и позиционирования продукции АПК¹.

Министерство промышленности и торговли Удмуртской Республики руководит региональным проектом «Промышленный экспорт». Цель проекта – увеличение объема экспорта промышленных товаров, в том числе продукции машиностроения за счет развития международной конкурентоспособности предприятий, а также развития системы продвижения экспорта за рубежом. В рамках поддержки экспорта министерство ведет отбор проектов для участия в корпоративных программах международной конкурентоспособности и дальнейшее сопровождение данных проектов.

В настоящее время инфраструктура поддержки экспорта региона работает с 30% субъектов предпринимательства от общего числа экспортеров Удмуртской Республики.

Сильные и слабые стороны, возможности и угрозы существующей инфраструктуры поддержки экспорта представлены в таблице.

SWOT-анализ существующей инфраструктуры поддержки экспорта Удмуртской Республики

<p>Сильные стороны</p> <p>Реализация большого количества федеральных инструментов поддержки.</p> <p>Постоянное обновление региональных мер поддержки в соответствии с запросами бизнеса.</p> <p>Приоритетное внимание к поддержке экспорта со стороны руководства региона</p>	<p>Слабые стороны</p> <p>Отсутствие единого реестра экспортеров региона в цифровом виде.</p> <p>Отсутствие единого куратора, отвечающего за экспортную политику региона.</p> <p>Недостаток квалифицированных специалистов, участвующих в реализации экспортных проектов</p>
<p>Возможности</p> <p>Относительно небольшое количество экспортеров в регионе позволяет работать адресно и увеличить охват по мерам поддержки</p>	<p>Угрозы</p> <p>Крупнейшие экспортеры региона входят в структуру госкорпораций, федеральных концернов, холдингов.</p> <p>Малое количество среднего бизнеса среди экспортеров региона (37 единиц или менее 5%)</p>

¹ Мониторинг, анализ и прогнозирование развития АПК государств – членов ЕАЭС. – URL: [/http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Обзор%20поддержка%20экспорта.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Обзор%20поддержка%20экспорта.pdf)

В настоящее время одними из основных проблем сдерживания развития экспортной деятельности в Удмуртской Республике являются:

1. Низкая международная узнаваемость региона и отдельных предприятий.
2. Большая доля предприятий, подпадающих под международные санкции и товары двойного назначения.
3. Незначительное число иностранных инвестиций в регион.
4. Удаленность от границ и отсутствие транспортно-логистического узла в регионе (несмотря на выгодное географическое положение, позволяющее выступать связующим звеном между Европой и Азией, 72% объема железнодорожных и 91% объема автомобильных грузоперевозок «Восток – Запад», «Китай – Западная часть Российской Федерации» проходят рядом с Удмуртской Республикой).
5. Отсутствие международного аэропорта (63,27% всего несырьевого экспорта Удмуртской Республики приходится на авиадоставку, 57% экспорта и импорта проходит через Екатеринбург и 43% – через Москву, что приводит к дополнительному удорожанию). Открытие международного аэропорта запланировано на 2026 год.
6. Нехватка компетентных специалистов по внешнеэкономической деятельности ввиду отсутствия в вузах региона соответствующих специальностей.
7. Незначительное число трейдеров/торговых домов в регионе.
8. Отсутствие экспортных стратегий предприятий, экспорт осуществляется разово, нет системной работы предприятий по развитию зарубежных рынков.

Для достижения стратегической цели по развитию несырьевого неэнергетического экспорта необходимо решение следующих задач:

1. Повышение экспортного потенциала субъектов предпринимательства, оказывающих услуги, посредством формирования комплексной системы поддержки экспорта услуг. Запланировано увеличение объема экспорта услуг до 99,20 млн долларов к 2026 г. и до 132,21 млн долларов к 2030 г.
2. Внедрение экспортного стандарта 3.0 в Удмуртии, разработанного Российским экспортным центром. Внедрение стандарта – важный шаг для совершенствования институциональной экспортной среды, увеличения числа экспортеров и объема поставок из регионов.
3. Повышение квалификации специалистов внешнеэкономической деятельности.
4. Развитие международных форматов продвижения региона.
5. Подключение к национальной системе продвижения экспорта Российской Федерации за рубежом.

6. Развитие экспортной инфраструктуры.

7. Позиционирование и продвижение экспортной деятельности.

Для решения задач предлагается реализация следующих мер:

Задача 1. Региональный проект «Экспорт услуг в Удмуртской Республике» предполагает увеличение объема экспорта услуг и включает в себя следующие основные мероприятия:

- популяризация экспорта услуг и системное информирование о поддержке;

- проведение международных презентационных мероприятий для экспортеров ИТ-услуг, туристических услуг, деловых услуг не менее одного раза в год по каждому направлению;

- проведение экспортного акселератора для экспортеров услуг не менее одного потока в год (не менее 10 экспортных команд).

Задача 2. Региональный проект «Системные меры поддержки развития экспорта». В рамках реализации проекта ожидается целевой прирост количества компаний-экспортеров из числа МСП по итогам внедрения Регионального экспортного стандарта 2.0 в 2026 г. – 944 предприятия, в 2030 году – 1 226 предприятий.

Задача 3. На базе высших учебных заведений Удмуртской Республики должна быть сформирована образовательная система подготовки кадров в сфере внешнеэкономической деятельности. Созданный учебно-исследовательский центр международного бизнеса позволит приглашать в Удмуртскую Республику иностранных профессоров для преподавания, разрабатывать совместные научные и образовательные проекты по направлению бизнес-образования, в том числе организации экспортной деятельности. В результате реализации мероприятий не менее 30 специалистов в год пройдут повышение квалификации по направлению «внешнеэкономическая деятельность».

Задача 4. В рамках решения задачи Экспортным советом Удмуртской Республики ежегодно должны утверждаться перечни целевых стран или макрорегионов для реализации мероприятий по поддержке экспорта, в отношении которых в первоочередном режиме будут реализованы меры по развитию экспорта, в том числе:

- открытие и расширение агентской сети АНО «Центр развития бизнеса Удмуртской Республики» в 10 целевых странах или макрорегионах к 2030 г., а также использование ресурса зарубежных представительств АО «РЭЦ» и Торговых представительств Российской Федерации;

- участие представителей Удмуртской Республики в межправительственных комиссиях по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству ежегодно в целевых странах;

– налаживание взаимодействия с зарубежными представителями общественных объединений, палат и ассоциаций.

Задача 5. В целях оперативного решения вопросов по развитию экспорта уполномоченные институты развития Удмуртской Республики должны быть подключены к единой информационной системе продвижения экспорта Российской Федерации за рубежом. Единая система позволит осуществлять эффективное взаимодействие между участниками экспортного процесса, в том числе синхронизацию инструментов поддержки, взаимодействие с торговыми представительствами Российской Федерации в иностранных государствах, торговыми домами РЭЦ, ЦПЭ и другими региональными институтами развития экспорта.

Задача 6. Развитие экспортной институциональной среды (инфраструктуры) – базовое условие для эффективного развития экспортной деятельности в регионе. АНО «Корпорация развития Удмуртской Республики» реализуются мероприятия по дополнительным мерам государственной поддержки экспорта.

В результате реализации мероприятий ожидается, что ежегодно:

- не менее 20 субъектов предпринимательства будут проходить программу экспортной акселерации;
- будет актуализирована электронная база экспортеров товаров и услуг с указанием товарной структуры и географии экспорта;
- не менее 5% субъектов малого и среднего предпринимательства – экспортерам будут субсидированы или софинансированы логистические расходы;
- не менее 5% в 2030 г. экспортеров будут осуществлять экспорт через международные электронные торговые площадки;
- будет создаваться и актуализироваться система распределительных складов для улучшения доступа на целевые рынки;
- будет создаваться не менее 1 представительства торгового экспортного дома за рубежом.

Задача 7. АНО «Корпорация развития Удмуртской Республики» планирует осуществлять мероприятия по позиционированию и продвижению экспортной деятельности в Удмуртской Республике, в том числе:

- ежегодное издание и онлайн-продвижение информационных материалов об экспортном потенциале и экспортерах Удмуртской Республики на русском и иностранном языках для целевых стран;
- разработку и продвижение экспортной витрины продукции экспортеров Удмуртской Республики на зарубежных маркетплейсах;
- создание и продвижение экспортного шоу-рума на территории Удмуртской Республики (не менее 10 отраслей, не менее 50 товарных единиц).

Заключение

В настоящее время в России реализуется национальный проект «Международная кооперация и экспорт», цель которого – увеличение объема несырьевого неэнергетического экспорта России. Исполнение данного нацпроекта не представляется возможным без хорошо отлаженной системы государственной поддержки экспортеров, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В Удмуртской Республике создана и функционирует система развития и поддержки промышленных и сельскохозяйственных экспортеров, что регламентируется региональными проектами, охватывающими все основные производственные отрасли региона. Однако для увеличения эффективности существующей организационно-управленческой инфраструктуры поддержки экспорта в Удмуртской Республике следует предпринять ряд мер.

Для реализации Стратегии развития внешнеэкономической деятельности Удмуртской Республики необходимо усилить работу по следующим направлениям:

- модернизировать организационно-управленческую инфраструктуру поддержки экспорта;
- активно участвовать в продвижении экспортных интересов предприятий Удмуртской Республики;
- сформировать систему информирования потенциальных партнеров в зарубежных странах о возможностях и потенциале внешнеэкономического сотрудничества Удмуртской Республики;
- совершенствовать систему поддержки экспорта, связанную с развитием ключевых направлений промышленного экспорта; адаптацией условий и ресурсов региона к системе развития экспорта продукции АПК; координацией поддержки экспортно ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства Удмуртской Республики; выработкой стратегии позиционирования экспорта услуг региона.

Список литературы

1. Гасиловский А. Е., Павлюк В. П., Чикалова А. Е. Основные тенденции и перспективы развития внешнеэкономической деятельности Российской Федерации // *Фундаментальные исследования*. – 2022. – № 7. – С. 30–34.
2. Городнова Н. В., Домников А. Ю. Влияние финансовых санкций на регулирование внешнеэкономической деятельности России // *Экономические отношения*. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 215–234.

3. Кнобель А. Ю., Лощенкова А. Н. Оценка эффективности региональной системы поддержки экспорта // Экономическое развитие России. – 2018. – Т. 25. – № 11. – С. 80–85.
4. Кулаговская Т. А., Григорьев Д. С., Левченко В. А., Шаповалова А. В. Оценка влияния санкций на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2022. – № 5 (92). – С. 91–102.
5. Сипир Е. В., Карачев И. А. Кластерная политика как инструмент повышения международной конкурентоспособности региона // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 8. – С. 45–59.
6. Сырцов Д. Н. Современная система государственной поддержки экспорта: использование международного опыта в российских условиях : дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2014.
7. Шкваря Л. В., Фролова Е. Д. Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 479–493.

References

1. Gasilovskiy A. E., Pavlyuk V. P., Chikalova A. E. Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Rossiyskoy Federatsii [The Main Trends and Prospects for the Development of Foreign Economic Activity of the Russian Federation]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 2022, No. 7, pp. 30–34. (In Russ.).
2. Gorodnova N. V., Domnikov A. Yu. Vliyanie finansovykh sanktsiy na regulirovanie vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Rossii [The Impact of Financial Sanctions on the Regulation of Russia's Foreign Economic Activity]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Economic Affairs], 2022, Vol. 12, No. 2, pp. 215–234. (In Russ.).
3. Knobel A. Yu., Loshchenkova A. N. Otsenka effektivnosti regionalnoy sistemy podderzhki eksporta [Evaluation of Effectiveness of the Regional Export Support System]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Russian Economic Development], 2018, Vol. 25, No. 11, pp. 80–85. (In Russ.).
4. Kulagovskaya T. A., Grigorev D. S., Levchenko V. A., Shapovalova A. V. Otsenka vliyaniya sanktsiy na vneshneekonomicheskuyu deyatel'nost Rossiyskoy Federatsii [Assessment of the Impact of Sanctions on the Foreign Economic Activity of the Russian Federation]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Newsletter of North-Caucasus Federal University], 2022, No. 5 (92), pp. 91–102. (In Russ.).
5. Sapor E. V., Karachev I. A. Klasternaya politika kak instrument povysheniya mezhdunarodnoy konkurentosposobnosti regiona [Cluster Policy as a Tool for Region's International Competitiveness Improvement].

Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin], 2014, No. 8, pp. 45-59. (In Russ.).

6. Syrtsov D. N. *Sovremennaya sistema gosudarstvennoy podderzhki eksporta: ispolzovanie mezhdunarodnogo opyta v rossiyskikh usloviyakh*. Diss. PhD [Modern System of State Support for Export: Use of International Experience in Russian Terms. PhD sci. diss.]. Moscow, 2014. (In Russ.).

7. Shkvarya L. V. Frolova E. D. *Komparativniy analiz razvitiya vneshney trgovli v tsifrovom segmente po regionam mira* [Comparative Analysis of Foreign Trade Development in the Digital Segment by World Regions. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2022, Vol. 18, No. 2, pp. 479-493. (In Russ.).

Поступила: 12.08.2025

Принята к печати: 31.10.2025

Сведения об авторах

Елена Леонидовна Андреева

доктор экономических наук, профессор,
руководитель и ведущий научный
сотрудник центра региональных
компаративных исследований
ИЭ УрО РАН.

Адрес: Институт экономики Уральского
отделения Российской академии наук,
620014, Екатеринбург,
ул. Московская, д. 29.

E-mail: andreeva.el@uiec.ru

Валерия Михайловна Антоненко

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник центра
региональных компаративных
исследований ИЭ УрО РАН.

Адрес: Институт экономики Уральского
отделения Российской академии наук,
620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29.
E-mail: antonenko.vm@uiec.ru

Information about the authors

Elena L. Andreeva

Doctor of Economics, Professor,
Head and Leading Research Fellow
of Center for Regional Comparative
Studies at the IE UB RAS.

Address: Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, 29 Moskovskaya Street,
Ekaterinburg, 620014,
Russian Federation.

E-mail: andreeva.el@uiec.ru

Valeriia M. Antonenko

PhD, Senior Research Fellow of Center
for Regional Comparative Studies
at the IE UB RAS.

Address: Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, 29 Moskovskaya Street,
Ekaterinburg, 620014, Russian Federation.
E-mail: antonenko.vm@uiec.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-167-177>

ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ

Ф. Селамовски, Т. А. Воронова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Исследование направлено на оценку влияния торговых соглашений на двусторонние торговые потоки Северной Македонии. Применяя расширенную гравитационную модель к набору панельных данных, охватывающих 94 страны за период с 1995 по 2023 г., авторы предоставляют доказательства того, что торговые соглашения действительно увеличили торговые потоки в Македонии. Полученные данные свидетельствуют о более значительном воздействии торговых соглашений на импорт по сравнению с экспортом. В какой-то степени этот результат соответствует ожиданиям, поскольку еще до вступления в силу этих соглашений более 80% экспортируемых Македонией товаров уже направлялись в страны, на которые распространяются действующие зоны свободной торговли. Показано, что сами торговые соглашения оказались менее влиятельными по сравнению с другими факторами, такими как общая история и культурная близость. Тем не менее при анализе динамики эффектов расширения, связанных с торговыми соглашениями, за последние двадцать лет становится очевидным, что их влияние постепенно усиливается. Вместе с тем несмотря на то, что первоначальные выгоды могут показаться незначительными, устойчивое взаимодействие в рамках торговых зон в конечном итоге приносит большие выгоды в течение более длительного периода времени.

Ключевые слова: региональные торговые соглашения, экономическая интеграция, внешняя торговля, эффекты усиления, гравитационная модель.

EVALUATING THE EFFECTS OF TRADE AGREEMENTS: THE CASE OF NORTH MACEDONIA

Philip Selamovski, Tatiana A. Voronova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

This study aims to evaluate the enhancement effects of trade agreements on North Macedonia's bilateral trade flows. By applying an augmented gravity model to a panel data set covering 94 countries for the period between 1995 and 2023, we provide evidence that trade agreements indeed enhanced Macedonian trade flows. Findings indicate larger enhancement effects of trade agreements on imports vis-à-vis exports. To some extent, this outcome aligns with expectations since, even before the implementation of these agreements, more than 80 percent of Macedonia's exported goods already targeted destinations covered under current free trade zones. Despite being beneficial, this study also revealed that trade agreements themselves appeared less influential relative to other factors such as shared history and cultural proximity. Nevertheless, when analyzing the dynamics of the effects of expansion related to trade agreements over the

past twenty years, it becomes obvious that their impact is gradually increasing. However, despite the fact that the initial benefits may seem insignificant, sustainable interaction within trade zones ultimately brings greater benefits over a longer period of time.

Keywords: regional trade agreements, economic integration, foreign trade, enhancement effects, gravity model.

Introduction

Over the last decades, regional trade agreements (RTAs) have become a distinctive feature of international trade. Since the early 1990s the number of RTAs has increased significantly. The cumulative number of RTAs in force by 2025 reached 375 against 22 in 1990¹, which mostly reflects efforts of developing economies to promote trade liberalization and strengthen regional economic ties. And North Macedonia is not an exception.

Table 1 presents the trade agreements of North Macedonia. The country has free trade areas covering almost the entire European continent, with the exception being Belarus and Russia (part of the Eurasian Economic Union). Of the six trade areas, the one with Turkey is the oldest and the first one to enter into force and be fully implemented. However, the agreements with the EU and the UK have the widest coverage given that they do not cover simply trade in goods and services, but economic integration as well; North Macedonia has been an EU candidate since 2005. Prior to Brexit, North Macedonia and the UK had a free trade area within the agreement with the EU. Therefore, the current Partnership, Trade and Cooperation Agreement between North Macedonia and the UK simply reaffirmed already existing arrangements.

Table 1

Trade agreements of North Macedonia*

Agreement name	Coverage	Type	Entry into force	End of implementation period
Türkiye – North Macedonia	Goods	FTA	01.09.2000	2008
EU – North Macedonia	Goods & Services	FTA & EIA	01.06.2001 (G) 01.04.2004 (S)	2014
Ukraine – North Macedonia	Goods	FTA	05.07.2001	2010
EFTA – North Macedonia	Goods	FTA	01.05.2002	2011
CEFTA 2006	Goods	FTA	01.05.2007	2015
UK – North Macedonia	Goods & Services	FTA & EIA	01.01.2021	2021

* Source: World Trade Organization.

¹ Regional Trade Agreements Database: RTAs in force, 2025. – URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>

Active pursuit of regional integration, and stronger trade ties in particular, raises the legitimate question about the effects of trade agreements. The key concern is whether small economies can capture meaningful gains from regional integration in terms of enhancing trade flows, especially with larger economies, considering they often experience limited production capabilities and scarcity of resources. Therefore, by analyzing Macedonian trade flows, this research aims to provide deeper insight into the effects of trade agreements.

Literature review

The effects of trade agreements on specific countries and trade blocks is an issue that has generated a substantial amount of scientific interest since the 1990s. Many researchers have analyzed this issue by employing different tools. In general, the gravity equation has served as a primary analytical tool to examine the ex-post effects of trade agreements. The initial application of gravity models to international trade was made by Tinbergen in 1962 and Pöyhönen in 1963. Tinbergen formulated his model with the aim of identifying the typical or expected structure of international trade under conditions where no trade restrictions existed [10]. Although the gravity model faces a lot of criticism, many studies provide theoretical justifications for its application. For instance, according to Baier and Bergstrand's description from 2007, the gravity model commonly explains variations across different country pairings in their trading volumes based on factors such as national income levels, geographical distances between them, shared linguistic traits, contiguous land boundaries, and whether they are part of existing trade arrangements.

In terms of the results, most of the studies present empirical evidence that trade agreements indeed boost trade. For instance, by applying a static and dynamic gravity equation covering several economic blocs [14] find, that the wave of regionalism had positive effects on intra-bloc trade in developed countries. However, their study acknowledges that in some developing blocs there is limited scope to increase trade due to production structure similarities. Other studies find similar evidence. By using synthetics control methods, an IMF working paper prepared by Hannan [10] provides evidence that trade agreements can generate substantial gains and potentially yield minor import diversion, but not export diversion. DiCaprio et al. [5] findings indicate that RTAs lead to increased bilateral trade and faster GDP per capita growth through direct and indirect transmission mechanisms. By analyzing intra-regional trade flows in Asia, Ekanayake et al. [8] provide evidence that trade agreements enhance trade in developing countries, with multilateral ones being more effective. Alikhanov et al. [1] also present evidence that trade agreements generate significant positive gains for all parties.

Methodology

Consistent with previous research, this study employed an augmented gravity model to analyze trade flows and evaluate the effects of trade agreements in North Macedonia. The model builds on panel data collected by the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) and it spans a period of 29 years (1995–2023). The dataset includes 94 countries (Table 2) from different geographic regions which account for approximately 99.9% of North Macedonia's trade.

Table 2

List of countries included in the panel dataset in alphabetic order

Country	FTA	Country	FTA	Country	FTA
1. Albania	yes	36. Ghana	no	71. South Korea	no
2. Algeria	no	37. Greece	yes	72. Moldova	yes
3. Argentina	no	38. Hungary	yes	73. Romania	yes
4. Armenia	no	39. Iceland	yes	74. Russian Federation	no
5. Australia	no	40. India	no	75. Saudi Arabia	no
6. Austria	yes	41. Indonesia	no	76. Serbia	yes
7. Azerbaijan	no	42. Iran	no	77. Singapore	no
8. Bangladesh	no	43. Ireland	yes	78. Slovakia	yes
9. Belarus	no	44. Israel	no	79. Slovenia	yes
10. Belgium	yes	45. Italy	yes	80. South Africa	no
11. Bosnia and Herzegovina	yes	46. Japan	no	81. Spain	yes
12. Brazil	no	47. Jordan	no	82. Sri Lanka	no
13. Bulgaria	yes	48. Kazakhstan	no	83. Sweden	yes
14. Cambodia	no	49. Kyrgyzstan	no	84. Switzerland	yes
15. Canada	no	50. Latvia	yes	85. Thailand	no
16. Chile	no	51. Libya	no	86. Tunisia	no
17. China	no	52. Lithuania	yes	87. Türkiye	yes
18. China, Hong Kong SAR	no	53. Luxembourg	yes	88. Ukraine	yes
19. China, Macao SAR	no	54. Malaysia	no	89. United Arab Emirates	no
20. China, Taiwan Province of China	no	55. Malta	yes	90. United Kingdom	yes
21. Colombia	no	56. Mexico	no	91. United States	no
22. Costa Rica	no	57. Montenegro	yes	92. Uruguay	no
23. Cote d'Ivoire	no	58. Morocco	no	93. Uzbekistan	no
24. Croatia	yes	59. Myanmar	no	94. Viet Nam	no
25. Cyprus	yes	60. Netherlands	yes		
26. Czech Republic	yes	61. New Zealand	no		
27. DPR of Korea	no	62. Norway	yes		
28. Denmark	yes	63. Oman	no		
29. Ecuador	no	64. Pakistan	no		
30. Egypt	no	65. Paraguay	no		
31. Estonia	yes	66. Peru	no		
32. Finland	yes	67. Philippines	no		
33. France	yes	68. Poland	yes		
34. Georgia	no	69. Portugal	yes		
35. Germany	yes	70. Qatar	no		

The model is based on previous studies applying the gravity equations [2; 7; 12]. The specification of our model is adjusted to include country-specific aspects and it as follows:

$$\begin{aligned} \ln T_{i,j} = & \beta_0 + \beta_1 \ln Y_{i,t} + \beta_2 \ln Y_{j,t} + \beta_3 \ln DIST_t + \beta_4 RFE_t + \beta_5 FTA_t + \beta_6 BORD_t + \\ & + \beta_7 EX - YU_t + \beta_8 SLAV_t + e_t, \end{aligned}$$

whereas North Macedonia's trade flow (export, imports and total trade volume) with a trade partner is the dependent variable $\ln T_{i,j}$; Macedonian GDP $\ln Y_{i,t}$, GDP of trade partners $\ln Y_{j,t}$, geographical distance ($DIST$), relative factor endowment (RFE), free trade area (FTA), common border ($BORD$), former Yugoslav republic ($EX - YU$) and Slavic origin ($SLAV$) are the independent variables. GDP, geographical distance and relative factor endowment distance variables are expressed in natural logarithmic form. Geographical distance ($DIST$) is defined as the direct air distance between the capital of North Macedonia and the capitals of trade partners. The random residual term is denoted as e_t .

In line with previous studies employing the gravity model [5], the relative factor endowment is defined as:

$$RFE = |\ln \bar{Y}_{i,t} - \ln \bar{Y}_{j,t}|,$$

whereas $\bar{Y}_{i,t}$ is the Macedonian GDP per capita and $\bar{Y}_{j,t}$ is the GDPs per capita of the trade partners. Selection of this variable as a factor stems from the conventional theory of comparative advantages in international trade and its purpose is to reflect technological disparities among nations [8].

Dummy variables are useful because they control different effects on trade flows which cannot be otherwise quantified [4]. This model uses FTA , $BORD$, $EX - YU$ and $SLAV$ as dummy variables. FTA takes the value 1 if North Macedonia has a free trade area with the trade partner and 0 otherwise. Value 1 was assigned to EU-27, EFTA, CEFTA countries, Turkey, Ukraine and the UK, i. e. a total of 39 countries. FTA aims to capture the level of trade-creation effects of trade agreements. $BORD$ takes the value 1 if North Macedonia shares a border with the trade partner. Value 1 was assigned to Bulgaria, Greece, Serbia and Albania. $EX - YU$ aims to measure the effects of shared history on trade flows. Hence, it takes the value 1 if the trade partner was a constituent republic of Yugoslavia (Serbia, Croatia, Slovenia, Montenegro, Bosnia & Herzegovina). $SLAV$ aims to measure the effects of cultural proximity and takes the value 1 if a large share of the trade partner's population is Slavic. Value 1 was assigned to Serbia, Montenegro, Bosnia & Herzegovina, Croatia, Slovenia, Bulgaria, Slovakia, Poland, Czech Republic, Russia, Belarus and Ukraine (12 countries).

Consistent with previous studies [10; 15], it is expected that all of the non-dummy variables (GDP of North Macedonia and trade partners) will have a positive sign, except for the geographic distance. The expected negative sign of geographic distance is related to the fact that it may also include higher transaction costs [12; 14]. In terms of the dummy variables, the expected positivity reflects the opinion that trade agreements, historical links, cultural proximity and sharing a common border promote trade.

Results and Discussion

Correlation analysis was employed to determine the relationship degree between the variables. The results are reported in Table 3. As anticipated, the findings indicate negative correlation between the dependent variables and geographic distance. Other independent variables demonstrate positive correlation. Trade indicators exhibit the strongest correlation with the economic size of the trade partner and the weakest with the relative factor endowment. Among the dummy variables, trade indicators correlate the most with *FTA* and the least with *EX – YU*.

Table 3

Correlation matrix

	<i>LnT_{ij}</i>	<i>LnE_{ij}</i>	<i>LnI_{ij}</i>	<i>LnY_{it}</i>	<i>LnY_{jt}</i>	<i>DIST</i>	<i>RFE</i>	<i>FTA</i>	<i>BORD</i>	<i>Ex-YU</i>	<i>SLAV</i>
<i>LnT_{ij}</i>	1,000										
<i>LnE_{ij}</i>	0,846	1,000									
<i>LnI_{ij}</i>	0,950	0,724	1,000								
<i>LnY_{it}</i>	0,344	0,291	0,331	1,000							
<i>LnY_{jt}</i>	0,567	0,457	0,597	0,295	1,000						
<i>LnDIST</i>	-0,407	-0,562	-0,296	0,000	0,231	1,000					
<i>RFE</i>	0,027	0,099	0,061	-0,113	0,279	0,106	1,000				
<i>FTA</i>	0,377	0,415	0,352	0,337	0,108	-0,388	0,141	1,000			
<i>BORD</i>	0,280	0,295	0,248	0,000	-0,165	-0,461	-0,198	0,060	1,000		
<i>Ex-YU</i>	0,240	0,285	0,178	0,000	-0,286	-0,417	-0,209	0,003	0,177	1,000	
<i>SLAV</i>	0,310	0,335	0,261	0,000	-0,203	-0,456	-0,320	0,127	0,241	0,496	1,000

One striking observation is the stronger correlation of the dummy variables with exports vis-à-vis imports and stronger correlation of the economic size of North Macedonia and its trade partners with imports vis-à-vis exports. This would suggest that the independent variables have a differentiated impact on exports and imports.

Table 4 displays the results of the gravity models. We estimated four sets of regression models for exports, imports and total trade volume in order to measure the effects of RTAs and compare them to other control variables during the four periods: 1995-2023 (full models), 1995-2004, 2005-2014, and 2015-2023 (partial models). The models were estimated using the ordinary least squares (OLS) method.

Table 4

Effects of RTA on North Macedonia's trade flows

Variable	1995–2023	1995–2004	2005–2014	2015–2023
Total trade				
<i>Intercept</i>	-3,450***	5,850	-5,173**	-6,980**
<i>LnY_{i,t}</i>	0,657***	-0,337	0,650***	1,013***
<i>LnY_{j,t}</i>	1,124***	1,202***	1,063***	1,043***
<i>LnDIST</i>	-0,898***	-1,132***	-0,619***	-0,722***
<i>RFE</i>	-0,180***	-0,190**	-0,126**	-0,342***
FTA	0,775***	0,705*	1,099***	1,157***
<i>BORD</i>	2,012***	1,800***	2,477***	1,969***
<i>Ex – YU</i>	2,342***	2,498***	2,647***	2,009***
<i>SLAV</i>	1,132***	1,471***	1,108***	0,747***
Adjusted R ²	0.717	0.619	0.743	0.774
Observations	2 726	940	940	846
F	863.47	191.89	339.46	362.36
Exports				
<i>Intercept</i>	-0,997	8,675*	-4,157	3,367
<i>LnY_{i,t}</i>	0,822***	-0,023	0,798**	0,259
<i>LnY_{j,t}</i>	1,152***	1,090***	1,177***	1,155***
<i>LnDIST</i>	-1,754***	-2,016***	-1,405***	-1,599***
<i>RFE</i>	0,257***	0,392***	0,153*	0,109
FTA	0,581***	0,011	1,064***	0,990***
<i>BORD</i>	1,449***	1,225***	2,239***	1,151***
<i>Ex – YU</i>	2,433***	2,499***	3,058***	1,909***
<i>SLAV</i>	1,174***	1,329***	1,115***	1,062***
Adjusted R ²	0.731	0.681	0.734	0.749
Observations	2 726	940	940	846
F	928.4	251.77	324.65	316.85
Imports				
<i>Intercept</i>	-7,511***	0,124	-9,451***	-13,599***
<i>LnY_{i,t}</i>	0,592***	-0,223	0,572*	1,257***
<i>LnY_{j,t}</i>	1,221***	1,278***	1,169***	1,152***
<i>LnDIST</i>	-0,559***	-0,762***	-0,249***	-0,430***
<i>RFE</i>	-0,117**	-0,026	-0,114	-0,375***
FTA	1,089***	1,035**	1,489***	1,474***
<i>BORD</i>	2,728***	2,540***	3,147***	2,717***
<i>Ex – YU</i>	2,421***	2,372***	2,673***	2,393***
<i>SLAV</i>	1,410***	2,041***	1,360***	0,735***
Adjusted R ²	0.649	0.562	0.645	0.689
Observations	2 726	940	940	846
F	631.61	151.622	214.36	234.73

Note: statistical significance is denoted as:

* -10% level.

** -5% level.

*** -1% level

The adjusted R² values range between 0.562 and 0.774 which suggests that the models can provide meaningful insight. The coefficients of the GDP variables in the full model (1995–2023) are positive and statistically significant at 1%. Although the GDP of trade partners variable is positive and highly significant in all of the partial models, the coefficients of the Macedonian GDP variable are negative and statistically insignificant in all of the models for the

period 1995–2004. Hence, findings indicate that the economic size of trade partners is more important. Relative factor endowment variable in the full models is statistically significant at 1%, however it's positive only in the exports model. The distance variable exhibited the anticipated negative sign and it is significant in all full and partial models. It should be noted that the distance variable has larger impact on exports vis-à-vis imports. However, partial models show that the impact of geographic distance has been decreasing over the last two decades. This points out the growing presence of Macedonian export-oriented companies on foreign markets that were previously not perceived as prime destinations, as well as the increase of their competitiveness.

All of the dummy variables have positive signs and are highly statistically significant in all of the models. Among the variables, the highest enhancement effect on the total trade volumes has the *EX – YU* variable which aims to capture the effects of historical aspects. This reflects the unique long-term economic ties of North Macedonia with other former republics of Yugoslavia and suggests that historical linkages are significant determinants of trade. This finding is consistent with previous empirical studies arguing that historical linkages have a significant impact on trade patterns [8]. However, in terms of exports and imports separately analyzed some differences can be observed. The highest enhancement effect on exports has the *EX – YU* variable and the *BORD* variable – the highest on imports. It can be argued that this outcome aligns with expectations since the private sector tends to work with foreign partners from countries in a way that transaction costs can be minimized. Being a part of Yugoslavia, the Macedonian economy maintains deep ties with the former republics, which makes market access for Macedonian export-oriented companies much easier. In terms of imports, sharing a border, combined with the proven positive effect of geographic proximity, reduces the overall cost for Macedonian imports-dependent companies. The positive sign of the *SLAV* variable indicates that cultural proximity also enhances trade flows, however to a lesser extent.

The *FTA* variables, designed to measure the degree of trade-creation effects resulting from trade agreements, consistently exhibit positive coefficients and high statistical significance across all econometric models estimated in this study. However, it must be highlighted that the enhancement effects of trade agreements on Macedonian imports are larger when compared to exports. This is attributable to the fact that even prior to these agreements, between 80 and 90 percent of Macedonian exports already targeted destinations covered under current free trade zones; predominantly EU and CEFTA members.

Overall, despite being outweighed by other explanatory variables - such as historical ties or geographic proximity - the *FTA*-related indicator

demonstrates a measurable albeit smaller contribution to enhancing North Macedonia's trade. What stands out is the observation that over the past two decades, the benefit derived from FTAs has gradually been increasing. This evolution suggests that while initially less pronounced, the cumulative impact of participating in free trade areas is becoming more apparent. As a result, we can infer that North Macedonia increasingly engages in trade within its free trade areas, thereby leveraging the advantages.

Conclusion

The application of the gravity model to study Macedonian trade patterns yielded insights regarding the role of trade agreements. These findings are largely consistent with those obtained from similar analyses performed on different regional economic groupings. The analysis confirms the substantial influence of historical links, geographical proximity, and cultural affinity on North Macedonia's trade performance. Historical connections with former Yugoslav countries emerge as particularly influential, promoting both import and export activities. Sharing borders plays a critical role in facilitating imports by reducing transaction costs. While trade agreements contribute positively to trade volumes, their impact remains lower compared to these other factors but demonstrates an upward trend over time.

Список литературы

1. Алиханов А. А., Скрыбина В. Ю., Тарвасюк Е. В. Либерализация торговых взаимоотношений между странами: оценка и последствия // *International Trade and Trade Policy*. – 2015. – № 3. – С. 3–26.
2. Anderson J. E. A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // *American Economic Review*. – 1979. – Vol. 69 (1). – P. 106–116.
3. Baier S. L., Bergstrand J. H. Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade? // *Journal of International Economics*. – 2007. – N 71. – P. 72–95.
4. Baldwin R., Taglioni D. Gravity for Dummies and Dummies for Gravity Equations // *NBER Working Paper*. – 2006. – N 12516.
5. DiCaprio A., Santos-Paulino A. U., Sokolova, M. V. Regional Trade Agreements, Integration and Development // *UNCTAD Research Paper*. – 2017. – N 1.
6. Egger P. An Econometric View on the Estimation of Gravity Models and the Calculation of Trade Potentials // *World Economy*. – 2002. – N. – 25. – P. 297–312.
7. Eichengreen B., Douglas I. A. The Role of History in Bilateral Trade Flows // *NBER Working Paper*. – 1996. – Series 5565.

8. Ekanayake E. M., Mukherjee A., Veeramacheneni B. Trade Blocks and the Gravity Model: A Study of Economic Integration among Asian Developing Countries // *Journal of Economic Integration*. – 2010. – Vol. 25 (4). – P. 627–643.
9. Frankel J. Regional Trading Blocs in the World Economic System. Institute for International Economics, 1997.
10. Hannan S. A. The Impact of Trade Agreements: New Approach, New Insights // *IMF Working Paper*. – 2016. – WP/16/117.
11. Irshad M. S, Qin, X., Saleh S., Faizan A. South Korea's Potential Export Flow: A Panel Gravity Approach // *Asian Journal of Empirical Research*. – 2018. – Vol. 8 (4). – P. 124–139.
12. Kabir M., Salim R. Can Gravity Model Explain BIMSTEC's Trade? // *Journal of Economic Integration*. – 2010. – Vol. 25 (1). – P. 144–156.
13. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // *American Economic Review*. – 1979. – Vol. 70 (5). – P. 950–959.
14. Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F. D., Horsewood N. Effects of Regional Trade Agreements Using a Static and Dynamic Gravity Equation // *IAI Discussion Papers*. – 2006. – N 149.
15. Portes R., Rey H. The Determinants of Cross-Border Equality Flows // *Journal of International Economics*. – 2005. – Vol. 65 (2). – P. 269–296.
16. Ristanovic V. International Trade Flows of the Balkan states // *The Review of International Affairs*. – 2022. – Vol. 73 (1184). – P. 5–27.

References

1. Alikhanov A. A., Skryabina V. Yu., Tarasyuk E. V. Liberalizatsiya torgovykh vzaimootnosheniy mezhdu stranami: otsenka i posledstviya [Liberalization Trade Relationship between the Countries: Assessment and Consequences] International Trade and Trade Policy [International Trade and Trade Policy] 2015, No. 3, pp. 3–26. (In Russ.)
2. Anderson J. E. A Theoretical Foundation for the Gravity Equation. *American Economic Review*, 1979, Vol. 69 (1), pp. 106–116.
3. Baier S. L., Bergstrand J. H. Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade? *Journal of International Economics*, 2007, No. 71, pp. 72–95.
4. Baldwin R., Taglioni D. Gravity for Dummies and Dummies for Gravity Equations. *NBER Working Paper*, 2006, No. 12516.
5. DiCaprio A., Santos-Paulino A. U., Sokolova, M. V. Regional Trade Agreements, Integration and Development. *UNCTAD Research Paper*, 2017, No. 1.
6. Egger P. An Econometric View on the Estimation of Gravity Models and the Calculation of Trade Potentials, *World Economy*, 2002, No. 25, pp. 297–312.

7. Eichengreen B., Douglas I. A. The Role of History in Bilateral Trade Flows. *NBER Working Paper*, 1996, Series 5565.
8. Ekanayake E. M., Mukherjee A., Veeramacheneni B. Trade Blocks and the Gravity Model: A Study of Economic Integration among Asian Developing Countries. *Journal of Economic Integration*, 2010, Vol. 25 (4), pp. 627–643.
9. Frankel J. *Regional Trading Blocs in the World Economic System*. Institute for International Economics, 1997.
10. Hannan S. A. The Impact of Trade Agreements: New Approach, New Insights. *IMF Working Paper*, 2016, WP/16/117.
11. Irshad M. S., Qin, X., Saleh S., Faizan A. South Korea's Potential Export Flow: A Panel Gravity Approach. *Asian Journal of Empirical Research*, 2018, Vol. 8 (4), pp. 124–139.
12. Kabir M., Salim R. Can Gravity Model Explain BIMSTEC's Trade? *Journal of Economic Integration*, 2010, Vol. 25 (1), pp. 144–156.
13. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade. *American Economic Review*, 1979, Vol. 70 (5), pp. 950–959.
14. Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F. D., Horseywood N. Effects of Regional Trade Agreements Using a Static and Dynamic Gravity Equation. *IAI Discussion Papers*, 2006, No. 149.
15. Portes R., Rey H. The Determinants of Cross-Border Equality Flows. *Journal of International Economics*, 2005, Vol. 65 (2), pp. 269–296.
16. Ristanovic V. International Trade Flows of the Balkan states. *The Review of International Affairs*, 2022, Vol. 73 (1184), pp.5–27.

Поступила: 19.06.2025

Принята к печати: 16.11.2025

Сведения об авторах

Филип Селамовски

ассистент кафедры международного бизнеса РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Selamovski.F@rea.ru

Татьяна Андреевна Воронова

доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Voronova.TA@rea.ru

Information about the authors

Philip Selamovski

Lecturer of the Department of International Business of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Selamovski.F@rea.ru

Tatiana A. Voronova

Doctor of Economics, Professor of the Department of International Business of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Voronova.TA@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-178-188>

СМАРТИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ КАК СОВРЕМЕННАЯ И ДОЛГОСРОЧНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКИ, ФАКТОРЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Н. С. Рытова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

В статье проведен анализ современного этапа международной торговли и мировой торговой системы. Установлено, что в последние четверть века имеет место комплексная и глубокая трансформация мировой торговой системы, а также формируются ее новые долгосрочные характеристики. Выявлены и проанализированы основные факторы, оказывающие стимулирующее воздействие на трансформационные процессы в сфере мировой торговли – технологические, экономические и рыночные, институциональные и политические, а также глобальные вызовы и кризисы, под влиянием которых сегодня функционирует мировая торговая система. Эти факторы привели к смартизации мировой торговли, т. е. появлению и усилению в ее системе таких характеристик, как прозрачность, инклюзивность и адаптивность. Данные характеристики присущи торговым процессам, происходящим на уровне компаний, регионов, в мире в целом, что требует от стран ускоренными темпами пересматривать свои стратегии и механизмы в сфере международной торговли.

Ключевые слова: мировая экономика, цифровизация, трансформация мировой торговли, компьютеризация, факторы смартизации, особенности мировой торговли.

SMARTIZATION OF INTERNATIONAL TRADE AS A MODERN AND LONG-TERM TREND OF ITS DEVELOPMENT: CHARACTERISTICS, FACTORS, POSSIBLE CONSEQUENCES

Natalia S. Rytova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

The article analyzes the current stage of international trade and the global trading system. It has been established that in the last quarter of a century there has been a comprehensive and profound transformation of the global trading system, as well as its new long-term characteristics. The main factors that have a stimulating effect on transformational processes in the field of global trade are identified and analyzed - technological, economic and market, institutional and political, as well as global challenges and crises, under the influence of which the world trading system operates today. These factors have led to the democratization of global

trade, i.e. the emergence and strengthening of such characteristics as transparency, inclusivity and adaptability in its system. These characteristics are inherent in trade processes taking place at the level of companies, regions, and the world as a whole, which requires countries to rapidly review their strategies and mechanisms in the field of international trade.

Keywords: world economy, digitalization, transformation of world trade, computerization, factors of smartization, features of world trade.

Введение

Международная торговля и ее нынешние трансформации – традиционная сфера научных исследований и практических действий. Будучи системообразующей основой международных экономических отношений, международная торговля переживает сегодня серьезные и многоаспектные изменения – отраслевые, географические, инструментальные, организационные, финансовые, транспортно-логистические, которые оказывают на мироторговые процессы значительное влияние, формируя новые тенденции как в глобальной торговой системе, так и в международных экономических отношениях в целом.

Многие современные исследователи изучают особенности международной торговли на основе традиционных теоретических подходов [1; 2; 5; 6; 10], тогда как, на наш взгляд, ее сущность и характеристики фундаментально изменились. В частности, усилилась взаимосвязь международной торговли с системой национальной экономической безопасности [3], изменились трактовка и оценка экономических выгод от торговли [7], роль и значимость различных сегментов мирового рынка с точки зрения обеспечения устойчивого развития [14] и др. Все эти аспекты трансформируют мироторговую систему, но в то же время могут негативно влиять на ситуацию в отдельных странах, в частности в Российской Федерации [12]. В связи с этим необходима систематизация нового опыта и эмпирических исследований.

В данной статье представлен краткий анализ факторов формирования современной мировой торговой системы и ее основных характеристик, которые, на наш взгляд, сохраняют свое значение как минимум в среднесрочной перспективе.

Результаты исследования

Международная торговля – старейшая форма международных экономических отношений, связывающая страны на протяжении веков. Ее эволюция подтверждает, что международная торговля формирует те или иные особенности под влиянием конкретных факторов и задач, стоящих перед участниками мироторгового процесса. Так, в период необходимости становления промышленности провозглашалась (в теории, например, меркантилистами) и внедрялась на практике система протек-

ционизма и ограничений на импорт. Колониальная система запрещала контакты метрополий с «чужими» колониями, а торговая система была основана преимущественно на неэквивалентности выгод для ее участников. В условиях активизации развития мировой индустрии и транспорта на основе промышленной революции функционировала система свободной торговли, основанная, с одной стороны, на конкуренции нескольких равных промышленных держав, а с другой – на обосновании системы международного разделения труда (абсолютные и относительные преимущества). Монополизация и формирование дисбалансов потребовали государственного регулирования внешней торговли, а затем и торговли международной на основе ее институционализации (создание ГАТТ), включая создание интеграционных объединений, показателем эффективности которых традиционно выступал именно уровень развития взаимной торговли¹.

С начала XXI в. противоречия развития мировой экономики и международных экономических отношений в различных направлениях усилились. Так, под влиянием гиперглобализации, качественного роста, взаимосвязи и взаимозависимости субъектов мировой экономики возросла конкуренция на мировых рынках в условиях ограниченных ресурсов, причем в эту конкуренцию включились не только промышленно развитые страны – лидеры, но и государства, традиционно рассматривавшиеся не как самостоятельные производители промышленной продукции, а скорее как ее потребители, поставляющие на мировой рынок необработанное сырье, что перестало обеспечивать центру возможности сохранять свои лидирующие позиции и высокие темпы роста [4]. Такими новыми лидерами в 2000-х гг. стали Китай, Индия, Россия и Бразилия, (в результате появился акроним БРИК). На основе трансфера технологий и собственных наработок они совершили прорыв в развитии компьютеризации и цифровизации (цифровые платформы и E-commerce, большие данные (big data), Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (AI), блокчейн обеспечивали новые эффекты участникам международной торговли. Китай стал не только крупнейшим в мире производителем промышленной продукции, но и экспортером, потеснив с этой позиции США [13]. Появление новых технологий в производстве, транспортной (включая формирование цепочек создания стоимости) и коммуникационной сферах и в целом ряде сопутствующих, например, в банковской, инвестиционной, таможенной, логистической и других системах, суще-

¹ См.: Шкваря Л. В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве : учебное пособие. – М. : Инфра-М, 2019.

ственно укрепило международную торговлю и изменило позиции стран-экспортеров и импортеров в мировом рейтинге¹.

Нельзя не отметить экономические и рыночные факторы трансформации международной торговли как движущей силы этого процесса. Так, растущие ожидания потребителей и бизнеса (рынка), нацеленные на высокую скорость, прозрачность, персонализацию и низкие цены, предопределили все более широкое использование цифровых технологий в международной торговле. Глобальная конкуренция требует от бизнеса всех уровней оптимизировать издержки и повышать эффективность на всех этапах – от закупки сырья до доставки конечному потребителю. В этих условиях сформировались новые бизнес-модели, например, экономика подписки, т. е. продажа не товара, а постоянного доступа к нему, рост объемов торговли услугами удаленно за счет IT, дизайна, консалтинга, образования, телемедицины и др., что требует сложных систем управления и аналитики в масштабах всей планеты². Были оптимизированы цепочки поставок – смартизация позволяет создавать более гибкие, устойчивые и рентабельные глобальные цепочки поставок, минимизируя простои и потери.

Институциональные и политические факторы (рамочные условия) формируют новые правила игры, которые могут как стимулировать, так и сдерживать международную торговлю в целом или в отдельных ее сегментах (у отдельных участников). С одной стороны, ВТО сегодня не справляется с функциями глобального регулятора международной торговли, обеспечивающего ее эффективность. Санкции, торговые войны между членами ВТО и другие конфликтные процессы, в том числе прямые захваты транспортных судов, нарушают интересы участников торговли [15]. С другой стороны, внедрение электронного документооборота (e-documents), систем единого окна для подачи данных таможен и другим регулирующим органам сокращают время и стоимость пересечения границ. В свою очередь рамочные стандарты Всемирной таможенной организации, ВТО по упрощению процедур торговли (Trade Facilitation Agreement), подталкивающие страны к цифровизации, а также политика «Индустрия 4.0» (активное продвижение национальных стратегий по цифровизации промышленности и торговли, предоставление финансирования), играют растущую роль в трансформации мировой торговой системы.

¹ См.: Международная торговля : учебник / под общ. ред. Р. И. Хасбулатова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019.

² См.: Кузнецова Г. В., Подбиралина Г. В. Международная торговля товарами и услугами : учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп.). – М. : Юрайт, 2021.

Таким образом, указанные факторы – технологические, экономические и рыночные, институциональные и политические, а также глобальные вызовы и кризисы, выступающие катализаторами, под влиянием которых сегодня функционирует мировая торговая система, стимулируют фундаментальную трансформацию мировой торговли уже на протяжении как минимум четверти века.

Одной из важнейших современных тенденций международной торговли выступает ее смартизация на основе цифровизации [9]. Смартизация международной торговли – комплексный процесс трансформации традиционной международной торговли под влиянием цифровых технологий, обеспечивающих новые возможности и автоматизацию торговых процессов на всех ее этапах – от выбора товара и партнера на мировом рынке до получения продукции. Это не просто оцифровка (перенос процессов в цифровой формат), а наделение систем интеллектом.

Смартизация международной торговли предполагает, что ее новые характеристики и особенности находятся на том или ином уровне формирования под влиянием новых факторов, вызванных к жизни в последнюю четверть века.

Среди этих характеристик можно выделить следующие:

Во-первых, смартизация обеспечивает более высокую эффективность международной торговли (за счет снижения издержек на всех этапах – от производства до получения приобретенного товара).

Во-вторых, прозрачность (возможности получения актуальной информации о товаре, поставщике, транспортно-логистических цепочках, финансовых возможностях). Смартизация позволяет в режиме реального времени отслеживать местоположение контейнера, товара, машины, денежных средств, других физических объектов, а также происходящих с ними процессов, проблем, которые возникают на основе цифровых технологий, например Интернета вещей. С помощью big data & AI данные не просто собираются, а анализируются для прогнозирования, оптимизации и принятия решений, а ручные процессы заменяются автоматизированными. Все участники цепочки имеют доступ к актуальной информации. Прозрачность – ключевой фактор эффективности, справедливости и устойчивости международной торговли. На основе цифровых технологий внедряются такие инструменты прозрачности, как единые электронные окна, международные и региональные соглашения, инициативы частного сектора и гражданского общества. Так, системы Like Fair Trade (справедливая торговля) или FSC (для древесины) предоставляют потребителям прозрачную информацию о стандартах производства. Прозрачность международной торговли – это не самоцель, а мощный инструмент для снижения издержек, повышения конкуренции, борьбы с коррупцией и построения более устойчивой и справедливой глобальной

экономики. Несмотря на существующие вызовы, тренд очевиден: мир движется к большей открытости благодаря цифровым технологиям и международному сотрудничеству. Страны и компании, которые внедряют принципы прозрачности, получают значительное конкурентное преимущество в долгосрочной перспективе.

В-третьих, инклюзивность (модель организации мировой торговли, при которой ее выгоды распределяются более справедливо и доступны для всех участников независимо от уровня их развития или внутренних социально-экономических характеристик). Так, развиваются торговые соглашения нового поколения, например, между Канадой и ЕС – СЕТА, которые включают отдельные главы о поддержке малого предпринимательства (МСП), защите труда, охране окружающей среды. Снижение бюрократических барьеров на границе особенно выгодно малым компаниям, а электронные платформы, цифровые таможенные декларации и онлайн-платежи кардинально снижают стоимость и сложность международной торговли для МСП. Специальные правительственные и международные программы направлены на финансирование, обучение и продвижение экспорта среди женщин-предпринимателей и МСП.

В-четвертых, адаптивность – способность глобальной торговой системы, отдельных стран, компаний и цепочек создания стоимости быстро реагировать на внешние вызовы, минимизировать потери, находить новые возможности и перестраивать свою деятельность в изменившихся условиях. Таким образом для участников международной торговли обеспечивается возможность приспосабливаться к резким изменениям и шокам, трансформировать свои структуры, потоки и институты, что крайне важно в XXI в. Другими словами, это гибкость и устойчивость торговли перед лицом разноплановых кризисов и/или вызовов (с которыми ранее международная торговля либо не сталкивалась, либо они не носили столь комплексный и системный характер), среди которых сегодня можно отметить различные торговые конфронтации (санкции, торговые войны), неспособность мирового сообщества преодолеть их негативные последствия с помощью ВТО и других международных организаций [10], нестабильность мировых рынков, например, сырьевых, в том числе под влиянием эпидемии КОВИД, и др.

Смартизация мировой торговли имеет ряд преимуществ, в числе которых следующие:

- снижение издержек (сокращение бумажного документооборота, уменьшение ручного труда, оптимизация логистики);
- ускорение всех процессов – от заключения контракта до доставки товара;
- прозрачность и отслеживаемость (все участники видят статус и местоположение груза в реальном времени);

- повышение безопасности и снижение рисков (борьба с мошенничеством, контрафактной продукцией, управление рисками);
- доступность для МСП (малый и средний бизнес получает доступ к глобальным рынкам через цифровые платформы и упрощенные процедуры);
- устойчивость (оптимизация маршрутов снижает углеродный след, а цифровизация уменьшает использование бумаги в деловом обороте).

В то же время сохраняются или в отдельных случаях появляются новые препятствия и даже вызовы, требующие работы над их устранением:

- цифровое неравенство (не все страны и компании имеют одинаковый доступ к технологиям и инфраструктуре);
- вопросы стандартизации и интероперабельности (разные системы и платформы должны «понимать» друг друга);
- кибербезопасность (цифровые системы становятся мишенью для хакеров);
- нормативно-правовая база (законы часто не успевают за развитием технологий (например, юридический статус электронных документов и цифровых подписей в разных юрисдикциях);
- необходимость новых компетенций (компаниям нужны специалисты, разбирающиеся и в торговле, и в цифровых технологиях).

На наш взгляд, противодействие этим ограничениям может осуществляться как на уровне отдельных субъектов хозяйствования (компаний), так и государств и на наднациональном уровне.

Заключение

На основе проведенного исследования выявлены и систематизированы факторы трансформации международной торговли и формирования ее новых характеристик и особенностей, позволяющие определить этот процесс как смартизацию международной торговли.

Смартизация международной торговли – это не будущее, а настоящее. Это фундаментальный сдвиг от фрагментированной, непрозрачной и бумажной системы к интегрированной, интеллектуальной и цифровой экосистеме. Компании и страны, которые активно внедряют эти технологии, получают значительное конкурентное преимущество на глобальном рынке.

Прозрачность – доступность, понятность и достоверность информации обо всех аспектах торговой операции для всех участников процесса (государств, компаний, потребителей).

Инклюзивность международной торговли – не просто модное слово, а необходимая эволюция подхода к глобализации, признание того, что торговля должна работать на благо всех, а не только избранных. Это дол-

гий и сложный процесс, но критически важный для будущего глобальной экономики.

Адаптивность стала новым ключевым словом для мировой торговли. Она смещает фокус с эффективности и минимизации затрат в сторону устойчивости, надежности и управляемости рисками. Способность к адаптации в современных условиях – критически важное конкурентное преимущество как для компаний, так и для целых стран.

Будущее мировой торговли – это не возврат к глобализации в ее старом виде, а формирование более сложной, многополярной и гибкой системы, способной выдерживать будущие потрясения.

Список литературы

1. Гладков И. С. Международная торговля 2020: перемены или перегруппировка? // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 3. – С. 104–110. – DOI: 10.31171/vlast.v29i3.8148
2. Золотухин А. А. Неэквивалентный обмен и международная торговля // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 4. – С. 72–88. – DOI: 10.5281/zenodo.7521895
3. Касымов А. А. Международная торговля и экономическая безопасность: анализ основных вызовов и возможностей для стран // Социально-экономические процессы современного общества : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2025. – С. 18–20.
4. Кириллов В. Н., Смирнов Е. Н. Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 64–90. – DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-64-90
5. Круглов В. С., Маркелов А. Ю., Толмачев М. Н. Международная торговля России в условиях стратегической геоэкономической неопределенности // Экономические науки. – 2023. – № 218. – С. 236–241. – DOI: 10.14451/1.218.490
6. Международная торговля: проблемы и перспективы: коллективная монография. – М. : Издательский дом «Научная библиотека», 2018.
7. Моллаева О. Международная торговля и распределение доходов в краткосрочной и среднесрочной перспективе // Вестник науки. – 2023. – Т. 2. – № 10 (67). – С. 49–51.
8. Русакович В. И., Нежелская А. В. Индия и Китай: опыт вступления в ВТО // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2014. – № 63. – С. 59–60.
9. Рытова Н. С. Цифровизация как определяющий фактор современности в мировой экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т. 8. – № 12А. – С. 547–553.

10. Смирнов Е. Н. Детерминанты развития международной торговли в условиях гиперглобализации и цифровизации // Российский внешне-экономический вестник. – 2019. – № 5. – С. 26–40.

11. Спартак А. Н., Спартак С. А. Взаимное торгово-экономическое сотрудничество стран БРИКС в условиях глобальных трансформаций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2024. – № 4 (42). – С. 28–52. – DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29

12. Спартак А. Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2024. – № 4 (42). – С. 28–52.

13. Хэ М., Шкваря Л. В., Ван С. Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 11. – С. 11–16. – DOI: 10.31857/S032150750012178-7

14. Черняева В. А. Современная международная торговля энергоносителями: Роль России и возможности повышения эффективности экспорта // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2021. – Т. 11. – № 2 (34). – С. 83–90.

15. Шкваря Л. В. Торговая война Трампа: каковы перспективы для мировой экономики и торговли? // Вопросы новой экономики. – 2025. – № 2 (74). – С. 4–14.

References

1. Gladkov I. S. Mezhdunarodnaya trgovlya 2020: peremeny ili peregruppirovka? [International Trade 2020: Changes or Regrouping]. *Vlast* [Power], 2021, Vol. 29, No. 3, pp. 104–110. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v29i3.8148

2. Zolotukhin A. A. Neekvivalentniy obmen i mezhdunarodnaya trgovlya [Unequal Exchange and International Trade]. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Questions of Political Economy], 2022, No. 4, pp. 72–88. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.7521895

3. Kasymov A. A. Mezhdunarodnaya trgovlya i ekonomicheskaya bezopasnost: analiz osnovnykh vyzovov i vozmozhnostey dlya stran [International Trade and Economic Security: an Analysis of the Main Challenges and Opportunities for Countries]. *Sotsialno-ekonomicheskie protsessy sovremennogo obshchestva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Socio-Economic Processes of Modern Society: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference], Cheboksary, 2025, pp. 18–20. (In Russ.).

4. Kirillov V. N., Smirnov E. N. Traektoriya ustoychivogo rosta ili ocherednaya razbalansirovka mekhanizmov mirovoy ekonomiki [The Trajectory of Sustainable Growth or Another Imbalance in the Mechanisms of the Global Economy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2019, Vol. 12, No. 5, pp. 64–90. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-64-90
5. Kruglov V. S., Markelov A. Yu., Tolmachev M. N. Mezhdunarodnaya trgovlya Rossii v usloviyakh strategicheskoy geoekonomicheskoy neopredelennosti [Russia's International Trade in the Context of Strategic Geo-Economic Uncertainty]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 2023, No. 218, pp. 236–241. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.218.490
6. Mezhdunarodnaya trgovlya: problemy i perspektivy [International Trade: Problems and Prospects]: kollektivnaya monografiya. Moscow, Izdatelskiy dom «Nauchnaya biblioteka», 2018. (In Russ.).
7. Mollaeva O. Mezhdunarodnaya trgovlya i raspredelenie dokhodov v kratkosrochnoy i srednesrochnoy perspektive [International Trade and Income Distribution in the Short and Medium Term]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2023, Vol. 2, No. 10 (67), pp. 49–51. (In Russ.).
8. Rusakovich V. I., Nezhelskaya A. V. Indiya i Kitay: opyt vstupleniya v VTO [India and China: the Experience of WTO Accession]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2014, No. 63, pp. 59–60. (In Russ.).
9. Rytova N. S. Tsifrovizatsiya kak opredelyayushchiy faktor sovremennosti v mirovoy ekonomike [Digitalization as a determining factor of modernity in the global economy]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow], 2018, Vol. 8, No. 12A, pp. 547–553. (In Russ.).
10. Smirnov E. N. Determinanty razvitiya mezhdunarodnoy trgovli v usloviyakh giperglobalizatsii i tsifrovizatsii [Determinants of International Trade Development in the Context of Hyperglobalization and Digitalization]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2019, No. 5, pp. 26–40. (In Russ.).
11. Spartak A. N., Spartak S. A. Vzaimnoe trgovno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran BRIKS v usloviyakh global'nykh transformatsiy [Mutual Trade and Economic Cooperation of the BRICS Countries in the Context of Global Transformations]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World], 2024, No. 4 (42), pp. 28–52. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29
12. Spartak A. N. Perekhod k novomu mirovomu ekonomicheskomu poryadku: etapy, klyuchevye cherty, vyzovy i resheniya dlya Rossii [Transition to a New World Economic Order: Stages, Key Features, Challenges

and Solutions for Russia]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World], 2024, No. 4 (42), pp. 28–52. (In Russ.).

13. Khe M., Shkvarya L. V., Van S. Kitay: sotsialno-ekonomicheskoe razvitie i vneshnyaya trgovlya [China: Socio-Economic Development and Foreign Trade]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2020, No. 11, pp. 11–16. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750012178-7

14. Chernyaeva V. A. Sovremennaya mezhdunarodnaya trgovlya energo-nositelyami: Rol Rossii i vozmozhnosti povysheniya effektivnosti eksporta [Modern International Energy Trade: The Role of Russia and the Possibilities of Increasing Export Efficiency]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. Vstuplenie. Put v nauku* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. The Path to Science], 2021, Vol. 11, No. 2 (34), pp. 83–90. (In Russ.).

15. Shkvarya L. V. Torgovaya vojna Trampa: kakovy perspektivy dlya mirovoy ekonomiki i trgovli? [Trump's trade war: what are the prospects for the global economy and trade?]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of the New Economy], 2025, No. 2 (74), pp. 4–14. (In Russ.).

Поступила: 19.06.2025

Принята к печати: 16.11.2025

Сведения об авторе

Наталья Сергеевна Рытова
аспирантка кафедры экономико-математического моделирования РУДН.
Адрес: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: nataly_zh@mail.ru

Information about the author

Natalia S. Rytova
Post-Graduate Student of the Department of Economic and Mathematical Modeling of RUDN University.
Address: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: nataly_zh@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-1189-200>

РОЛЬ АФРИКИ В РЕФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЙ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

А. В. Федоров

Институт Африки Российской академии наук,
Москва, Россия

Динамично развивающаяся в настоящее время валютно-финансовая система Африки, длительное время находящаяся в неокOLONIALной зависимости от транснациональных финансовых групп и международного капитала, идет по собственному пути развития, который во многом отличается от финансового развития других глобальных регионов. Африка южнее Сахары демонстрирует уникальный опыт эволюции монетарной системы с самой высокой динамикой роста финтех и электронных небанковских платежей в мире. Активное экстенсивное развитие панафриканских финансовых групп и тренд на вытеснение ими иностранных и транснациональных финансовых корпораций из Африки с каждым годом увеличивается. Африка является одним из мировых лидеров по развитию децентрализованных финансов и майнинга криптовалют. Континент остается с высоким внешним государственным долгом, сформированным главным образом в постколониальный период своей истории, который блокирует экономическое развитие африканских стран и достижение целей устойчивого развития. Наряду с этим научный и политический дискурс о реформировании мировой финансовой архитектуры приобретает жесткий характер, так как в современном ее виде она не может эффективно противостоять новым вызовам, которые еще более усугубили накопившиеся за последние десятилетия проблемы. Африка – главный бенефициар реформы мировой валютно-финансовой системы, в которой она должна занять адекватное своей растущей международной роли место в геополитическом и геоэкономическом плане. Африка южнее Сахары может стать тем триггером, который ускорит реформирование мировой финансовой архитектуры, а также своеобразным полигоном для соответствующих пилотных проектов.

Ключевые слова: валютно-финансовая система Африки, мировая монетарная архитектура, ЦВЦБ, Африка южнее Сахары.

THE ROLE OF AFRICA IN REFORMING THE GLOBAL MONETARY AND FINANCIAL SYSTEM

Andrey V. Fedorov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Africa's monetary and financial system, which is currently developing dynamically after a prolonged period of neocolonial dependence on transnational financial groups and international capital, is following its own unique path of development, one that differs significantly from the

financial trajectories of other global regions. Sub-Saharan Africa, in particular, showcases a unique experience in the evolution of its monetary system, characterized by the world's highest growth dynamics in fintech and electronic non-bank payments. The active, extensive development of Pan-African financial groups and the trend of them displacing foreign and transnational financial corporations from the African continent are intensifying each year. Africa is one of the global leaders in the development of decentralized finance and cryptocurrency mining. At the same time, the continent remains burdened with high levels of external public debt, accumulated primarily in the post-colonial period of its history. This debt hinders the economic development of African nations and their achievement of the Sustainable Development Goals. Concurrently, the scientific and political discourse on reforming the global financial architecture is becoming increasingly acute, as the current system in its present form is incapable of effectively countering new challenges, which have further exacerbated the problems accumulated over recent decades. Africa stands to be a primary beneficiary of a reform of the global monetary and financial system, within which it must assume an adequate position commensurate with its growing international role that reflects its deserving status in geopolitical and geo-economic terms. Sub-Saharan Africa has the potential to become the trigger that accelerates the reform of the global financial architecture and to serve as a unique testing ground for corresponding pilot projects.

Keywords: African Monetary and Financial System, Global Monetary Architecture, CBDC, Sub-Saharan Africa.

Введение

Международная монетарная архитектура (ММА), фундамент которой был заложен в 1944 г. в Бреттон-Вудсе (США, Нью-Гэмпшир) на Валютно-финансовой конференции Объединенных Наций, давно нуждается в системном реформировании, которое не отрицается ни одним участником мировой монетарной системы как на субъектном, так и объектном уровнях. Мировой научный и политический дискурс о реформировании мировой монетарной системы является одним из самых масштабных и длительных в исторической ретроспективе и до недавнего времени носил эволюционный характер.

В последнее десятилетие мировая валютно-финансовая система (МВФС) столкнулась с новыми вызовами, связанными с кризисом доверия к резервным валютам, ставшими инструментом политического давления в международной политике, растущим трендом цифровизации финансовых отношений. Существующая институциональная международная финансовая архитектура, основанная на западном монетарном превосходстве и разработанной им же системе пруденциального надзора (Базель I–III) и контроля (FATF), является препятствием на пути мирового прогресса и финансового суверенитета незападных государств, влияние которых на международной финансовой арене экспоненциально растет.

По данным исследования UNCTAD¹, проведенного в ходе 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 59 мировых лидеров призывают к реформе международной финансовой архитектуры, из которых 15% – развитые страны и 36% – развивающиеся. В свою очередь 168 стран увязывают вопросы устойчивого развития с финансированием, 60 – с государственным долгом².

Наиболее заинтересованными в реформировании МВФС являются незападные страны. Основной дискурс совершенствования ММА лежит в плоскости развития геополитической многополярности, снижения неравенства в перераспределении мировых финансовых ресурсов, увеличения представительства незападных стран в управлении международных финансовых институтов главным образом в МВФ и Группе Всемирного банка. Важной частью данного дискурса являются вопросы валютной многополярности, ухода от доллара как основной резервной валюты при международных расчетах. К настоящему времени мировая валютно-финансовая система в значительной степени эволюционировала и дополнилась новыми формами и содержанием.

Масштабный контроль за внутренним и трансграничным движением капиталов, блокировка государственных резервов и внесудебный арест частных активов – это не что иное, как ограничение свободного денежного обращения как основы существования денег. Тем самым частично девальвируются такие основные функции денег, как средство платежа, средство накопления, мировые деньги, что, по сути, является прямым вмешательством в сущность денег. Появление новой формы денег – государственной фиатной цифровой валюты (ЦВЦБ) – создает угрозу существованию традиционной банковской системы и сильно меняет современную финансовую инфраструктуру. В частности, развитие цифровой платформы ЦВЦБ позволит проводить кредитование, используя смарт-контракты без корреспондентских отношений. Цифровая форма денег не имеет такой функции, как средство накопления, следовательно, нет депозитов – нет основного источника формирования банковских пассивов. Все эти факторы привели к опережающим темпам роста децентрализованных финансов по сравнению с цифровизацией и развитием централизованных финансов [1].

Мировая монетарная система набрала необходимую критическую массу для перехода на качественно новый уровень. Экспоненциально растущая роль Африки в мире, ее экономическая трансформация с ди-

¹ См.: Конференция ООН по торговле и развитию (*англ.* United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD), орган Генеральной Ассамблеи ООН.

² A World Debt Report 2024. – С. 24. – URL: <https://unctad.org/publication/world-of-debt> (дата обращения: 05.11.2025)

намично развивающейся финансовой системой могут стать триггером, который послужит толчком для реформирования мировой монетарной архитектуры. Уже сейчас Африка является геоэкономическим пространством столкновения интересов ведущих мировых стран. Растущее геополитическое влияние Африки становится предметом международной конкуренции в стремлении получения перспективного союзника на мировой арене.

Дискурс о реформировании МВФС

Необходимость реформирования мировой финансовой архитектуры продиктована нарастающими эндогенными и экзогенными противоречиями МВФС. Среди их причин выделяются доминирующее положение развитых стран в международных финансовых институтах на фоне недооценки растущей роли развивающихся стран, политизированность принимаемых решений, растущий глобальный долг и увеличивающийся дисбаланс между вкладом развивающихся стран в мировой ВВП и использованием их валют для международных расчетов и платежей [2]. Одним из важных моментов является противоречие между международным и национальным уровнем регулирования валютного рынка. В целом все участники дискурса утверждают о структурном несоответствии современной МВФС уровню развития мировой монетарной системы со всеми вызовами и неспособности выполнять свои основные задачи по финансированию Целей устойчивого развития и противодействию экономическим кризисам.

Условно существующие подходы к реформированию МВФС можно разделить на две основные концепции: реновационную (от латинского *renovatio* – обновление), подразумевающую процесс улучшения, реконструкции, реставрации без разрушения целостности структуры¹ и инновационную (от латинского *novatio* – обновление в изменении)², которая не подразумевает обязательного сохранения структуры системы и основывается прежде всего на нововведениях. В последнее десятилетие к двум основным концепциям присоединилась третья – революционная, предполагающая полную реорганизацию мировой монетарной архитектуры через тотальную цифровизацию финансовых отношений.

Основные апологеты реновационной модели – это ученые и политики, аффилированные с действующими международными финансовыми институтами и Западной макрофинансовой школой, например, про-

¹ См.: Новая российская интернет-энциклопедия. – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 05.11.2025).

² Там же.

фессор Калифорнийского университета Морис Обстфельд и профессор Гарвардского университета Кеннет Рогофф – бывшие главные экономисты и аналитики МВФ в разные периоды. Их позиция заключалась в том, что реформирование МВФС неизбежно, но ее структура должна оставаться прежней – централизованной и глобальной, реформы эволюционными. Главный акцент при этом, по их мнению, необходимо направить на совершенствование управления, увеличение квот незападных стран в МВФ, интеграцию с региональными валютными фондами [7].

Эти подходы в полной мере нашли отражение в докладе Генерального секретаря ООН по реформированию международной финансовой и налоговой архитектуры Our Common Agenda Policy Brief 6: Reforms to the International Financial Architecture¹. В докладе предложено 17 направлений эволюционного реформирования международной финансовой архитектуры (МФА), где в первую очередь рассматривается трансформация управления международными финансовыми институтами, а именно:

- распределение квот МВФ в соответствии с изменившимся мировым ландшафтом;
- реформирование и демократизация системы распределения голосов на выборах в управляющие органы и при принятии решений, в том числе с использованием правила двойного большинства²;
- при распределении финансовых ресурсов – использование нового индекса, учитывающего не только ВВП реципиента, но и уязвимость его экономики;
- увеличение количества голосов и представительств развивающихся стран в советах директоров; повышение институциональной прозрачности;
- стремление к гендерному равенству во всех структурах управления и на уровне руководства.

Сторонники инновационной модели реформирования МВФС прежде всего выступают против однополярной долларовой мировой валютной системы, монополизации Евросоюзом и США управления в международных финансовых институтах. С момента основания МВФ его неизменно возглавляет гражданин Европы [4], а США – единственная страна – член МВФ, имеющая право накладывать вето на решения фонда.

¹ URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/our-common-agenda-policy-brief-international-finance-architecture-en.pdf?ysclid=nhueup47ox950180676> (дата обращения: 05.11.2025).

² Правила двойного большинства (double majority) – это система голосования, при которой решение принимается по результатам двух квалификационным групп голосующих. В данном случае речь идет о развитых и развивающихся странах.

Важным для темы настоящей статьи является критика низкого представительства в органах управления развивающихся стран, в частности, целого континента Африки.

Среди основных апологетов инновационного реформирования МВФС – российские ученые, количество публикаций которых существенно выросло после переориентации вектора сотрудничества Российской Федерации с коллективного Запада на Глобальный Юг.

Один из призывающих к кардинальным реформам МФА – Нобелевский лауреат по экономике 2001 г. Джозеф Стиглиц, который выступает против неолиберальной финансовой политики МВФ, усугубляющей кризисы и неравенство [10]. Он считает резервную валютную систему, основанную на долларе, неприемлемой и предлагает «... создать глобальную резервную систему, возможно, на основе СДР МВФ, с регулярными или циклическими эмиссиями... Это помогло бы решить проблему глобального совокупного спроса и обеспечить более стабильную систему» [5. – С. 295].

Идея создания единой наднациональной валюты на основе СДР распространена среди сторонников кардинальной реформы МВФС. Например, председатель Народного банка Китая (2002–2018), профессор Чжоу Сяочуань утверждал, что в основе главных проблем МФА лежит отсутствие глобального равновесия в потоках капиталов. Также им был обоснован переход на СДР как единую мировую резервную валюту [9].

Научный и политический дискурс о реформировании МВФС носит более глубокий, масштабный и многообразный характер, описание которого не является целью настоящей статьи. В качестве итога необходимо отметить, что основным спорным и до сих пор неразрешенным противоречием между двумя озвученными здесь концепциями, являются валютная многополярность и государственный финансовый суверенитет против системы резервных валют на базе доллара США, глобальный надзор и регулирование существующей архитектуры и ее адаптация к новым условиям или ее кардинальная модернизация.

Африка как триггер реформирования МВФС

Африка несет самую высокую относительно валового национального дохода (ВНД) долговую нагрузку, имея самые низкие квоты и представительство в МВФ, который вместе с Всемирным банком является главным кредитором Черного континента. Внешний государственный долг 48 африканских стран региона Африки южнее Сахары (АЮС) за 2023 г. составил 864 млрд долларов – 44% валового национального дохода и 170% к суммарному размеру экспорта. Данный долг на 40% состоит из кредитов многосторонних международных финансовых институтов (в основном МВФ и Группы Всемирного банка), контролируемых коллек-

тивным Западом, на 19% – из двусторонних государственных займов¹. На 45 стран Африки – членов МВФ приходится около 5,5% квот и 5,9% голосов. Согласно данным МВФ и словам Генерального секретаря ООН Антониу Гутерреша, сказанным им на пресс-конференции в преддверии Саммита G20 в Риме в октябре 2021 г., «МВФ выделил 650 млрд долларов США в виде специальных прав заимствования, или SDR, во время пандемии, по сути, создав деньги из ничего. Страны G7 с населением 772 млн человек получили 280 млрд долларов США. Африканский континент с населением 1,3 млрд человек получил 34 млрд долларов США»².

Валютно-финансовая система Африки (АВФС) характеризуется своим не интегрированным многообразием; каждая финансовая конгломерация имеет свою специфику и особенности в силу национального, исторического развития и колониального наследия. Африканский континент можно разделить на 8 финансовых конгломераций в силу объединяющих их факторов, географии и значимости для экономики Африки [6]. Все Африканские валюты относятся к категории частично (ведущие экономики) и низко конвертируемым (все остальные) за исключением зон франка КФА, курс которого фиксирован к евро. К основным системным рискам операций в национальных валютах относятся высокая волатильность, девальвация, регуляторные и операционные риски.

Ключевым фактором развития АВФС является панафриканская монетарная интеграция, проявляющаяся в создании Африканским союзом Панафриканской платежно-расчетной системы (PAPSS), которая обеспечивает проведение расчетов в 36 национальных валютах, минуя кросс-транзакции через доллар и евро. По экспертным прогнозам, к 2030 г. применение доллара США во внутриконтинентальных расчетах снизится на 25–30% по сравнению с текущим годом.

Важную роль в продвижении интеграционных процессов играет Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA), участниками которой по состоянию на начало 2025 г. являются 47 стран с совокупным ВВП 3,4 трлн долларов. AfCFTA представляет собой крупнейшую в мире зону свободной торговли по количеству стран-участниц и является ключевым элементом экономической интеграции Африки в рамках «Повестки 2063» Африканского союза.

Одним из главных драйверов роста АВФС является финтех. Низкий уровень охвата населения традиционными банковскими услугами (в среднем 35%) и молодое технологически восприимчивое население

¹ Международный долговой отчет 2024. – URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/idr/products> Дата обращения 30.10.2025

² URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/50774163-gensek-oon-zayavil-chto-sredstva-mvf-mezhdu-stranami-razdeleny-nespravedlivo/?ysclid=>

(медианный возраст составляет примерно 19 лет) создали уникальные условия для взрывного роста финтеха. По данным Всемирного банка, доля взрослого населения Африки к югу от Сахары, имеющего доступ к финансовым услугам, выросла с 23% в 2011 г. до 55% в 2023 г. преимущественно за счет мобильных технологий¹. Континент становится мировым игроком в цифровой экономике. Так, доля Африки в глобальном майнинге биткоина достигла 12% в 2023 г., отдельные страны, в частности, Сейшельские острова и Маврикий занимаются созданием национальных крипто-экосистем.

Все вышеперечисленные факторы подчеркивают, что Африка имеет все основания стать реальным двигателем в реформировании МВФС и ее архитектуры. Знаковым моментом, доказывающим это, стало проведение Африканским союзом в октябре 2025 г. в Луанде (Ангола) Финансового саммита по развитию африканской инфраструктуры². Основное достижение саммита – консолидация ранее разрозненных инициатив и требований африканского континента в единую, структурированную программу реформ. Как отметил в своей вступительной речи председатель Африканского союза, «больше нельзя мириться с ситуацией, когда правила игры пишутся без нашего участия»³. В рамках саммита была принята Луандийская дорожная карта по финансированию инфраструктуры и реформе финансовой архитектуры – документ, представляющий собой основной инструмент лоббирования интересов Африки на глобальных площадках, таких как G20 и Бреттон-Вудские институты. Одними из основных положений дорожной карты стали:

1. Требование о пересмотре квот и системы голосования в МВФ. Участники саммита единогласно поддержали ускорение реализации уже согласованных, но заблокированных реформ, а также инициирование нового раунда переговоров о перераспределении квот в пользу стран с формирующимся рынком и развивающихся экономик, в первую очередь стран Африки.

2. Расширение использования специальных прав заимствования (СДР). Было предложено создать механизм для добровольной переуступки неиспользуемых СДР от стран с развитой экономикой через многосторонние банки развития (МБР) для финансирования инфраструктурных

¹ Fintech in Africa: The End of the Beginning. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/fintech-in-africa-the-end-of-the-beginning>

² См.: Luanda Financing Summit for Africa's Infrastructure Development. – URL: <https://au.int/en/newsevents/20251028/luanda-financing-summit-africas-infrastructure-development> (дата обращения: 10.11.2025).

³ См.: African Union Commission. (2025, October 28). Opening Statement by the AU Chairperson at the Luanda Financing Summit : Press release.

проектов в Африке, что стало бы практическим шагом по повышению ликвидности без увеличения долговой нагрузки.

3. Включение в Парижский клуб новых суверенных кредиторов (китайских, например) и частных держателей облигаций в единые рамки реструктуризации долга.

Саммит в Луанде четко обозначил новую парадигму для международных банков развития (МБР), в частности, Всемирного банка и Африканского банка развития (АфБР). Вместо точечного финансирования проектов им было предложено перейти к масштабному программному финансированию за счет:

- увеличения капитализации АфБР. Страны-акционеры заявили о готовности рассмотреть вопрос о дополнительных взносах в капитал банка при увеличении целевого финансирования Всемирным банком инфраструктурных проектов в Африке;

- внедрения инновационных финансовых инструментов. В заключительном коммюнике содержится призыв к МБР активнее использовать гарантии для снижения рисков и привлечения частного капитала, а также развивать рынки национальных валют для финансирования проектов с целью минимизации валютных рисков.

Луандийский саммит стал не просто дискуссионной площадкой, а поворотной точкой в диалоге между Африкой и мировым финансовым истеблишментом. Его историческая роль заключается в том, чтобы мировая финансовая архитектура стала более справедливой и доступной для всех. Успех саммита будет измеряться не только его резолюциями, но и тем, насколько его итоги будут интегрированы в повестку дня G20, реализованы в политике Бреттон-Вудских институтов и отразятся в темпах роста инфраструктурного финансирования на африканском континенте в последующие годы. По итогам саммита уже сейчас можно констатировать, что Африка готова быть не просителем, а архитектором новой, более полицентричной и инклюзивной мировой финансовой системы.

Заключение

Африка переживает беспрецедентную трансформацию валютно-финансовой системы и становится мировым лидером в области мобильных платежей и финансовых технологий на фоне ограниченного доступа населения к традиционным банковским услугам. Этот феномен представляет особый научный и практический интерес, поскольку демонстрирует возможность технологического прыжка – преодоления этапов развития, характерных для других регионов мира.

Важную роль в трансформации АВФС и оказании влияния на реформирование мировой монетарной архитектуры должно сыграть создание независимых от западного и международного влияния панафри-

канских регуляторных институтов и банков развития, предусмотренных статьей 19 Конституции Африканского союза и «Повесткой 2063»: Африканского центрального банка (АЦБ), Африканского инвестиционного банка (АИБ) и Африканского валютного фонда (АВФ)¹.

С целью снижения зависимости от международного и иностранного капитала необходима мобилизация внутренних источников финансирования, не связанных с западными странами, такими как Фонд репараций, о создании которого было объявлено на 46-й сессии Африканского союза в рамках повестки 2025 г. «Справедливость через репарации африканцам и лицам африканского происхождения». Важный момент – продвижение репарационной повестки², целью которой в финансовом плане является снижение долговой нагрузки африканских государств перед международными многосторонними институтами развития.

Африка переосмысливает свою роль в глобальной монетарной архитектуре. Через усиление институтов развития, продвижение репарационной повестки и углубление интеграционных процессов континент не только адаптируется к вызовам современной финансовой системы, но и активно формирует альтернативные подходы. Уникальное сочетание технологических инноваций, демографического потенциала и растущего политического веса позволяют Африке выступать триггером реформ международной монетарной системы. Развитие региональных платежных систем, цифровых валют и механизмов коллективного управления резервами создает прецеденты для более справедливой и полицентричной глобальной валютно-финансовой архитектуры.

Список литературы

1. *Абрамова М. А., Криворучко С. В., Луняков О. В., Фианшеев А. Б.* Теоретико-методологический взгляд на предпосылки возникновения и особенности функционирования децентрализованных финансов // *Финансы: теория и практика.* – 2025. – № 29 (1). – С. 80–96.
2. *Балюк И. А.* Основные причины не функциональности современной мировой финансовой архитектуры // *Мировая экономика и мировые финансы.* – 2023. – Т. 2. – № 3. – С. 14–19. – DOI: 10.24412/2949-6454-2023-0170

¹ См.: Agenda 2063: The Africa We Want. Addis Ababa, 2015. – URL: <https://au.int/sw/node/34993>

² 2025 год объявлен Африканским союзом «Годом справедливости для африканцев и лиц африканского происхождения посредством репараций».

3. Жариков М. В. Актуальные вопросы реформы мировой финансовой архитектуры // Экономика и современные международные отношения. – 2024. – № 3. – С. 45-52.
4. Кузнецов А. В. Институциональные трансформации мировой финансовой архитектуры // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2022 – № 52 (11). – С. 35– 46.
5. Стиглиц Дж. Ю. Свободное падение: Америка, свободные рынки и погружение мировой экономики : пер. с англ. – М. : Эксмо, 2011.
6. Федоров А. В. Основные тенденции развития финансовой системы стран Африки южнее Сахары // Финансы: теория и практика. – 2025. – № 29 (3). – С. 6–19.
7. Obstfeld M., Adeesina T. *The Future of the International Monetary System: A Regional Perspective?* // Departmental Paper Series. – 2021. – N 2021/024.
8. Stiglitz J. E. *Globalization and Its Discontents*. – New York : W. W. Norton & Company, 2002. – P. 53–55, 73.
9. Zhou Xiaochuan: Reform the International Monetary System. 2009. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/english/130724/2842945/index.html>

References

1. Abramova M. A., Krivoruchko S. V., Lunyakov O. V., Fiapshev A. B. Teoretiko-metodologicheskii vzglyad na predposylki vzniknoveniya i osobennosti funktsionirovaniya detsentralizovannykh finansov [A Theoretical and Methodological View on the Prerequisites for the Emergence and Features of the Functioning of Decentralized Finance]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2025, No. 29 (1), pp. 80–96. (In Russ.).
2. Balyuk I. A. Osnovnye prichiny ne funktsionalnosti sovremennoy mirovoy finansovoy arhitektury [The Main Reasons for the Dysfunctionalit of the Modern Global Financial Architecture]. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy* [World Economy and Global Finance], 2023, Vol. 2, No. 3, pp. 14–19. (In Russ.). DOI: 10.24412/2949-6454-2023-0170
3. Zharikov M. V. Aktualnye voprosy reformy mirovoy finansovoy arhitektury [Current Issues of Global Financial Architecture Reform]. *Ekonomika i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Economics and Modern International Relations], 2024, No. 3, pp. 45–52. (In Russ.).
4. Kuznetsov A. V. Institutsionalnye transformatsii mirovoy finansovoy arhitektury [Institutional Transformations of the Global Financial Architecture]. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kultura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2022, No. 52 (11), pp. 35–46. (In Russ.).
5. Stiglits Dzh. Yu. Svobodnoe padenie: Amerika, svobodnye rynki i pogruzhenie mirovoy ekonomiki [Freefall: America, Free Markets, and the

Sinking of the World Economy], translated from English. Moscow, Eksmo, 2011. (In Russ.).

6. Fedorov A. V. Osnovnye tendentsii razvitiya finansovoy sistemy stran Afriki yuzhnee Sahary [Main Trends in the Development of the Financial System of Sub-Saharan African Countries]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2025, No. 29 (3), pp. 6–19.

7. Obstfeld M., Adeesina T. The Future of the International Monetary System: A Regional Perspective? *Departmental Paper Series*, 2021, No. 2021/024.

8. Stiglitz J. E. Globalization and Its Discontents. New York, W. W. Norton & Company, 2002, pp. 53–55, 73.

9. Zhou Xiaochuan: Reform the International Monetary System. 2009. Available at: <http://www.pbc.gov.cn/english/130724/2842945/index.html>

Поступила: 23.06.2025

Принята к печати: 12.11.2025

Сведения об авторе

Андрей Владимирович Федоров

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

Адрес: Институт Африки Российской академии наук, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: avfedorov@inbox.ru

Information about the author

Andrey V. Fedorov

Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute for African Studies of the RAS.

Address: Institute for African Studies of the RAS, 30/1 Spiridonovka Street, Moscow, 123001, Russian Federation.

E-mail: avfedorov@inbox.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-4-201-214>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ДОЛГА ЭФИОПИИ

С. Н. Замесина, А. Л. Сапунцов

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия

Заимствование финансовых ресурсов из-за рубежа развивающимися странами призвано содействовать развитию реального сектора экономики и, следовательно, экономическому росту. Однако зачастую неэффективное использование внешних займов, встречающееся в странах Африки, приводит к использованию полученных средств финансовыми институтами в спекулятивных целях, а также для обслуживания ранее полученных долгов. С 1970-х гг. Эфиопия не была склонна к проведению политики активного заимствования на внешних рынках. Только к началу 1990-х гг. проводимая политика либерализации привела к активному кредитованию Эфиопии из-за рубежа, вследствие чего ее внешний долг достиг рекордных 139% ВВП. После списания части долгов кредитная экспансия продолжалась, причем к традиционным кредиторам в лице международных организаций и развитых стран подключился Китай. Ситуация с внешним долгом Эфиопии стала ухудшаться к концу 2010-х гг., что определялось повышением риска дефолта, ухудшением состояния платежного баланса, искажениями в структуре внешней торговли, а также вооруженными конфликтами. К 2023 г. правительство Эфиопии вело переговоры о введении моратория на выплату по долгу и его реструктуризации, однако они не принесли должного результата, и страна объявила дефолт по некоторым выплатам, вызванный нарушением состояния платежного баланса и замедлением экономического роста. В статье исследовано формирование внешней задолженности Эфиопии, а также причины и последствия дефолта 2023 г.

Ключевые слова: дефолт, платежный баланс, страны Африки, экономический рост, Эфиопия.

FEATURES OF THE FORMATION AND MECHANISMS FOR REGULATING ETHIOPIA'S EXTERNAL DEBT

Sofya N. Zamesina, Andrey L. Sapuntsov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

The borrowing of financial resources from abroad by developing countries is designed to promote the development of the real sector of the economy and, consequently, economic growth. However, the often inefficient use of external loans found in African countries leads to the use of the funds received by financial institutions for speculative purposes, as well as to service previously received debts. Since the 1970s, Ethiopia has not been inclined to pursue a policy of active borrowing in foreign markets. Only by the early 1990s. The ongoing liberalization policy has led to active lending to Ethiopia from abroad, as a result of which its external debt has reached a record 139% of GDP. After writing off some of the debts, credit expansion continued, with China joining traditional creditors represented by international

organizations and developed countries. The situation with Ethiopia's external debt began to deteriorate by the end of the 2010s, which was determined by an increased risk of default, a deterioration in the balance of payments, distortions in the structure of foreign trade, as well as armed conflicts. By 2023, the Ethiopian government was negotiating a moratorium on debt payments and restructuring, but they did not bring about the desired result, and the country defaulted on some payments caused by a balance of payments imbalance and a slowdown in economic growth. The article examines the formation of Ethiopia's external debt, as well as the causes and consequences of default in 2023.

Keywords: default, balance of payments, African countries, economic growth, Ethiopia.

Введение

Привлечение и заимствование ресурсов из-за рубежа играют важную роль в обеспечении устойчивого экономического роста в развивающихся странах. Заемные финансовые ресурсы в приоритетном порядке направляются через финансовую систему в реальный сектор экономики, где обеспечивают расширение производственных мощностей и создание рабочих мест. Более того, немаловажно учитывать использование заемных финансовых ресурсов в целях поддержания макроэкономической стабильности и повышения устойчивости национальной экономики к внутренним и внешним шокам, когда средства направляются на повышение уровня капитализации системно значимых банков, в институты развития и др.

В современном мире заимствование стало неотъемлемым элементом проведения внешней финансовой политики государства, реализации программ по управлению государственными финансами. Однако в ряде развивающихся стран изложенные выше теоретические суждения оказываются нарушенными, когда там имеет место резкий рост внешней задолженности при недостаточно эффективном использовании таких ресурсов в национальной экономике, что может привести к утрате платежеспособности страны и вызвать долговой кризис [3].

При относительно высоком уровне внешнего долга в развитых странах могут наблюдаться, как благоприятный инвестиционный климат, так и оптимистические значения социально-экономических показателей. Более того, в таких условиях развитые страны смогут добиться устойчивого экономического роста. В свою очередь развивающиеся страны, прибегающие к увеличению внешнего долга, зачастую сталкиваются с трудностями в его обслуживании вплоть до неспособности осуществлять выплаты по внешним обязательствам. В подобных ситуациях экономика стран Африки испытывает кризисные явления, сталкивается с экономическими шоками внутренней и внешней природы, что вынуждает такие страны прибегать к новым заимствованиям [7]. Некоторые страны Африки вовлечены в военные конфликты, а также вынуждены бороться с

сепаратистскими и террористическими организациями. Это приводит к росту расходов на финансирование вооруженных сил и сил специальных операций и создает дополнительную нагрузку на расходы бюджета центрального правительства [10].

В начале 1990-х гг. Эфиопия изменила вектор экономической политики на либеральный: была проведена приватизация государственных компаний, отменены государственные цены, поощрялась конкуренция в рыночных отношениях. Эфиопия активно привлекала внешнее финансирование, включая многосторонние и двусторонние программы помощи. По мере изменения конъюнктуры мирового финансового рынка структура долга стран Африки трансформировалась в сторону более дорогих и гибридных инструментов, а также усилилась зависимость от частных кредиторов. Указанные обстоятельства повысили уязвимость стран Африки от колебаний конъюнктуры мировых финансов и ограничили возможности для пополнения государственного бюджета из внешних источников. Рассматриваемые явления наблюдались в экономике Эфиопии, где накопление внешнего долга сопровождалось волнами реструктуризации и неоднократными попытками вернуть государственные финансы в устойчивое состояние [12].

Ретроспективное изучение экономики Эфиопии показывает, что разовые меры по облегчению обслуживания долга сами по себе не устраняют долговые ограничения для экономического развития: уже в начале 2000-х гг. указывалось на недостаточность простого списания долга для достижения устойчивого сокращения бедности, если оно не будет сопровождаться структурными переменами и ростом доходов, так как обслуживание долга забирает на себя предназначенные для социальных и инфраструктурных проектов ресурсы [8].

Новые эмпирические работы по Восточной Африке подтверждают, что влияние заимствований на экономический рост зависит от качества институтов и границ долговой устойчивости: при умеренном уровне долг поддерживает инвестиции и экономический рост, но по мере наращивания долгового бремени и ослабления качества управления рассматриваемый эффект становится обратным [7]. Для Эфиопии характерна ситуация, при которой государственный долг способствует экономическому росту в краткосрочном периоде, однако в долгосрочной перспективе его высокий уровень и расходы на обслуживание вытесняют инвестиции и сдерживают экономический рост [9].

В декабре 2023 г. Эфиопия допустила дефолт по еврооблигациям, пропустив купонный платеж, после чего перешла к переговорам в рамках

Общей программы G20 и запросила поддержку МВФ для восстановления долговой устойчивости¹.

Результаты исследования

До 1970 г. для Эфиопии не была характерна высокая внешняя задолженность, которая в то время составляла 64 млн долларов². Основу внешнего финансирования в тот период формировали безвозмездные гранты и льготные кредитные инструменты с нулевой процентной ставкой. Долговое бремя начало увеличиваться за счет хронического дефицита внешнеторгового баланса, а также системных внутривнутриполитических кризисов, которые отражались на всех отраслях экономики.

В начале 1970-х гг. Эфиопия столкнулась с многочисленными засухами. Эпицентр гуманитарного кризиса пришелся на регионы Тыграй и Волло, которые были подвержены массовому голоду. Снижение продуктивности сельскохозяйственного сектора подорвало продовольственную безопасность в стране. Еще одно событие, которое создало предпосылки для масштабирования внешних заимствований, – приход к власти военного совета Дерг³ в 1974 г. Государственное управление стало осуществляться хаотично, начались политические репрессии, а эритрейский сепаратизм и пограничный конфликт с Сомали привели к тому, что экономические проблемы отошли на второй план.

С 1980 г. основным внешнеэкономическим партнером Эфиопии был СССР. В это время наша страна активно расширяла геополитическое влияние в регионе Африканского рога и наращивала военное сотрудничество с Эфиопией, поставляя вооружения и военную технику. Помимо военной, Советский Союз оказывал Эфиопии гуманитарную помощь. Например, во время голода 1983–1985 гг. СССР транспортировал зерно и лекарства в пострадавшие районы. За 10 лет (1980–1991 гг.) общий объем советской помощи Эфиопии составил более 5 млрд долларов.

К концу правления Менгисту (1991 г.) внешний долг Эфиопии увеличился до 8,86 млрд долларов (примерно 139% ВВП) [4]. Более половины этой суммы приходилось на внешний долг пред СССР, который в 2001 г. был списан Россией в объеме 4,8 млрд долларов⁴. Смена эфиопского по-

¹ The Federal Democratic Republic of Ethiopia: Request for an Arrangement Under the Extended Credit Facility – Debt Sustainability Analysis. – URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2024/253/article-A002-en.xml?utm_source=chatgpt.com

² Current economic position and prospects of Ethiopia. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/394831468250501276/pdf/multi0page.pdf#:~:text=42,are%20repayable%20in%20local%20currency>

³ Дерг – период с 1974 по 1987 г. в Эфиопии, когда у власти находился Временный военный административный совет.

⁴ Кому Россия прощала долги. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/656662>

литического режима в 1991 г. на демократический привела к изменениям в политике применения внешнего финансирования страны. Ключевую роль в кредитовании страны стал играть Комитет содействия развитию Всемирного банка (КСР). В это время Эфиопия присоединилась к Инициативе по облегчению бремени задолженности для беднейших стран с высокой долговой нагрузкой (НПРС), что снизило объем внешнего государственного долга до 5,6 млрд долларов [2].

Начиная с 2008 г. Китай начал активно предоставлять Эфиопии кредиты и займы, причем после 2013 г. этот процесс приобрел системный характер, когда Китай стал ключевым кредитором страны. Этот период совпал с запуском глобальной инфраструктурной инициативы «Один пояс – один путь». Основным драйвером послужило активное заимствование на развитие инфраструктуры и финансирование бюджета: в этот период в Эфиопии строились ГЭС, автомобильные железные дороги, и др. Однако после 2019 г. Китай перестал выдавать кредиты Эфиопии, и в сложившихся условиях ключевыми финансовыми партнерами вновь стали традиционные международные институты – МВФ, Всемирный банк, а также США.

По состоянию на 2024 г. совокупный объем внешнего долга Эфиопии достиг почти 29 млрд долларов, из них на долю многосторонних и двусторонних заимствований пришлось 23,8 млрд долларов (82,4%) [5]. В частности, многосторонние организации (такие как МВФ, Всемирный банк и региональные банки развития) предоставили 15,6 млрд долларов, тогда как двусторонние кредиторы – 8,2 млрд долларов. На фоне доминирования официального кредитования частный сектор (коммерческие банки и поставщики) сформировал сравнительно меньшую, но экономически значимую долю внешних обязательств – 5,1 млрд долларов (17,6%). Характерным явлением для Эфиопии выступает участие государственных предприятий в привлечении заемных средств именно из этого источника, что может создавать дополнительные риски ввиду менее гибких условий погашения по сравнению с официальными кредитами. В декабре 2023 г. Эфиопия допустила дефолт по своим внешним обязательствам, не осуществив платеж в размере 33 млн долларов по еврооблигациям¹. Это событие стало следствием системных экономических дисбалансов, которые произошли за последний период.

В 2017 г. страна перешла из категории государств с умеренным уровнем долгового риска в группу с высоким уровнем долговой уязвимости. Ухудшение показателей долговой устойчивости сопровождалось рядом негативных макроэкономических тенденций, включая хронически

¹ Ethiopia defaults of \$33 Million bond payment. – URL: <https://www.africanews.com/2023/12/27/ethiopia-defaults-on-33-million-bond-payment/>

низкие показатели экспортной выручки и устойчиво высокий уровень инфляции. Согласно данным базы статистики международного долга Всемирного банка (World Bank International Debt Statistics Database), текущая стоимость внешнего долга Эфиопии по состоянию на конец 2022 г. оценивалась в 21,5 млрд долларов. Совместная оценка долговой устойчивости, проведенная экспертами Международного валютного фонда и Всемирного банка, показала, что к концу 2023 г. данный показатель незначительно снизился – до 21,4 млрд долларов. Это однако не предотвратило наступление дефолтного события¹.

Следует отметить, что указанные показатели долговой нагрузки анализировались в рамках методологии оценки приемлемости долга (Debt Sustainability Framework), применяемой международными финансовыми институтами для стран с низким уровнем дохода. Данная методология учитывает не только абсолютные значения долговых обязательств, но и их соотношение с ключевыми макроэкономическими показателями, включая ВВП, экспортные доходы и доходы государственного бюджета. Экономическое развитие Эфиопии в рассматриваемый период характеризовалось значительным ухудшением ключевых макроэкономических показателей. На фоне дефицита платежного баланса наблюдалось устойчивое замедление темпов экономического роста: если до 2020 г. среднегодовой прирост ВВП составлял около 10%, то к концу 2023 г. этот показатель снизился до 6,5% [1]. Такая негативная динамика была обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, включая сохранение завышенного обменного курса национальной валюты, отсутствие своевременной корректировки макроэкономической политики, а также нарастающий дефицит счета текущих операций. Эти структурные дисбалансы проявились в низких темпах роста экспортных поступлений и острой нехватке иностранной валюты, что существенно ограничило возможности экономического маневра.

Ситуация дополнительно осложнилась вследствие вооруженного конфликта в регионе Тыграй, оказавшего разрушительное воздействие на экономику страны: была подорвана продовольственная безопасность, разрушена инфраструктура и повреждена частная собственность в северных районах Эфиопии. Согласно экспертным оценкам, стоимость восстановительных мероприятий достигает 20 млрд долларов, однако международное сообщество до сих пор не обеспечило достаточного финансирования этих программ. Совокупное воздействие этих факторов создало значительные препятствия для экономического восстановления и су-

¹ Annual public sector debt portfolio analysis for the year 2023/24. – N 25. – January 2025. – URL: mofed.gov.et/media/filer_public/d6/93/d69366bd-0130-4846-9c89-778b32a7f621/public_sector_debt_portfolio_analysis_no_25__2019-20__-2023-24.pdf

щественно ограничило возможности правительства по стабилизации макроэкономической ситуации

В 2021 г. Анализ устойчивости долга (DSA) Эфиопии показал нарушения в коэффициентах платежеспособности и ликвидности, связанных с экспортом, что повысило риск долгового кризиса. Данная ситуация усугублялась хронически низкими показателями экспорта и сокращением притока денежных переводов, что ограничивало возможности страны по обслуживанию внешних обязательств. В этих условиях Эфиопия присоединилась к Инициативе по приостановке обслуживания долга (DSSI), разработанной Всемирным банком и Международным валютным фондом (МВФ) для помощи беднейшим странам в преодолении финансовых последствий пандемии COVID-19. В рамках данной Инициативы Эфиопия приостановила выплаты по внешнему долгу перед двусторонними кредиторами на общую сумму 216 млн долларов.

Несмотря на некоторое улучшение бюджетных показателей, выразившееся в превышении роста доходов над расходами и сокращении дефицита бюджета с 3,4% ВВП в 2022 г. до 2,5% ВВП в 2023 г., долговая нагрузка оставалась критически высокой. В связи с этим Эфиопия подала заявку на участие в Общей рамочной программе G20, направленной на облегчение долгового бремени для стран с высоким уровнем задолженности. 16 сентября 2021 г. был официально сформирован Комитет кредиторов, сопредседателями которого выступили Китай и Франция, а основными участниками стали Китай, Дания, Франция, Италия, Южная Корея, Япония и Саудовский фонд развития. Однако несмотря на создание данного органа, конкретные меры по реструктуризации долга Эфиопии так и не были предприняты, что оставило проблему высокой долговой нагрузки нерешенной.

В октябре 2023 г. непосредственно перед объявлением дефолта правительство Эфиопии вело активные переговоры с китайской стороной о временном моратории на выплаты по кредитам на сумму 1,3 млрд долларов. Эти переговоры стали частью более широких усилий страны по стабилизации своей долговой ситуации. В результате китайские государственные финансовые институты, включая Export-Import Bank of China (China Exim Bank), China Development Bank и Industrial and Commercial Bank of China (ICBC), приняли решение о временной приостановке выдачи ранее согласованных кредитных линий на общую сумму свыше 758 млн долларов¹. При этом министр финансов Эфиопии отмечал, что в последние пять лет страна не брала коммерческих кредитов, которые вы-

¹ News: Ethiopian authorities discuss release of \$1.3 billion suspended loan with Chinese counterparts. – URL: addisstandard.com/news-ethiopian-authorities-discuss-release-of-1-3-billion-suspended-loan-with-chinese-counterparts/

дают Экспортно-импортный банк Китая и Китайский банк развития¹. Эта позиция отражала растущую обеспокоенность Пекина относительно устойчивости эфиопской экономики и способности страны обслуживать свои обязательства.

Несмотря на предпринимаемые правительством меры по стабилизации долговой ситуации, в 2022/23 финансовом году объем внешнего долга государственного сектора увеличился на 10% по сравнению с предыдущим периодом. При этом доля внешних заимствований в общей структуре государственного долга возросла с 55 до 65%, что свидетельствовало о растущей зависимости национальной экономики от внешних источников финансирования. Критическим индикатором ухудшения долговой устойчивости стало отношение внешнего долга к ВВП, достигшее в 2023 г. 38,74% [11]. Этот показатель приблизился к пороговому значению в 40%, установленному Всемирным банком и МВФ в качестве критерия оценки устойчивости внешнего долга развивающихся стран. Превышение данного порога создавало реальные риски потери платежеспособности, поскольку указывало на потенциальные трудности в обслуживании внешних обязательств.

Особую тревогу вызывал график предстоящих платежей на период 2023–2025 гг., общий объем которых оценивался не менее чем в 7 млрд долларов. Наибольшее давление оказывала необходимость погашения в декабре 2024 г. основной суммы еврооблигационного займа в размере 1 млрд долларов. Такие масштабы долговых выплат при одновременном сокращении валютных резервов и замедлении экономического роста существенно ограничивали возможности страны по своевременному выполнению обязательств перед кредиторами². Хотя правительство Эфиопии быстро отреагировало на сложности в обслуживании долга, негативный образ был создан после того, как кредитное агентство Fitch понизило рейтинг долгосрочного дефолта эмитента (РДЭ) Эфиопии с С до RD (ограниченный дефолт)³. Одновременно S & P Global понизило рейтинг Эфиопии до дефолта⁴. Эти факторы привели к негативным ожиданиям кредиторов, а держатели еврооблигаций не предприняли никаких мер

¹ Ethiopia Defaults Amid Financial Strains from War, Debt to China. – URL: adf-magazine.com/2024/01/ethiopia-defaults-amid-financial-strains-from-war-debt-to-china/

² From Debt to Development: What are Ethiopia's Choices? – URL: undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-04/UNDP%20-%20Shock%20Document%20-%20Working%20Paper%20Series%203%20-%20Final%20April%20132023.pdf

³ Fitch Downgrades Ethiopia's LTFC IDR to 'RD'. – URL: fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-downgrades-ethiopia-ltfc-idr-to-rd-27-12-2023

⁴ Ethiopia defaults on sovereign debt after deadline expires on \$33mn payment. – URL: ft.com/content/8225e96f-d3f3-4160-9154-87d2e8aa23e7

по приостановке, при этом процентные ставки по этим облигациям продолжали расти.

После объявления дефолта в декабре 2023 г. общий объем внешнего долга государственного сектора Эфиопии по состоянию на 31 декабря 2023 г. составил 28,5 млрд долларов, продемонстрировав незначительный рост по сравнению с показателем на 30 июня 2023 г. (28,2 млрд долл.). Примечательно, что в национальных официальных документах факт дефолта не получил прямого отражения; вместо этого в течение второго полугодия 2023 г. (с 1 июля по 31 декабря) были подписаны новые займы на сумму около 340,14 млн долларов, из которых примерно 60% пришлось на заимствования центрального правительства¹.

В постдефолтный период активизировались переговоры о реструктуризации долга в первую очередь с держателями еврооблигаций на сумму 1 млрд долларов. По предварительным договоренностям, в 2023–2024 гг. предполагалось списание 2,4 млрд долларов в рамках приостановки обслуживания долга, за которым должно последовать полное урегулирование обязательств в соответствии с параметрами программы МВФ. Отсроченные платежи планируется погасить в период с 2027/28 по 2029/30 финансовый год на условиях специального соглашения о моратории.

Международные финансовые институты продолжили поддержку Эфиопии после дефолта. В 2024 г. МВФ одобрил выделение 3,4 млрд долларов для содействия реализации внутренних экономических реформ, включая реструктуризацию внешнего долга и укрепление финансового положения государственных предприятий. Параллельно Всемирный банк предоставил 700 млн долларов в рамках Проекта по укреплению финансового сектора на рекапитализацию и реформирование Центрального банка Эфиопии. Потоки помощи в рамках программ содействия развитию также не прерывались.

Показательно, что дефолт не снизил интерес Китая как нового донора к экономическому сотрудничеству с Эфиопией. В 2024 г. китайская сторона объявила о введении политики нулевых тарифов, предусматривающей отмену таможенных пошлин на эфиопские товары и снятие ограничений на их ввоз. Данная мера призвана сократить дефицит торгового баланса между двумя странами и поддержать экспортный потенциал Эфиопии в посткризисный период².

¹ Annual public sector debt portfolio analysis for the year 2023/24. – No. 25. – January 2025. – URL: mofed.gov.et/media/filer_public/d6/93/d69366bd-0130-4846-9c89-778b32a7f621/public_sector_debt_portfolio_analysis_no_25_2019-20_-_2023-24.pdf

² In-depth: China Opens Doors Wide: Ethiopia set to tap massive consumer market as second-biggest economy introduces zero-tariff policy. – URL: addisstandard.com/china-opens-doors-wide-ethiopia-set-to-tap-massive-consumer-market-as-second-biggest-economy-introduces-zero-tariff-policy/

Системный рост внешней задолженности государства часто обусловлен фундаментальными дисбалансами в платежном балансе, проявляющимися в хроническом превышении импорта над экспортом на фоне замедления экономического роста. Когда отдача от привлеченных заемных средств не покрывает стоимости их обслуживания, формируются устойчивые предпосылки долгового кризиса. В этом контексте особую аналитическую ценность представляет исследование динамики платежного баланса Эфиопии в предкризисный период.

Для проведения анализа использованы данные годовых отчетов Национального банка Эфиопии и Министерства финансов за 2020–2023 гг., дополненные статистикой World Development Indicators Всемирного банка¹. Исследование выявило устойчивую негативную тенденцию: в течение 2015–2023 гг. объем импорта стабильно превышал экспортные показатели почти в 4 раза, формируя значительный торговый дефицит. Согласно базовым постулатам теории платежного баланса, компенсация подобного отрицательного сальдо требует формирования профицита по финансовому счету, достигаемого через привлечение иностранных инвестиций или продажу активов. Однако в случае Эфиопии финансовый счет также демонстрировал устойчивый дефицит платежного баланса (таблица).

Состояние платежного баланса Эфиопии в 2020–2024 гг.*

Показатель	2020/21	2021/22	2022/23
Торговый баланс	-10,691.3	-14,026.5	-13,530
Сальдо текущего счета без учета официальных трансфертов	-4,559.6	-6,267.7	-5,746.8
Размер долга к объему экспорта, %	26	21	18
Размер долга к ВВП	26,5	22	17,2

* Источник: Annual public sector debt portfolio analysis for the year 2023/24. – N 25. – January 2025. – URL: mofed.gov.et/media/filer_public/d6/93/d69366bd-0130-4846-9c89-778b32a7f621/public_sector_debt_portfolio_analysis_no_25_2019-20_-_2023-24.pdf

Определенный вклад в улучшение ситуации с государственными финансами и сглаживание проблемы внешней задолженности Эфиопии может внести ее вступление в БРИКС в 2024 г. Эфиопия может воспользоваться институтами этого объединения, члены которого «крайне заинтересованы в стабильном и предсказуемом порядке в сфере международных экономических отношений, прежде всего в торговле и финансовой системе» [7. – С. 162]. Более того, участие в БРИКС позволит Эфиопии интенсифицировать финансово-экономические отношения с Россией, что

¹ URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

также будет способствовать решению проблемы дисбаланса в государственных финансах [4].

Заключение

Особое значение для оценки реальной платежеспособности страны имеет показатель сальдо платежного баланса без учета официальных трансферов. В исследуемый период данный индикатор последовательно сигнализировал о нарастании макроэкономических дисбалансов: ежегодный рост дефицита в среднем на 10% в преддефолтный период отражал фундаментальную слабость экономической модели. Структурный анализ показывал, что расходы на импорт услуг и трансферы доходов иностранным инвесторам устойчиво превышали поступления от экспорта и прямых иностранных инвестиций. Сложившаяся ситуация вынуждала страну систематически прибегать к новым заимствованиям для покрытия текущего дефицита, что превратило динамику платежного баланса в надежный опережающий индикатор надвигающегося долгового кризиса.

Как демонстрируют статистические данные, замедление темпов экономического роста Эфиопии в исследуемый период существенно ограничило возможности страны по обслуживанию внешних обязательств. В 2021–2023 гг. объем иностранных активов сократился на 273,6 млн долларов в Национальном банке и на 54,5 млн долларов в коммерческих банках, что свидетельствовало об истощении валютных резервов. Показательно, что во II квартале 2022/23 финансового года правительство инициировало 16 новых инвестиционных проектов, финансируемых за счет комбинации внутренних и внешних заимствований, что дополнительно усилило давление на платежный баланс.

Кульминацией нарастающих дисбалансов стало ухудшение показателей платежного баланса в преддефолтный период: к концу 2023 г. дефицит достиг 389,5 млн долларов, тогда как отрицательное сальдо счета текущих операций увеличилось до 2 млрд долларов преимущественно за счет роста торгового дефицита.

Сложившаяся ситуация наглядно иллюстрирует классический механизм формирования долгового кризиса в развивающихся странах, когда хронические дисбалансы платежного баланса в сочетании с замедлением экономического роста неизбежно ведут к потере платежеспособности.

Список литературы

1. Головина С. Г., Безрукова А. В. Развитие социальной экономики в странах Африки: пример Эфиопии // Журнал монетарной экономики и

менеджмента. – 2024. – № 2. – С. 32–42. – DOI: 10.26118/2782-4586.2024.84.79.005

2. *Исмагилова Р. Н.* Эфиопия: история и современность. – М. : Институт Африки РАН, 2025.

3. *Миклашевская Н. А.* Внешний долг: актуальные вопросы теории и практики // Вестник Московского университета. – Серия 6: Экономика. – 2013. – № 1. – С. 19–35.

4. *Морозенская Е. В., Калининченко Л. Н.* Эфиопия: социально-экономическое развитие и возможности сотрудничества с Россией в науке и производстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 181–200. – DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10

5. *Петров Е. С., Николаева Е. А.* Перспективы экономики и внешней торговли Эфиопии: прогнозные оценки на основе математического моделирования // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. № 3 (39). – С. 52–64. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-52-64

6. *Шкваря Л. В.* Расширение БРИКС и новые возможности партнерства: макроэкономический анализ // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – № 10(4). – С. 146–167. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-4-146-167

7. *Alemu T., Choramo T. T., Jeldu A.* External Debt, Institutional Quality and Economic Growth in East African Countries // Journal of East-West Business. 2023. – Vol. 29(4). – P. 375–401. – DOI: 10.1080/10669868.2023.2248121

8. *Befekadu D.* Ethiopia's External Debt: The impact and the Way Forward // Canadian Journal of Development Studies. – 2001. – Vol. 22 (2). – P. 377–416. – DOI: 10.1080/02255189.2001.9668820

9. *Dagne G.* Impact of Foreign Aid on Economic Growth of Ethiopia // The Indian Economic Journal. – 2024. – P. 1–15. – DOI: 10.1177/00194662231213583

10. *Dunne J. P., Nikolaidou E., Chiminya A.* Military Spending, Conflict and External Debt in Sub-Saharan Africa // Defence and Peace Economics. – 2019. – Vol. 30 (4). – P. 462–473. – DOI: 10.1080/10242694.2018.1556996

11. *Kebede A. T., Ayal B. A., Alem Y. T.* US Sanctions on AGOA: a Political Economy Analysis of Ethiopian Trade Development Challenges and Prospects // Insight on Africa. – 2025. – June. – P. 1–23. – DOI: 10.1177/09750878251338070

12. *Vaggi G., Frigerio L.* The Myth (or Folly) of African Debt // International Journal of Political Economy. – 2024. – Vol. 53 (3). – P. 285–309. – DOI: 10.1080/08911916.2024.2391239

13. Yeshaneh B. W. Political Transition in Ethiopia and Renewed Trajectory of Ethio-Russian Relations // *Insight on Africa*. – 2025. – P. 1–17. – DOI: 10.1177/09750878251355048

References

1. Golovina S. G., Bezrukova A. V. Razvitie sotsialnoy ekonomiki v stranakh Afriki: primer Efiopii [The Development of Social Economics in African Countries: the Example of Ethiopia]. *Zhurnal monetarnoy ekonomiki i menedzhmenta* [Journal of Monetary Economics and Management], 2024, No. 2, pp. 32–42. (In Russ). DOI: 10.26118/2782-4586.2024. 84.79.005
2. Ismagilova R. N. Efiopiya: istoriya i sovremennost [Ethiopia: History and Modernity]. Moscow, Institut Afriki RAN, 2025. (In Russ).
3. Miklashevskaya N. A. Vneshniy dolg: aktualnye voprosy teorii i praktiki [External Debt: Current Issues of Theory and Practice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics], 2013, No. 1, pp. 19–35. (In Russ).
4. Morozenskaya E. V., Kalinichenko L. N. Efiopiya: sotsialno-ekonomicheskoe razvitie i vozmozhnosti sotrudnichestva s Rossiei v nauke i proizvodstve [Ethiopia: Socio-Economic Development and Opportunities for Cooperation with Russia in Science and Production]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 181–200. (In Russ). DOI: 10.31249/kgt/ 2022.04.10
5. Petrov E. S., Nikolaeva E. A. Perspektivy ekonomiki i vneshney trgovli Efiopii: prognoznnye otsenki na osnove matematicheskogo modelirovaniya [Prospects of the Economy and Foreign Trade of Ethiopia: Forecast Estimates Based on Mathematical Modeling]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 3 (39), pp. 52–64. (In Russ). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-52-64
6. Shkvarya L. V. Rasshirenje BRIKS i novye vozmozhnosti partnerstva: makroekonomicheskiy analiz [Expansion of BRICS and New Partnership Opportunities: Macroeconomic Analysis]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, No. 10 (4), pp. 146–167. (In Russ). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-4-146-167
7. Alemu T., Choramo T. T., Jeldu A. External Debt, Institutional Quality and Economic Growth in East African Countries. *Journal of East-West Business*, 2023, Vol. 29(4), pp. 375–401. DOI: 10.1080/10669868.2023. 2248121
8. Befekadu D. Ethiopia's External Debt: The impact and the Way Forward. *Canadian Journal of Development Studies*, 2001, Vol. 22 (2), pp. 377–416. DOI: 10.1080/02255189.2001.9668820

9. Dagne G. Impact of Foreign Aid on Economic Growth of Ethiopia. *The Indian Economic Journal*, 2024, pp. 1–15. DOI: 10.1177/00194662231213583
10. Dunne J. P., Nikolaidou E., Chiminya A. Military Spending, Conflict and External Debt in Sub-Saharan Africa. *Defence and Peace Economics*, 2019, Vol. 30 (4), pp. 462–473. DOI: 10.1080/10242694.2018.1556996
11. Kebede A. T., Ayal B. A., Alem Y. T. US Sanctions on AGOA: a Political Economy Analysis of Ethiopian Trade Development Challenges and Prospects. *Insight on Africa*, 2025, June, pp. 1–23. DOI: 10.1177/09750878251338070
12. Vaggi G., Frigerio L. The Myth (or Folly) of African Debt. *International Journal of Political Economy*, 2024, Vol. 53 (3), pp. 285–309. DOI: 10.1080/08911916.2024.2391239
13. Yeshaneh B. W. Political Transition in Ethiopia and Renewed Trajectory of Ethio-Russian Relations. *Insight on Africa*, 2025, pp. 1–17. DOI: 10.1177/09750878251355048

Поступила: 23.10.2025

Принята к печати: 24.10.2025

Сведения об авторах

Софья Николаевна Замесина
младший научный сотрудник
Центра изучения африканской
стратегии БРИКС,
Институт Африки РАН.
Адрес: Институт Африки Российской
академии наук, 123001, Москва,
ул. Спиридоновка, д. 30/1.
ORCID: 0009-0002-1736-521X
E-mail: sofya.zamesina@mail.ru

Андрей Леонидович Сапунцов
доктор экономических наук, доцент
ведущий научный сотрудник
Центра изучения проблем
Переходной экономики,
Институт Африки РАН.
Адрес: Институт Африки Российской
академии наук, 123001, Москва,
ул. Спиридоновка, д. 30/1.
ORCID: 0000-0001-5689-5737
E-mail: andrew@sapuntsov.ru

Information about the authors

Sofya N. Zamesina
Junior Researcher, Centre for African
Strategy in BRICS, Institute for African
Studies, RAS.
Address: Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences,
30/1 Spiridonovka Street, Moscow,
123001, Russian Federation.
ORCID: 0009-0002-1736-521X
E-mail: sofya.zamesina@mail.ru

Andrey L. Sapuntsov
Doctor of Economics, Associate Professor
Leading Researcher, Centre for Transitional
Economy Studies, Institute for African
Studies, RAS.
Address: Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences,
30/1 Spiridonovka Street, Moscow,
123001, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-5689-5737
E-mail: andrew@sapuntsov.ru

Требования, предъявляемые к статье для публикации в журнале

Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.

Структура статьи должна включать следующие обязательные элементы:

1. **Заглавие** статьи (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. **Инициалы и фамилию** автора(ов).
3. **Резюме** статьи (200–250 слов).
4. **Ключевые слова** (5–10 слов).
5. **Основной текст** (не более 30 тыс. знаков).
6. **Список литературы**.
7. **Сведения об авторе** (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, включая почтовый индекс, научная специализация, e-mail).

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах даются на русском и английском языке, пристатейный библиографический список на русском языке должен быть транслитерирован латиницей и переведен на английский язык.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова) в англоязычной версии указывать как **Plekhanov Russian University of Economics**.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволят облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Авторское резюме статьи является кратким изложением научной работы. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение. В авторском резюме не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии статьи.

1. *Основная часть* статьи должна содержать в себе теоретико-методологическую часть, в которой определяется и обосновывается выбор методов для решения поставленного вопроса или проблемы; демонстрацию количественных и качественных данных, полученных в ходе ре-

ализации указанных методов и методик; обобщение и встраивание полученных результатов в интеллектуальную историю исследуемого предмета. Статья должна быть написана языком, понятным как специалистам в данной области, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в обсуждении темы. Оригинальность текста должна быть более 80%.

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в **квадратных скобках** порядкового номера упоминаемого произведения из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого произведения [3. – С. 5].

Текст печатается в редакторе MS Word через полтора интервала с одной стороны бумаги формата А4 шрифтом Times New Roman размером 12 пт, страницы нумеруются.

Рисунки должны иметь расширение, совместимое с MS Word. Все буквенные обозначения на рисунках необходимо пояснить в основном или подрисуночном тексте. Подписи к рисункам и заголовки таблиц обязательны. Поскольку журнал печатается в одну краску, использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

В математических формулах греческие и русские буквы следует набирать прямым шрифтом, латинские – курсивом. Нумеровать необходимо только те формулы, на которые есть ссылки в последующем изложении. Нумерация формул сквозная.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных списка литературы. Один список литературы для русскоговорящих читателей оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (**References**) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Транслитерировать можно автоматически с помощью **translit.ru**, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи, поступающие в редакцию журнала, проходят обязательное «слепое» рецензирование. По решению редколлегии журнала статьи могут быть отправлены автору на доработку или отклонены по формальным или научным причинам (автору направляется мотивированный отказ). Вместе со статьей авторы передают в редакцию лицензионный договор и акт передачи.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Плата за публикацию рукописи не взимается.